

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 61
din 30.04.2009
Reconfirmare prin Hotărârea nr.146 din 27 iunie 2013

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de
Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Ministerul
Sănătății, Institutul de Științe Penale și Criminologie
Aplicată, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei
de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a
MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul),
Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret”
(Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași),
Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 4/3 (280) 2015

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, prof. univ. (Constanța,
România); A. Armeanic, doctor în drept, conf. univ.;
V. Balmuş, doctor în drept; C. Bocancea, doctor în
drept, prof. univ. (Iași, România); V. Bujor, doctor
în drept, prof. univ.; A. Burian, doctor habilitat în
drept; T. Capșa, doctor în drept; Gh. Costachi, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; I. Floander, doctor în
drept (Constanța, România); M. Gheorghică, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; Gh. Gladchi, doctor
habilitat în drept; V. Guțuleac, doctor în drept, prof.
univ.; V. Florea, doctor în drept, prof. univ.; V. Moraru,
doctor în drept, prof. univ.; V. Naumov, redactor șef
adjunct; V. Popa, doctor habilitat în drept, prof.
univ.; V. Stratonov, doctor în drept, profesor (Herson,
Ucraina).

Adresa redacției:

Casa presei, et. 5 – 512; 515
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 233 790; mob. 069190887;
234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua

Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md

www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

- Оксана БОНДАРЧУК. Тактические операции при расследовании оставления в опасности.....3
- Юлия ВЛАСЕНКО. Правовое регулирование экологического информационного обеспечения и его место в системе экологической безопасности Украины.....7
- Оксана ВОЙНАРОВСКАЯ. Правовое регулирование фактических брачных отношений по законодательству зарубежных стран (на примере отдельных европейских стран).....12
- Марьяна ГАЛКИВСКА. Философско-правовое измерение повышения уровня профессионального сознания работников органов внутренних дел.....16
- Юлия ГОРБАНЬ. Управленческо-правовой аспект реформирования государственного управления в сфере охраны окружающей среды в условиях евроинтеграции Украины.....19
- Александр ДУМА. Правовой статус работника, который увольняется согласно п. 6 ст. 40 Кодекса законов о труде Украины и восстанавливается на работе: сравнительный анализ..... 24
- Зоя ЗАГИНЕЙ. Изменение юридических формулировок и уголовно-правовая квалификация.....28
- Алена КАЗАНЦЕВА. Исторические аспекты становления и развития органа государственного регулирования в сфере коммунальных услуг в Украине..... 31
- Юлия КАЛИНИЧЕНКО. Уголовно-правовая характеристика субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления..... 35
- Анна КЕЧА. Предоставление информации с государственного реестра вещных прав на недвижимое имущество..... 39
- Марина КОЗИК. Теоретико-методологические аспекты партнерства милиции с общественностью.....43
- Ольга КОЛИЧ. Философско-правовые концепции полемистов Киево-Могилянской академии.....46
- Максим КОСТЮЧЕНКО. Особенности использования земель водного фонда при аренде водных объектов согласно законодательству Украины.....50

Мария КУЗЬ. Феноменология правового бытия: от социальной метафизики поступка к феноменологии правовой установки.....	53
Olga MIKICHUROVA. Implementation of the principle of mutual benefit in the process of Ukraine's integration into the European Union.....	57
Наталья НЕЛЕДВА. Реализация конституционного права на защиту во время утверждения соглашения судом в уголовном процессе.....	62
Оксана ОСАДЧАЯ. Принципы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины.....	65
Роман ПАРХОМЧУК. Административно-правовое регулирование процедур восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования с государственной долей собственности в Украине.....	69
Иванна ПОЛОНКА. Парадигма научных взглядов на нормативное и ненормативное поведение.....	73
Юрий ПОНОМАРЕНКО. Некоторые вопросы лишения звания как вида наказания по Уголовному праву Украины.....	77
Елена РОМЦИВ. Подозреваемый (обвиняемый) как субъект противодействия расследованию преступлений в сфере служебной деятельности.....	81
Михаил СЕРЕБРО. Образ современного государства как ценностно-нормативная модель.....	86
Артур СТАЦЕНКО. Уголовная ответственность юридических лиц в Украине в процессе адаптации Уголовного законодательства Украины к законодательству Европейского Союза.....	90
Ольга СУШИК. Правовое регулирование обеспечения радиационной безопасности в сфере использования ядерной энергии в соответствии с национальным законодательством государств-членов Европейского Союза.....	94

Ксения ТОКАРЕВА. Сравнение давности привлечения к административной ответственности в Украине, Молдове и Франции.....	98
Наталья ФЕДОРЧЕНКО. Понятие и признаки нарушений договорных обязательств по предоставлению услуг.....	101
Владимир ХАРЧЕНКО. Формирование ценностей как элемента политической культуры Европейского Союза и Украины: сравнительный контекст.....	105
Руслан ЧЕРНЫЙ. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля: проблемы толкования и совершенствования законодательства.....	110
Максим ШИШЛЮК. Сравнительно-правовой анализ отдельных видов пенсионного обеспечения военнослужащих по законодательству Украины и Республики Беларусь: опыт для Украины.....	114
Анатолий ШУЛЬГА. Правоинформированность личности: качественный и количественный аспекты.....	118

ТАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ

Оксана БОНДАРЧУК,

заместитель начальника факультета по подготовке специалистов для подразделений следствия
Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

The article considers the modern scientific approaches to tactical operations, the notion of which is one of the most debated in the criminalistic theory now. Based on the analysis of scientific works and legal practice the definition of tactical operation is suggested. Examined the problems of the study of the principles of formation and planning of tactical operations. Proposed the authors vision the system typical tactical operations which may be used during investigation leaving of danger. Tactical operations "Collecting and verifying evidence", "Crime instrument", "Identification and apprehension of the offender", "Exposing the offender", "Investigation of the offender", "Accomplice", "Identification of the victim", "Providing compensation", "Neutralization of counteraction" are characterized and features of their carrying out are shown at during investigation leaving of dangers.

Key words: technique investigation, tactical operation, leaving of danger, tactical objectives, tactical principles.

Аннотация

В статье рассмотрены современные научные подходы к пониманию тактической операции, понятие которой в настоящее время является одним из дискуссионных в теории криминалистики. На основе анализа научных работ и следственной практики предложено определение тактической операции. Рассмотрены принципы формирования тактических операций и их планирование. Предложено авторское видение системы типичных тактических операций, которые могут быть использованы во время расследования оставления в опасности. Охарактеризованы тактические операции «Сбор и проверка доказательств», «Орудие преступления», «Установление и задержание преступника», «Изобличение преступника», «Изучение личности преступника», «Соучастник», «Установление личности потерпевшего», «Обеспечение возмещения ущерба», «Нейтрализация противодействия», а также показаны особенности их проведения во время расследования оставления в опасности.

Ключевые слова: методика расследования, оставление в опасности, тактическая операция, тактические задачи, тактические принципы.

Постановка проблемы. В уголовном производстве подлежат доказыванию обстоятельства, перечень которых обозначен в ст. 91 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины). Криминалистика как прикладная наука адаптирует перечень этих обстоятельств к типичным условиям (ситуациям), возникающим во время расследования конкретных видов преступлений, и ассоциирует их с определенными заданиями расследования. Правильное определение объема таких заданий имеет большое значение во время разработки криминалистических методик.

В.А. Журавель задания расследования делит на стратегические и локальные. Стратегические задания проистекают из предмета доказывания и обстоятельств, подлежащих установлению в целом во время расследования отдельного вида преступления. Они направлены на достижение правовой цели, по своей природе являются более устойчивыми и менее подверженными влиянию ситуационных факторов. Локальные задания являются тактическими, имеют четко выраженную ситуационную обусловленность [1, с. 201–202].

Одним из стратегических заданий, исходя из положений ст. 2 УПК Украины, является обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного рассмотрения [2]. Соответственно, в основу локальных (тактических) задач целесообразно взять обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном производстве. Такие тактические задачи разрешаются путем проведения во время расследования преступления тактических операций.

Анализ последних исследований и публикаций. Научно-теоретические основы формирования тактических операций, их значение и место в методике расследования отдельных видов преступлений были предметом монографических исследований В.С. Богачука, С.Ф. Здоровка, И.М. Комарова, С.С. Чернявского, В.М. Шевчука. Отдельными теоретико-прикладными аспектами тактических операций в последние годы посвятили свои научные труды О.Ю. Булукуков, А.Ф. Волобуев, С.М. Краснянский, А.В. Олишевский, В.А. Приходько, М.В. Проценко, А.А. Севидов, Д.Б. Санакоев, Я.А. Соколова, Р.Л. Степанюк, В.Ю. Шепитько и другие ученые. Однако вопрос проведения тактических операций во время

расследования оставления в опасности остается неисследованным и требует углубленной научной разработки.

Целью статьи является раскрытие сути понятия тактической операции, принципов ее построения, планирование и формирование на этой основе системы типичных тактических операций, которые может использовать следователь во время расследования оставления в опасности (ст. 135 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины). Новизна работы заключается в том, что в ней впервые предложена система типичных тактических операций относительно преступления, связанного с оставлением в опасности.

Изложение основного материала. Основы криминалистического учения о тактических операциях были заложены в конце 70-х – начале 80-х гг. минувшего столетия А.В. Дуловым и В.И. Шикановым. Особенную активность разработка этой проблематики получила в последние годы в связи с усложнением механизма преступления, потребностью в разработке более эффективных научно-практических рекомендаций расследования преступлений.

До сегодня вопрос о понятии тактической операции, ее задачах и зна-

чении для криминалистической методики остается дискуссионным, что свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения этой криминалистической категории с целью выработки относительно нее единой позиции. Это сделает возможным дальнейшее развитие учения о тактических операциях в рамках методики расследования отдельных видов преступлений, в том числе связанных с оставлением в опасности. Сейчас актуальным является вопрос не только о тактических операциях как таковых, но и о внедрении их систем в практическую деятельность следователя по расследованию преступлений. Этому способствует в первую очередь унифицированное понимание сущности тактических операций и их классификация. В.Ю. Шепитько справедливо делает вывод, что тактическая операция является важным криминалистическим средством в деятельности следователя, которое должно предоставить ему практическую помощь во время расследования отдельных видов преступлений. Это своеобразный ориентир в решении тактических задач расследования преступлений [3, с. 361].

В большинстве существующих в криминалистической литературе определений высказано мнение, что тактическая операция является собой сочетание (совокупность, комплекс, систему) следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, направленных на решение промежуточных задач расследования в определенной следственной ситуации. К обязательным и наиболее важным признакам тактической операции относятся их комплексность, интегративность, компонентность, системность, ситуационная обусловленность, целеустремленность, выборочность, спланированность и алгоритмичность. К факультативным признакам можно отнести наличие единого руководства со стороны следователя, быстротечность (проведение в короткие строки), применение в основном на начальном этапе расследования, обусловленность криминалистической характеристикой преступления, проведение с соблюдением требований УПК Украины, формализм названий тактических операций [4, с. 23, 30–33].

Р.Л. Степанюк считает, что тактическая операция может быть опре-

делена как комплекс следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, направленных на решение промежуточных задач расследования в определенной следственной ситуации. По мнению ученого, следует проводить дифференциацию типичных тактических операций относительно уровней методики и промежуточных задач расследования. В связи с этим предлагается вести речь об универсальных (могут использоваться во время расследования любого преступления), общих (предназначенных для отдельных видовых, межвидовых методик) и частных (предназначенных для подвидовых методик) типовых тактических операциях [5, с. 204–205]. В.С. Богачук под тактической операцией понимает систему согласованных и взаимообусловленных по целевому назначению следственных, оперативно-розыскных и других действий, разработанных с учетом сформированной следственной ситуации, которые проводятся в соответствии с планом и под руководством следователя, с целью выполнения определенных тактических задач по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Существенными признаками тактической операции он считает такие: 1) системность взаимозависимых следственных, оперативно-розыскных и иных действий; 2) обусловленность этой системы действий следственной ситуацией; 3) плановость их реализации; 4) руководящую роль следователя; 5) целеустремленность действий относительно решения конкретных тактических задач [6, с. 8–9].

Не углубляясь в научную дискуссию относительно теоретического понимания тактической операции, отметим, что мы поддерживаем позицию В.А. Журавля, который определяет тактическую операцию как своеобразную форму, организационно-тактическое средство проведения расследования, включающее в себя оптимальную совокупность взаимосвязанных единой целью действий (следственных, оперативно-розыскных, организационных), которые при комплексном применении направляются на обеспечение наиболее эффективного решения тактических (локальных и промежуточных) задач, возникающих

в конкретной следственной ситуации [1, с. 201].

В.Ю. Шепитько дифференцирует тактические операции в зависимости от элементов, входящих в их структуру, на такие группы: 1) два и более однотипных следственных действия; 2) комплекс различных следственных действий; 3) комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; 4) комплекс следственных действий и мероприятий организационного характера; 5) система оперативно-розыскных мероприятий; 6) комплекс оперативно-розыскных и организационных мероприятий [7, с. 62].

Более полную, по нашему мнению, классификацию предложил С.Ф. Здорков. Ученый выделяет такие виды тактических операций: 1) в зависимости от вида преступления (тактические операции во время расследования убийств, краж, вымогательств и так далее); 2) в зависимости от промежуточных (локальных) задач расследования преступления (тактические операции «Установление преступника», «Документ», «Защита доказательств», «Установление орудия преступления» и другие); 3) в зависимости от характера элементов структуры тактических операций (однородные и неоднородные действия); 4) в зависимости от уровня сложности (простые и сложные); 5) в зависимости от временного периода действия тактической операции (одномоментные и имеющие протяженность во времени); 6) в зависимости от этапа расследования преступления (тактические операции, проводимые на начальном, дальнейшем и заключительном этапе расследования); 7) в зависимости от характера направленности операции (познавательные, поисковые и такие, которые выполняют организационные функции); 8) в зависимости от лиц, взаимодействующих во время проведения тактической операции (проведенные только следователем, проведенные следственно-оперативной группой, оперативно-тактические операции под руководством следователя) [8, с. 30–31].

Формирование тактических операций должно осуществляться на основе определенных принципов. В.М. Шевчук указывает, что к принципам тактических операций следует относить руководящие основы, которые разрабо-

таны в теории криминалистики с учетом потребностей практики. Они основываются на особенностях объекта изучения и обеспечивают возможность обобщения и распространения полученных знаний на следственную деятельность. К принципам, образующим систему, раскрывающим суть и обеспечивающим продуктивность построения тактических операций, относятся комплексность, целенаправленность, детерминированность, структурированность, формализованность, унифицированность и адаптированность [9, с. 240–241].

Планирование тактических операций следует рассматривать в плоскости планирования отдельных следственных и других действий, однако с учетом специфики исследуемого организационно-тактического комплекса. Это не просто набор тех или иных элементов, а система определенных взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, характеризующая хронологию развития мысленной деятельности, которая определяется такими действиями: а) основывается на анализе фактической информации; б) охватывает изучение и анализ доказательственной информации; в) имеет отношение к выдвинутым версиям и поставленным тактическим задачам; г) направлена на установление последовательности следственных действий; д) направлена на определение субъектов тактической операции и сроков ее исполнения; е) направлена на прогнозирование результатов; ж) основывается на составлении письменного плана тактической операции [10, с. 235, 237].

Исследуя преступные нарушения авторских и смежных прав, А.Ф. Волобуев и А.А. Севидов выделяют такие тактические операции: 1) установление принадлежности авторского права (тактическая операция «Принадлежность авторского права»); 2) установление обороноспособности произведения («Обороноспособность произведения»); 3) установление факта нарушения авторского права («Нарушение авторского права»); 4) установление размеров причиненных преступлением убытков и обеспечение их компенсации («Обеспечение возмещения причиненных преступлением убытков») [11, с. 44]. Во время расследования преступлений, совершенных органи-

зованными группами, А.Ф. Волобуев и М.В. Проценко выделяют и характеризуют тактические операции «Распределение функций», «Устойчивость группы», «Преступная деятельность», «Обеспечение сохранности доказательств», «Предупреждение исчезновения подозреваемого», «Защита свидетеля и потерпевшего», «Средства массовой информации», «Нейтрализация внешних и внутренних коррупционных факторов», «Безопасность» [12].

Анализ научной литературы и следственной практики дает нам возможность, придерживаясь свойства формализации названий, выделить такие типичные тактические операции, которые могут проводиться следователем во время расследования оставления в опасности: «Сбор и проверка доказательств», «Орудие преступления» «Транспортное средство», «Установление и задержание преступника», «Изобличение преступника», «Изучения личности преступника», «Соучастник», «Установление личности потерпевшего», «Проверка связей потерпевшего», «Обеспечение возмещения ущерба», «Нейтрализация противодействия». Эти типичные тактические операции фактически охватывают собой четыре основных направления расследования: 1) сбор доказательств; 2) личность преступника; 3) личность потерпевшего; 4) процесс расследования.

Наиболее масштабной во время расследования оставления в опасности является тактическая операция «Сбор и проверка доказательств». Она направлена на то, чтобы в максимально короткие сроки собрать фактические данные, на основании которых следователь, прокурор, следственный судья или судья устанавливает наличие или отсутствие фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства. Ее составными частями могут выступать тактические операции «Орудие преступления» и «Транспортное средство» (например, в случае исчезновения подозреваемого на автомобиле после дорожно-транспортного происшествия).

Тактическая операция «Установление и задержание преступника» включает в себя комплекс следственных (розыскных) действий, оперативно-розыскных и других мероприятий, направленных на тактически успешное и

процессуально грамотное задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, связанного с оставлением в опасности. На практике такие задержания чаще всего проводятся после выявления преступления, через существенный промежуток времени после момента его совершения. Следует согласиться с размышлениями Д.Б. Санакоева, который убежден, что любое задержание подозреваемого лица связано с риском. Для снижения такого риска предлагается увеличить количество лиц, которые будут принимать участие в задержании, обеспечить охрану периметра места, где будет проходить задержание, и после задержания помогать следователю в проведении последующих процессуальных действий [13, с. 553].

Такая тактическая операция, как «Изобличение преступника», рассматривается нами отдельно потому, что не всегда лицо, которому сообщили о подозрении, признает свою вину и помогает следствию. В этом случае можно использовать тактическую операцию «Изучение личности преступника». Она дает возможность следователю найти необходимый подход к подозреваемому, выяснить мотивы и цель преступления, установить обстоятельства, которые влияют на степень тяжести преступления, могут смягчить наказание и так далее.

Если обстоятельства дела свидетельствуют о возможной причастности к совершению преступления нескольких лиц, следует провести тактическую операцию «Соучастник», направленную на поиск информации обо всех соучастниках и выяснение роли каждого из них в совершении преступления. Как подвид такой тактической операции можно рассматривать «Проверку подозрения относительно нескольких лиц».

В ситуации, когда выявлен труп потерпевшего, но его личность не установлена, возможна тактическая операция «Установление личности потерпевшего». Несколько иная задача стоит перед тактической операцией «Проверка связей потерпевшего». Ее проведение может быть эффективным в ситуации, когда не известна личность преступника и есть предположение (выдвигается версия), что он может быть знакомым потерпевшего.

Необходимость в проведении тактической операции «Обеспечение возмещения ущерба» связана с несколькими факторами. Во-первых, в ст. 2 УПК Украины сказано, что одной из задач уголовного производства является защита личности, общества и государства от криминальных правонарушений и охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства. Во-вторых, в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 56 УПК Украины потерпевший имеет право на возмещение ущерба, причиненного криминальным правонарушением. В-третьих, в п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК Украины говорится, что вид и размер ущерба, причиненного криминальным правонарушением, а также размер процессуальных расходов подлежат доказыванию. В-четвертых, ч. 3 ст. 128 УПК Украины предусматривает: «Гражданский иск в интересах государства предъявляется прокурором <...> а также в интересах граждан, которые из-за своего физического или материального состояния, несовершеннолетия, возраста, недееспособности не могут самостоятельно защитить свои права» [2]. Указанная тактическая операция должна проводиться в двух направлениях: установление размера причиненного ущерба и обеспечение гражданского иска.

Отдельно остановимся на тактической операции «Нейтрализация противодействия», поскольку не всегда возникает необходимость в ее проведении во время расследования преступлений, связанных с оставлением в опасности. В наиболее общем виде эта тактическая операция включает в себя комплекс мероприятий, направленных на своевременное выявление попыток противодействия, по возможности – их предотвращение или преодоление. В свою очередь формы и способы противодействия являются настолько разнообразными, что в некоторых случаях требуется организация проведения различных вариантов (подвидов) этой тактической операции, например, таких как «Защита следователя от необоснованного обвиняемого в давлении», «Защита потерпевшего и свидетеля», «Защита доказательств», «Работа со СМИ», «Розыск личности».

Выводы. Таким образом, при формировании частной криминалистической методики на теоретическом уровне

не сначала необходимо правильно и полно определить тактические задачи, соответствующие определенной следственной ситуации, а потом предложить типовые тактические операции. Реализацию каждой тактической операции во время расследования оставления в опасности следует производить с учетом сложившейся во время расследования следственной ситуации. Дальнейшая научная разработка типовых тактических операций поможет оптимизировать процесс расследования преступлений, связанных с оставлением в опасности, а также даст возможность следователю сориентироваться в обстановке и правильно определить направления расследования.

Список использованной литературы:

1. Журавель В.А. Система следственных действий и тактических операций в структуре отдельной криминалистической методики расследования преступлений / В.А. Журавель // Вестник Академии правовых наук. – 2009. – № 2(57). – С. 197–202.
2. Криминальный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г. (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon.rada.gov.ua>.
3. Шепитько В.Ю. Использование тактических операций в следственной деятельности: теоретико-прикладные проблемы / В.Ю. Шепитько // Проблемы борьбы с преступностью. – 2009. – № 100. – С. 355–361.
4. Шевчук В.М. Научные подходы к пониманию тактической операции / В.М. Шевчук // Теория и практика судебной экспертизы криминалистики. – 2012. – Вып. 12. – С. 22–33.
5. Степанюк Р.Л. Типичные тактические операции в методике расследования преступлений, совершаемых в бюджетной сфере / Р.Л. Степанюк // Право и безопасность. – 2012. – № 1. – С. 204–208.
6. Богачук В.С. Тактические операции во время расследования фальшивых денег : автореф. дисс. ... канд. наук : спец. 12.00.09 / В.С. Богачук. – К., 2010. – 20 с.
7. Шепитько В.Ю. Тактика расследования преступлений, совершенных организованными группами и преступ-

ными организациями / В.Ю. Шепитько. – Х. : Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого, 2000. – 88 с.

8. Здоровко С.Ф. Расследование убийств, совершаемых организованными преступными группами (типичные тактические операции) : [монография] / С.Ф. Здоровко. – Х. : Гриф, 2004. – 176 с.

9. Шевчук В.М. Принципы формирования тактической операции: теория и методология изучения / В.М. Шевчук // Вопросы борьбы с преступностью. – 2013. – Вып. 1(72). – С. 235–246.

10. Шевчук В.М. Планирование тактических операций при расследовании преступлений / В.М. Шевчук // *Legea si Viata*. – 2014. – Martie. – С. 234–237.

11. Волобуев А.Ф. Тактические операции при расследовании преступных нарушений авторских и смежных прав / А.Ф. Волобуев, А.А. Севидов // Форум права. – 2008. – № 2. – С. 44–49.

12. Волобуев А.Ф. Тактические операции при расследовании преступлений, совершенных организованными группами / А.Ф. Волобуев, М.В. Проценко // Вестник Харьковского университета внутренних дел. – 2008. – Вып. 40. – С. 104–112.

13. Санакоев Д.Б. Тактическая операция задержания как средство реализации материалов оперативно-розыскной деятельности в делах о торговле людьми / Д.Б. Санакоев // Научный вестник Днепропетровского государственного университета внутренних дел. – 2012. – № 1. – С. 551–556.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ

Юлия ВЛАСЕНКО,

кандидат юридических наук, ассистент кафедры экологического права
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The present article conducts a theoretical study of the legal regulation of environmental information provision, its place and importance in the system of environmental safety. Carries out the analysis of the legal literature on the study of the concept, the legal nature of information security, its forms and kinds. Reveals legal mechanism of regulation of information in the system of environmental safety. Based on the analysis conducted it substantiates that the legislation of Ukraine in the field of environmental information is complex, and its norms, which ensure the right for environmental information, are allocated within different industries, thus necessitating their classification.

Key words: environmental information, information technology, ecological safety, right for environmental information.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование правового регулирования экологического информационного обеспечения, его места и значения в системе экологической безопасности. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию понятия, юридической природы информационного обеспечения, его форм и видов. Раскрывается правовой механизм регулирования информационного обеспечения в системе экологической безопасности. На основе проведенного анализа обосновывается, что законодательство Украины в сфере экологической информации имеет комплексный характер, его нормы по обеспечению и реализации права на экологическую информацию находятся в разных отраслях, что вызывает необходимость их систематизации.

Ключевые слова: экологическая информация, информационное обеспечение, экологическая безопасность, право на экологическую информацию.

Постановка проблемы. На современном этапе прослеживается тенденция к возрастанию роли информации в развитии общества и государства. Законом Украины «Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007–2015 гг.» [10], другими нормативно-правовыми актами определяется необходимость развития информационного общества, ориентированного на интересы людей, открытого для всех, в котором каждый человек может создавать и накапливать информацию и знания, иметь к ним свободный доступ, пользоваться и обмениваться ими. Постановлением Кабинета Министров Украины от 14.01.2015 г. № 2 принято Положение о Министерстве информационной политики Украины [15], которое является главным органом в системе центральных органов исполнительной власти в сфере обеспечения информационного суверенитета Украины, в частности, по вопросам распространения общественно важной информации в Украине и за ее пределами, а также обеспечения функционирования государственных информационных ресурсов.

Актуальность темы исследования. Информационное обеспечение сферы природопользования, охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности относится к числу теоретико-правовых проблем, которые недостаточно изучены в юридической науке. Для экологического права эта проблематика представляет интерес в контексте обсуждаемой в последнее время концепции правового регулирования информационной сферы, предполагает развитие системных исследований, направленных на выявление тенденций взаимодействия информационного права с другими отраслями национального и международного права, в число которых входит также экологическое право. С этой целью разработана и принята Распоряжением Кабинета Министров Украины от 15.05.2013 г. № 386-р Стратегия развития информационного общества в Украине [14].

Состояние исследования. Научный анализ проблем правового регулирования эколого-информационных правоотношений и правового механизма обеспечения экологической безопасности осуществляется многими отечественными и зарубежными

учеными. Среди них следует назвать В.И. Андрейцева, Г.И. Балюк, М.И. Васильеву, Г.В. Выпханову, А.А. Попова, М.В. Краснову и других авторов, работы которых послужили фундаментальной базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов.

Целью и задачей статьи является исследование состояния правового регулирования и применения норм в сфере экологического информационного обеспечения, определение их места и значения в системе экологической безопасности, проведение анализа системы научных взглядов и разработок по этой проблеме и внесение предложений по совершенствованию законодательства в сфере экологической информации.

Изложение основного материала. Как отмечается в Доктрине информационной безопасности Украины [13], в современных условиях информационная составляющая приобретает все больший вес и становится одним из важнейших элементов обеспечения национальной безопасности. Способность идентифицировать научно-технические и экологические проблемы, осуществлять мониторинг их развития

и прогнозирование последствий непосредственно зависят от эффективности используемой информационной инфраструктуры. Таким образом, информационная безопасность является неотъемлемой частью каждой из сфер национальной безопасности, а значит, и экологической безопасности как ее неотъемлемой составляющей.

Доктрина информационной безопасности Украины [13] среди реальных и потенциальных угроз информационной безопасности Украины в экологической сфере определяет такие: 1) сокрытие, несвоевременное предоставление информации или предоставление недостоверной информации населению о чрезвычайных экологических ситуациях техногенного и природного характера; 2) недостаточная надежность информационно-телекоммуникационных систем сбора, обработки и передачи информации в условиях чрезвычайных ситуаций; 3) низкий уровень информатизации органов государственной власти, который делает невозможным осуществление оперативного контроля и анализа состояния потенциально опасных объектов и территорий, заблаговременного прогнозирования и реагирования на чрезвычайные ситуации.

В современной юридической научной литературе по-разному трактуется термин «информационное обеспечение». Одни ученые считают, что информационное обеспечение целесообразно понимать в двух смыслах: с одной стороны, как правовое регулирование и его сущность с точки зрения информационного подхода, а с другой – как совершенствование деятельности в плане научного, методического обеспечения, использование прикладных и специальных дисциплин с целью повышения качества деятельности [23, с. 10–11]. Другие исследователи рассматривают этот термин как гарантию, способ, средство обеспечения экологической безопасности, соответствующее направлению, способ реализации государством национальной экологической политики [20, с. 261]; как межотраслевую функцию управления в сфере экологии [21, с. 54], которая может определяться, как урегулированная правовыми нормами деятельность уполномо-

ченных на это государственных органов в сфере экологического информационного обеспечения [22, с. 7]. Информационное обеспечение составляет также неотъемлемую часть и является важным условием осуществления других функций управления в сфере экологии, основанием для принятия экологически важных решений и любых других видов управленческой деятельности в данной сфере.

Экологическая доктрина Украины рассматривает информационное обеспечение в качестве средства реализации экологической политики, основной целью которой является обеспечение экологически безопасной окружающей среды для жизни и здоровья населения [11]. Так, Конституция Украины [1] в ч. 1 ст. 50 закрепляет абсолютное право человека на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение причиненного нарушением этого права вреда. А в ч. 2 ст. 50 Конституции Украины предусматривается и закрепляется основная гарантия реализации этого права, а именно обеспечения и реализации права на экологическую информацию. Установлено, что каждому гарантируется право свободного доступа к информации о состоянии окружающей среды, о качестве пищевых продуктов и предметов быта, а также право на ее распространение, на то, что данная информация никем не может засекречиваться [1]. Указанное право закрепляется также среди других экологических прав граждан в п. «е» ч. 1 ст. 9 Закона Украины «Об охране окружающей природной среды» [6] как право на свободный доступ к информации о состоянии окружающей природной среды (экологическая информация) и свободное получение, использование, распространение и хранение такой информации, за исключением ограничений, установленных законом. Следует отметить, что большинство ученых рассматривают экологическое информационное обеспечение именно сквозь призму его как средства обеспечения права на экологическую информацию. Только при должном информационном обеспечении могут реализоваться экологические права граждан вообще [17, с. 42] и право на экологическую

безопасность в частности. Так, эколого-информационное обеспечение является одним из основных средств и гарантий реализации права граждан на экологическую безопасность.

Право на экологическую информацию или право на доступ к экологической информации является важной составляющей экологических прав граждан, защита которых гарантируется прежде всего Конституцией Украины и другими нормативными правовыми актами. Среди них важное место отводится Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступа к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, ратифицированной Законом Украины от 06.07.1999 г. [2], Закону Украины «О доступе к публичной информации» [12] и другим актам. Однако роль информации в экологической сфере намного шире. Она создает условия для защиты гражданами других экологических прав, играет важную роль в организации видов деятельности, которые оказывают техногенное воздействие на окружающую среду, потребляют, эксплуатируют природные ресурсы и так далее.

Правовые нормы, регулирующие отношения в сфере экологического информационного обеспечения, содержатся в конституционном, информационном, экологическом, административном и других отраслях права, образуют комплексный правовой институт. В данной сфере возникают своеобразные эколого-информационные отношения, которые складываются по поводу производства, создания, поиска, получения, обработки, систематизации, предоставления, хранения, обмена, распространения, использования, защиты экологической информации, функционирования фондов и систем, содержащих такую информацию, и применения в этих целях информационных технологий. Субъектами эколого-информационных отношений выступают все лица, которые по роду деятельности или в силу личной заинтересованности причастны к информационным процессам. Закон Украины «Об информации» [7] в ст. 4 определяет перечень субъектов информационных отношений. Ими являются физиче-

ские лица, юридические лица, объединения граждан, субъекты властных полномочий. Закон Украины «Об охране окружающей природной среды» [6] в ст. 25-1 конкретизирует перечень субъектов, которые обязаны обеспечивать свободный доступ населения к информации о состоянии окружающей природной среды. К таким субъектам указанный акт относит специально уполномоченный центральный орган исполнительной власти по вопросам экологии и природных ресурсов (в настоящее время – Министерство экологии и природных ресурсов Украины), его органы на местах, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения и организации, деятельность которых может негативно повлиять или влияет на состояние окружающей природной среды, жизнь и здоровье людей. Экологическое информационное обеспечение осуществляется органами государственной власти и органами местного самоуправления в пределах их полномочий.

Относительно объекта информационных отношений существуют различные точки зрения [25, с. 30]. По нашему мнению, наиболее подходящей является позиция тех авторов, которые считают собственно экологическую информацию объектом эколого-информационных отношений [17, с. 39], что подтверждается также положениями ст. 4 Закона Украины «Об информации» [7]. Закон Украины «Об охране окружающей природной среды» [6] в ст. 25 закрепил законодательное определение экологической информации. Основными источниками такой информации являются данные мониторинга окружающей среды, кадастров природных ресурсов, реестры, автоматизированные базы данных, архивы, а также справки, которые выдаются уполномоченными органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями, отдельными должностными лицами.

В науке экологического права определение правового понятия «экологическая информация» сводится в основном к нескольким подходам [18; 19; 22; 24]. Важное значение для определения содержания и границ экологической информации

имеют также Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, и Директива Европейского Союза «О свободном доступе к информации об окружающей среде» (1990 г. и 2003 г.).

Необходимо также выделить основные принципы информационных отношений. Ими являются *общие принципы*, закрепленные в ст. 2 Закона Украины «Об информации» (гарантированность права на информацию; открытость, доступность информации; свобода обмена информацией; достоверность и полнота информации; свобода выражения взглядов и убеждений; правомерность получения, использования, распространения, хранения и защиты информации) [7], и специальные принципы, закрепленные в ст. 3 Закона Украины «Об охране окружающей природной среды» (принцип обязательности предоставления заключений государственной экологической экспертизы; гласности и демократизма при принятии решений, реализация которых влияет на состояние окружающей природной среды, формирование у населения экологического мировоззрения) [6] и в разделе 2 Закона Украины «Об основных принципах (стратегии) государственной экологической политики Украины на период до 2020 г.» (принципы доступности, достоверности и своевременности получения экологической информации, ответственности органов исполнительной власти за невыполнение данного принципа и другие) [11].

Для существования эффективного правового механизма информационного обеспечения природопользования, охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности необходимо прежде всего наличие теоретико-правовых основ, системы законодательства в сфере эколого-информационного обеспечения и его надлежащего применения. Так, по мнению Г.В. Выпхановой, правовой механизм информационного обеспечения представляет собой систему правовых средств, которые являются опосредованными правовыми нормами экологического, информационного и других отраслей

права, направленными на правовое регулирование эколого-информационных отношений, а также обеспечивают эффективное правовое влияние на участников этих отношений с целью реализации их экологических прав [18, с. 13], а значит, и прав на экологическую безопасность и экологическую информацию. В его составе выделяются и находятся во взаимосвязи доктринальная, нормотворческая, нормативно-правовая, правоприменительная и правоохранительная составляющие.

Как отмечается в Доктрине информационной безопасности Украины [13], деятельность органов исполнительной власти в сфере обеспечения информационной безопасности Украины должна сосредотачиваться на конструктивном сочетании деятельности государства, гражданского общества и человека по трем основным направлениям: информационно-психологическом, технологическом развитии и защите информации. Государство с целью обеспечения информационной безопасности Украины в экологической сфере должно принимать ряд мер, обозначенных в п. 8 Доктрины информационной безопасности Украины [13]. Закон Украины «Об охране окружающей природной среды» [6] в ст. 25-1 определяет пути реализации функции экологического информационного обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления в пределах их полномочий. Этими путями являются такие: а) подготовка Министерством экологии и природных ресурсов Украины и представление на рассмотрение Верховной Рады Украины ежегодного Национального доклада о состоянии экологии в Украине; б) ежегодное систематическое информирование местными органами власти о состоянии экологии соответствующих территорий; в) немедленное информирование о чрезвычайных экологических ситуациях; г) передача информации, полученной в результате проведения мониторинга окружающей среды; д) обеспечение свободного доступа к экологической информации, не составляющей государственной тайны. Экологическое информационное обеспечение регулируется значительным

количеством законодательных и подзаконных актов различных отраслей национального и международного законодательства, поэтому носит комплексный характер. Эти нормы можно классифицировать по различным критериям. Так, М.В. Краснова в зависимости от видов экологически важных сведений, источников таких сведений и органов, уполномоченных обеспечить свободный доступ к таким сведениям, предложила выделить следующие блоки правового регулирования экологического информирования: а) нормативно-правовые акты, которые заложили концептуальные основы экологического информирования и принципы его обеспечения; б) нормативно-правовые акты, которые определяют обязанности по обеспечению экологического информирования лиц и их правовое положение; в) нормативно-правовые акты, которые определяют виды и источники экологического информирования; г) нормативно-правовые акты, регламентирующие процедуры экологического информационного обеспечения; д) нормативно-правовые акты, которые устанавливают обеспечительные (охранные) средства экологического информирования [22, с. 46].

Значительная часть норм в сфере экологического информирования содержится в различных актах экологического природоресурсного законодательства, в частности в Земельном кодексе Украины, Водном кодексе Украины, Лесном кодексе Украины, в Кодексе Украины о недрах, в Законе Украины «О растительном мире», в Законе Украины «О животном мире», в Законе Украины «Об охране атмосферного воздуха», в ст. 4 Закона Украины «Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения» [8]. Закон Украины «Об объектах повышенной опасности» [9] ст. 15 ввел регулирование информирования как на уровне реализации субъективного права на получение такой информации, так и на уровне осуществления комплексной функции управления по экологическому информационному обеспечению в этой сфере. Существует ряд других нормативных актов в сфере экологии, нормы которых предусматривают

право на получение экологической информации (Кодекс гражданской защиты Украины от 02.10.2012 г., Закон Украины «Об отходах», Закон Украины «Об использовании ядерной энергии и радиационной безопасности» от 08.02.1995 г., Закон Украины «Об обращении с радиоактивными отходами» от 30.06.1995 г., Закон Украины «О пестицидах и агрохимикатах» от 02.03.1995 г. и другие).

Наличие в законодательстве норм, предусматривающих ответственность за нарушение права на экологическую информацию, также является одной из крупнейших гарантий его реализации. Право на экологическую информацию реализуется прежде всего с целью обеспечения права на экологическую безопасность, а потому в случае его нарушения законодательство предусматривает не только его возобновление, но и возмещение материального и морального вреда (ст. 31 Закона Украины «Об информации» [7], ст. 24 Закона Украины «О доступе к публичной информации» [12], Закон Украины «О защите прав потребителей» [5]). Кодексом Украины об административных правонарушениях [3] в ст. 91-4 предусматривается административная ответственность и определенный состав правонарушения, а ст. 238 Уголовного кодекса Украины [4] регулирует уже состав преступления.

Проведенный анализ действующего законодательства Украины в сфере экологической информации позволяет сделать вывод об отраслевой разобщенности норм, обеспечивающих закрепление и реализацию права на экологическую информацию в системе права экологической безопасности. В целях совершенствования и развития законодательства в сфере экологической информации представляется необходимым на системной основе провести инкорпорацию норм данной сферы. Так, исследуя проблему систематизации законодательства в сфере информационного обеспечения, многие исследователи выдвигают предложения о его кодификации путем принятия Информационного кодекса Украины. Некоторые авторы ставят под сомнение целесообразность систематизации, обосновывая свою позицию меж-

траслевыми интеграционными свойствами информационных отношений. Однако подавляющее большинство исследователей данной проблематики уже длительное время обосновывают необходимость и целесообразность принятия отдельного нормативно-правового акта, а именно специального Закона Украины «Об экологической информации» [22].

Выводы. Совершенствование законодательства в сфере экологической информации на доктринальном уровне вызывает необходимость решения ключевых теоретико-правовых вопросов, в частности, относительно определения характера и форм взаимодействия информационного, экологического права и права экологической безопасности в процессе правового регулирования эколого-информационных отношений, установления для этого отраслевых приоритетов, а также границ экологизации информационного права и законодательства. В целях совершенствования и развития законодательства в сфере экологической информации представляется необходимым провести систематизацию норм данной сферы. Последние научные исследования показывают, что основная проблема по обеспечению экологической безопасности в Украине в условиях кризисного состояния экологии заключается не столько в создании новой нормативно-правовой базы, сколько в действенном и эффективном механизме реализации уже существующих ее норм.

Список использованной литературы:

1. Конституция Украины : Закон Украины от 28.06.1996 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
2. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды : ратифицирована Законом Украины от 06.07.1999 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1999. – № 34. – Ст. 296.
3. Кодекс Украины об административных правонарушениях : Закон

- Украины от 07.12.1984 г. // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. – 1984. – Приложение к № 51. – Ст. 1122.
4. Уголовный кодекс Украины : Закон Украины от 05.04.2001 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2001. – № 25–26. – Ст. 131.
5. О защите прав потребителей : Закон Украины от 12.05.1991 г. (в редакции от 03.01.2015 г.) // Ведомости Верховного Совета УССР. – 1991. – № 30.
6. Об охране окружающей природной среды : Закон Украины от 25.06.1991 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1991. – № 41. – Ст. 546.
7. Об информации : Закон Украины от 02.10.1992 г. (в редакции от 02.03.2014 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1992 г. – № 48. – Ст. 650.
8. Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения : Закон Украины от 24.02.1994 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1994. – № 27. – Ст. 218.
9. Об объектах повышенной опасности : Закон Украины от 18.01.2001 г. № 2245-III (в редакции от 26.04.2014 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2001. – № 15. – Ст. 73.
10. Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007–2015 гг. : Закон Украины от 09.01.2007 г. № 537-V // Голос Украины. – 2007. – № 21.
11. Основные принципы (стратегия) государственной экологической политики Украины на период до 2020 г. : Закон Украины от 21.12.2010 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2011. – № 26. – Ст. 218.
12. О доступе к публичной информации : Закон Украины от 09.05.2011 г. (в редакции от 09.06.2013 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2011. – № 32. – Ст. 314.
13. Доктрина информационной безопасности Украины : Указ Президента Украины от 08.07.2009 г. № 514/2009 // Официальный вестник Украины. – 2009. – № 52. – С. 7. – Ст. 1783.
14. Стратегия развития информационного общества в Украине : Распоряжение Кабинета Министров Украины от 15.05.2013 г. № 386-р // Урядовый курьер. – 2013. – 13.06.
15. Положение о Министерстве информационной политики Украины : Постановление Кабинета Министров Украины от 14.01.2015 г. № 2 // Урядовый курьер. – 2015. – № 11.
16. Боголюбов С.А. Экологическое (природоресурсное) право : [учебник для юрид. вузов] / С.А. Боголюбов. – М. : Юридическая фирма «Контракт» ; Волтерс Клувер, 2010. – 528 с.
17. Васильева М.И. Эколого-информационные правоотношения: объект, субъекты, принципы / М.И. Васильева // Законодательство и экономика. – 2009. – № 9. – С. 35–45.
18. Выпханова Г.В. Правовые проблемы информационного обеспечения природопользования и охраны окружающей среды : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.06 / Г.В. Выпханова. – М., 2009. – 62 с.
19. Дубовик О.Л. Экологическая информация: понятие, виды, режим, защита / О.Л. Дубовик // Зеленый мир. – 2003. – № 21–22. – С. 6.
20. Экологическое право Украины. Академический курс : [учебник] / [Ю.С. Шемшученко, В.Ф. Погорилко, В.П. Нагребельный] ; под общ. ред. Ю.С. Шемшученко. – К. : Юридична думка, 2005. – 848 с.
21. Экологическое право: курс лекций : [учеб. пособие для юрид. факультетов вузов]. – К. : Вентури, 1996. – 208 с.
22. Краснова М.В. Гарантии реализации права граждан на экологическую информацию : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.06 / М.В. Краснова. – К., 1997. – 20 с.
23. Лукьянчиков Е.Д. Методологические основы информационного обеспечения расследования преступлений : [монография] / Е.Д. Лукьянчиков. – К. : Нац. академия внутр. дел Украины, 2005. – 360 с.
24. Попов А.А. Правовое регулирование экологической информации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.06 / А.А. Попов. – М., 2005. – 20 с.
25. Северин В.А. Правовое регулирование информационных отношений / В.А. Северин // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». – 2000. – № 5. – С. 21–36.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН)

Оксана ВОЙНАРОВСКАЯ,

соискатель кафедры гражданского права юридического факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
партнер Адвокатского объединения «Юридическая фирма «Василь Кисиль и партнеры»

Summary

The article describes the main tendencies of development of legal regulations of civil marriage relations under the laws of foreign countries. It also demonstrates the main approaches to definition of the moment of arising of the civil marriage, totality of the rights and obligations, vested to the civil couple under the laws of certain countries, and tries to classify civil marriage under specific criterion. In addition, the author made delimitation of rights of actually married and civil married couples, shows main difference of legal status of actually married and civil married couples depending on different legal traditions.

Key words: civil marriage, concubinage, cohabitation, life-long union.

Аннотация

В статье изложены основные тенденции развития правового регулирования фактических брачных отношений в законодательстве зарубежных стран. Показаны основные подходы к определению момента возникновения фактических брачных отношений, совокупность прав и обязанностей, которые закрепляются за «фактическими супругами» в законодательстве отдельных стран, а также предпринята попытка провести классификацию «фактических браков» по отдельным критериям. Кроме того, проведено разграничение прав супружеских и «фактических пар» согласно законодательству зарубежных стран, показаны основные отличия правового статуса супругов и «фактических пар» в зависимости от правовых традиций отдельных европейских стран.

Ключевые слова: фактические брачные отношения, конкубинат, сожительство, пожизненный союз.

Постановка проблемы. Несмотря на то, что правовое регулирование семейных отношений всегда характеризовалось стабильностью и консерватизмом, XX век ознаменовался появлением союзов мужчины и женщины, альтернативных традиционному браку. Хотя вначале такие формы сожительства пребывали вне правового регулирования, со временем под влиянием социальных изменений полное игнорирование таких союзов стало невозможным. Поэтому в нормативных актах отдельных стран появились нормы, регулирующие правовые последствия «фактических браков», требования к «фактическим бракам» и так далее. Эти союзы получили название «партнерства». Законы, принятые в целях правового регулирования последствий совместного проживания мужчины и женщины без брака, стали понятной реакцией государства на возникновение все большего количества внебрачных союзов и сознательное избегание брака [1, с. 519–520].

Актуальность исследования подтверждается последними тенденциями в правовом регулировании семейных отношений, в частности, либерализацией подходов к правовому регулированию правовых последствий факти-

ческих брачных отношений в разных странах, что в свою очередь оказывает ощутимое влияние на правовое регулирование данных вопросов в законодательстве Украины.

Состояние исследования. Сегодня вопрос иностранного опыта правового регулирования фактических брачных отношений не является широко изучаемым. Среди ученых, которые занимаются исследованием данного вопроса, можно назвать И.А. Косарева.

Целью и задачей статьи является анализ основных тенденций правового урегулирования последствий фактических брачных отношений согласно законодательству зарубежных стран на примере отдельных европейских стран. Для проведения указанного анализа автор применил в основном сравнительно-правовой и исторический методы.

Изложение основного материала. Законодательство зарубежных стран по-разному отреагировало на социальные изменения в отношении института семьи и брака. Оно неодинаково подходит к правовому регулированию признания правовых последствий фактических брачных отношений. Однако следует признать, что иностранные государства, закрепив правовое регулирование «фактического брака», тем

самым упорядочили имущественные отношения «фактических супругов», урегулировали вопросы воспитания и содержания несовершеннолетних детей, а также решили проблемы предоставления фактическим брачным отношениям отдельных льгот и привилегий.

Отдельные страны или требуют совершения определенных действий для признания семейных союзов, таких как оформление договора (Франция), подача заявления (Бельгия, Исландия, Люксембург), проведение торжественной церемонии (Дания, Швеция, Голландия), или признают такие отношения постфактум (Венгрия, Италия, Португалия, США, Швеция) [2, с. 71].

Анализ правовых норм зарубежных стран в сфере регулирования фактических брачных отношений позволяет выделить такие виды «фактических браков» [1, с. 522–524]:

зарегистрированное партнерство (Бельгия, Дания, Исландия, Голландия, Финляндия, Швеция);

социально-экономическое партнерство (Франция);

сожительство («cohabitation»);

пожизненные союзы (Германия);

региональное партнерство (Испания, некоторые штаты США, Канада, Швейцария);

местное партнерство (Великобритания, некоторые штаты США, Италия), которое предполагает право зарегистрировать семейный союз в органе муниципальной власти без предоставления этому союзу любых прав или возложения любых обязанностей (так называемое символическое партнерство), направленное исключительно на декларирование наличия определенных отношений в паре.

Сожительство («cohabitation») как отдельный институт семейного права в той или иной форме существует во многих странах Европы (Швеция, Голландия, Венгрия, Бельгия, Франция, Португалия). В таких странах под термином «cohabitation» понимается длительное совместное проживание, носящее непрерывный и устойчивый характер. Основное отличие «cohabitation» от брака или другого семейного союза заключается в том, что оно возникает не вследствие регистрации. Напротив, «cohabitation» возникает без какой-либо регистрации, только вследствие факта совместного семейного проживания, которое, однако, должно быть длительным, постоянным, сопровождаться ведением общего семейного хозяйства [1, с. 521].

Все виды семейных союзов, перечисленные выше, кроме сожительства, требуют специальной регистрации. Отличаются они от брака также тем, что такой семейный союз не может быть освящен в церкви. Иными словами, требование их регистрации установлено законодательными актами, регулирующими тот или иной вид семейного союза. Таким образом, возникают они в результате юридического факта, то есть порождают права и обязанности только с момента их регистрации. Признаками, которые придают семейным союзам (гражданским партнерствам) характер семейных, являются запрет их создания между родственниками, усыновленными и усыновителями, запрет одновременного пребывания в другом браке или партнерстве [1, с. 524–525].

Ниже приведен более детальный анализ правового регулирования фактических брачных отношений в практике зарубежных стран.

Правовое регулирование фактических брачных отношений в *Дании* закреплено в Акте о зарегистриро-

ванном партнерстве от 7 июня 1989 г. (с изменениями от 10 июня 1997 г. и 2 июля 1999 г.), который регулирует исключительно регистрацию однополых браков [3]. Разнополые партнерства также являются распространенными в Дании, однако остаются вне правового регулирования [4]. Регистрацию этих семейных союзов проводят муниципалитеты. Законом установлено, что партнеры не должны быть моложе 18 лет. Снижение этого возраста допускается при наличии письменного согласия родителей, графского совета или префектуры в Копенгагене. Зарегистрированное партнерство порождает те же правовые последствия, что и брак, однако с некоторыми исключениями [2, с. 71].

Закон *Норвегии* «Об общем домашнем хозяйстве» уравнивал в правах супругов и лиц, проживающих в фактических брачных отношениях, в сфере социального обеспечения и налогообложения. Лица считаются такими, которые проживают в «фактическом браке», если они заключили письменный договор о совместном проживании, урегулировав тем самым взаимные права и обязанности.

При этом «фактическое супружество» не приобретает взаимные имущественные права и обязанности; имущество, приобретенное за время совместного проживания, нельзя считать их общей совместной собственностью, оно не подлежит разделу между ними в равных долях. Такое имущество будет считаться собственностью того из «фактических супругов», кто его приобрел. В результате долги одного из «фактических супругов» в Норвегии не считаются общими долгами «фактических супругов» и не подлежат покрытию за счет их общего имущества. До недавнего времени норвежское законодательство не предусматривало также права «фактических супругов» на наследование друг после друга [5].

Однако 1 июля 2009 г. к главе 3 Закона Норвегии «О наследовании» были внесены изменения, согласно которым за «фактическими супругами» закрепляется право на наследование друг после друга при таких условиях: 1) у «фактических супругов» родились общие дети; 2) «фактические супруги» проживали совместно в течение 5

лет до смерти одного из «фактических супругов». Вместе с тем совместное проживание «фактических супругов» предусматривает лишение «фактических супругов» отдельных льгот, право на пользование которыми они имели как одинокие лица. Так, одинокая мать или отец, который проживает более одного года в «фактическом браке», не имеет права на ежемесячную государственную помощь на содержание ребенка. Законодатель считает, что в таких случаях имеет место совместная забота «фактических супругов» о ребенке [6; 7].

Швеция стала первым современным государством, которое законодательно признало отношения сожительства, приняв в 1987 г. акт, который урегулировал отношения фактических супругов. 1 июля 2003 г. был принят Закон Швеции «О сожительстве» [8]. «Фактическим супругами» согласно шведскому законодательству признаются два человека, которые проживают совместно как пара и имеют общее хозяйство. Выделены три основных критерия, позволяющие определить «фактическое супружество»: 1) постоянное совместное проживание; 2) проживание в качестве пары, которое обычно включает наличие сексуальных отношений между ними; 3) проживание в общем доме и ведение общего хозяйства, которое включает разделение между ними домашних расходов и домашних дел [2, с. 71].

Институт «фактического брака» сильно отличается от института брака прежде всего тем, что партнеры не обязаны материально поддерживать друг друга. Общим имуществом сожителей признается только жилье и предметы домашней обстановки. Фактическое сожительство не создает общих долгов для партнеров. К числу наследников по закону фактические супруги не принадлежат, однако они имеют возможность наследовать по завещанию. Сожители не имеют права на совместную фамилию и совместное налогообложение. Однако они имеют право не свидетельствовать друг против друга в суде, правоохранительных органах. Шведское законодательство допускает совместную опеку сожителей над детьми друг друга, но запрещает усыновление (удочерение) парам, которые не состоят в браке [9].

Швеция считается лидером по количеству семейных союзов, проживающих вне официальной регистрации отношений (около 30%) [10, с. 83–89].

Голландская модель сожительства не похожа на шведскую. 5 июля 1997 г. в *Нидерландах* был принят Закон о зарегистрированном партнерстве, вступивший в силу 1 января 1998 г. Согласно этому закону супруги могут заключить и зарегистрировать сделку (договор) о совместном проживании, создав таким образом гражданское партнерство. Гражданское партнерство может объединять не только мужчину и женщину, но и лиц одного пола. Таким образом, принятый закон был направлен на постепенное стирание различий между браком и гражданским партнерством, что привело к легкой трансформации партнерства в брак и брака в партнерство. Регистрация брака и регистрация гражданского партнерства в Нидерландах, в отличие от других стран мира, не допускающих однополые браки, очень похожи и отличаются только клятвой, которую дают молодые. Так, при заключении брака закреплена сложившаяся форма клятвы, в то время как при заключении гражданского партнерства партнеры могут самостоятельно определить, какую клятву давать друг другу. Законом установлено, что лица, желающие вступить в гражданское партнерство, должны достичь 18 лет. Что касается расторжения гражданского партнерства в Нидерландах, то оно, в отличие от расторжения брака, осуществляется в договорном порядке путем подписания договора о разделе имущества, однако в случае невозможности достижения согласия между партнерами расторжение партнерства осуществляется судом.

Таким образом, отличительной чертой является обязательность заключения сделки (*samenlevingscontract*) между партнерами в простой письменной форме, которая несет юридические последствия для лиц, которые ее заключили, но не для третьих лиц. Голландские юристы советуют заключать такие договоры у нотариуса, чтобы предоставить «фактическим супругам» право на получение дополнительных льгот и гарантий, в том числе в сфере пенсионного обеспечения [2, с. 71].

Партнерам предоставлены значительные возможности по урегулированию отношений по своему усмотрению. Однако некоторые гарантии предоставляются также со стороны государства, в том числе такие, как право наследования аренды жилого помещения, льготное налогообложение, социальное обеспечение, государственное пенсионное обслуживание, доступ к методам искусственного оплодотворения, усыновление детей. Принципиальными отличиями от зарегистрированных брачных союзов являются отсутствие режима общей совместной собственности на имущество, запрет наследования по закону, отсутствие права на общую фамилию, а также отсутствие освобождения от обязанности свидетельствовать друг против друга на стадии предварительного следствия или в судебных органах [11].

В *Бельгии* законом от 23 ноября 1998 г. был введен институт сожительства в качестве гражданско-правового договора. Для юридического признания сожительства необходимо должным образом оформить отношения. С этой целью лица, желающие вступить в «фактический брак» (одного или разных полов, в том числе и те, кто не может заключить брак вследствие пребывания в близких родственных отношениях), должны заключить письменный договор [2, с. 72]. Указанный письменный договор подлежит регистрации в специальном реестре муниципалитета по месту жительства партнеров или одного из них. Такая регистрация при желании партнеров может проводиться в торжественном порядке. Фактические сожители, которые не заключили договор в установленной форме, не обладают правом на правовую охрану [12].

Бельгийское законодательство также устанавливает перечень требований к лицам, желающим заключить договор о сожительстве, а именно: 1) они должны быть совершеннолетними; 2) ни один из них не должен состоять в браке с другим лицом или в других фактических брачных отношениях; 3) они должны жить и вести совместное домашнее хозяйство по одному адресу. Договор о сожительстве должен включать следующие положения: 1) дату заключения договора; 2) полные имена сторон договора, место и

дату их рождения и их личные подписи; 3) адрес общего проживания; 4) указание на то, что воля сторон жить вместе является свободной; 5) указание на то, что стороны получили надлежащую юридическую консультацию перед заключением такого договора и понимают последствия его заключения [13].

Поскольку договор о сожительстве не порождает семейные правоотношения, партнеры не имеют взаимных личных неимущественных, наследственных прав, а также льгот по налогообложению, социальному обеспечению, предоставляемых супругам.

В то же время бельгийское законодательство устанавливает отдельные гарантии для «фактических супругов». Так, бельгийским законом предусматривается защита общего дома «фактических супругов». Если владельцем общего дома, в котором проживают «фактические супруги», является один из них, указанный дом не может быть продан или иным образом отчужден по инициативе только владельца такого дома. Для отчуждения общего дома одним из «фактических супругов» согласие другого из «фактических супругов» является обязательным. Аналогичное правило действует в том случае, если общий дом, в котором проживают «фактические супруги», не находится в их собственности, а арендуется ими. Если стороной договора аренды здания является лишь один из «фактических супругов», то для расторжения такого договора аренды требуется также согласие другого из «фактических супругов» [13].

Выводы. Таким образом, основной тенденцией развития семейного законодательства зарубежных стран является либерализация подхода к определению семьи и брака, предоставление незарегистрированным фактическим супругам объема прав и гарантий, приближенного к объему прав зарегистрированных супругов. Указанное в полной мере соответствует последним социальным тенденциям все большего распространения фактических брачных отношений не только среди молодых пар.

Многие зарубежные страны приняли специальные законы, направленные на урегулирование отношений и установление правового статуса фактических супругов (некоторые скан-

динавские и восточноевропейские страны). Другие страны урегулировали данный вопрос путем внесения соответствующих изменений в уже существующие нормативно-правовые акты, в частности гражданские или семейные кодексы (отдельные страны Западной Европы).

В законодательстве зарубежных стран встречаются различные методы установления существования фактических брачных отношений между мужчиной и женщиной. Так, в отдельных странах используется метод установления фактических брачных отношений постфактум путем принятия соответствующего решения судом. В других странах предусмотрено установление факта наличия фактических брачных отношений антифактум путем заключения парой договора о совместном проживании или путем регистрации в специальном реестре муниципалитета либо суда.

Семейное законодательство зарубежных стран также по-разному подходит к определению объема прав фактических супругов по сравнению с зарегистрированными супругами. В основном фактическим супругам предоставляются широкие права в сфере имущественных отношений, приобретенное во время совместного проживания имущество находится в режиме общей совместной или долевой собственности фактических супругов. В отдельных юрисдикциях фактическим супругам также предоставляется право наследования друг после друга по закону, а не только по завещанию. Иногда фактическим супругам также предоставляются права в сфере социального обеспечения, налоговых отношений, доступа к методам искусственного оплодотворения, общего усыновления детей.

В других юрисдикциях подход к уравнению правового статуса зарегистрированных и фактических супругов является более умеренным. За фактическими супругами в таких странах признается лишь ограниченный объем прав, таких как совместное распоряжение жильем даже после прекращения фактических брачных отношений, преимущественное право на выкуп или аренду жилья одним из фактических супругов в случае смерти другого.

Список использованной литературы:

1. Гражданское и торговое право зарубежных стран : в 2 т. / под ред. Е.А. Васильева, А.С. Комарова. – М., 2004. – Т. 2. – 2004.

2. Косарева И.А. Квазибрак: проблемы и перспективы / И.А. Косарева // Государство и право. – 2010. – № 5.

3. Baatrup S. Major legal consequences of marriage, cohabitation and registered partnership for different-sex and same-sex partners in Denmark / S. Baatrup, K. Waaldijk [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://same-sex.web.in.ed.fr/pdf/DocTraV125/05Doc125Denmark.pdf>.

4. Council of Europe Family Policy Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.coe.int/t/dg3/familypolicy/Source/4_1_ii%20Legislation%20on%20cohabitation.pdf.

5. Samboerskap [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://no.wikipedia.org/wiki/Samboerskap>.

6. Eriksen J. Unmarried Cohabitation and Family Policy in Norway / J. Eriksen [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.uio.no/studier/emner/hf/iln/NORINT0500/h08/undervisningsmateriale/Unmarried_cohabitation_and_family_policy_in_Norway.pdf.

7. Brunborg H. Cohabitation without marriage in Norway / H. Brunborg [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://people.ssb.no/a/histstat/art/art_116.pdf.

8. Svensk författningssamling 2003: 376 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-Lagar/Lagar/Svenskforfattningssamling/Sambolag-2003376_sfs-2003-376/?bet=2003:376.

9. Reich-Sjögren M. Dealing with Cohabitation in Sweden / M. Reich-Sjögren [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ccbe.eu/fileadmin/user_upload/document/Family_law_Conference_bxl_2008/Speeches/EN_Reich_Sjoergen.pdf.

10. Tomasson R.F. Modern Sweden: The Declining Importance of Marriage / R.F. Tomasson // Scandinavian Review. – 1998.

11. Government of the Netherland [Электронный ресурс]. – Режим до-

ступа : <http://www.government.nl/issues/family-law/marriage-registered-partnership-and-cohabitation-agreements>.

12. Council of Europe Family Policy Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.coe.int/t/dg3/familypolicy/Source/4_1_ii%20Legislation%20on%20cohabitation.pdf.

13. City of Brussels [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.brussels.be/artdet.cfm/4830>.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ РАБОТНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Марьяна ГАЛКИВСКА,

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

The article investigates the philosophical and legal dimension of consciousness raising professional workers of internal affairs bodies. Provides that the process of philosophical and legal formation of professional legal awareness of law enforcement officers and the general effect, typical determinants of formation of consciousness and the sense of justice of man, and the actual determinants of professional-features such as the overall level of social justice and respect for the law, prestige and authority of law and human rights bodies and others.

Key words: consciousness, identity, enforcement officers, law enforcement, legal philosophy.

Аннотация

В статье исследуется философско-правовое измерение повышения уровня профессионального сознания работников органов внутренних дел. Обусловлено, что на процесс философско-правового формирования профессионального правового сознания сотрудника органов внутренних дел влияют и общие, типичные детерминанты формирования сознания и правосознания человека, и собственно профессиональные детерминанты-особенности, такие как общий уровень общественной справедливости и уважение к праву, престиж и авторитет правоохранительных и правозащитных органов и так далее.

Ключевые слова: сознание, личность, сотрудник органов внутренних дел, правоохранительная деятельность, философия права.

Постановка проблемы. Уровень правосознания сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД) требует сбалансированного развития обоих основных структурных элементов этого неоднородного явления, то есть и рационального, и иррационального аспектов. Профессиональное правосознание сотрудника органов внутренних дел характеризуется интегративной природой, поскольку охватывает множество составляющих элементов. Учитывая это, формирование адекватного уровня профессионального правосознания сотрудника ОВД является важной задачей педагогов высшей школы, научных и профессиональных сообществ.

Надлежащий уровень профессионального правосознания работника ОВД непременно характеризуется соответствующим уровнем профессиональной компетентности – свойства, характерного для человека, который имеет знания и опыт, авторитет в определенных отраслях, является достаточно информированным, благодаря чему способен эффективно и качественно решать профессиональные задачи. Это и подтверждает актуальность темы исследования.

Состояние исследования. Среди трудов, которые служили фундаментальной теоретической базой для изучения поставленного вопроса, следует назвать

работы В. Блехара, А. Гусейнова, Ю. Калягина, И. Коноплевой, Н. Лукашевича, В. Малахова, В. Ортинского, В. Ряшка, В. Солодкова, Р. Тополевского, В. Чужикова, М. Штангрета и других ученых.

Целью и задачей статьи является исследование философско-правового измерения повышения уровня профессионального сознания работников ОВД. Новизна публикации отражается в попытке обосновать общественное значение поставленного вопроса.

Изложение основного материала. В философско-правовом измерении работник ОВД рассматривается как человек, обладающий особыми чертами, которые так или иначе сказываются на его деятельности как профессионала, на его служебном труде, служебном и неслужебном профессиональном поведении. Таким образом, философско-правовое формирование профессионального правосознания работника ОВД предусматривает развитие интеллектуальной, эмоциональной сферы, устойчивости к стрессам, позитивного отношения к миру, функциональной самостоятельности с учетом особенностей его правового бытия, правовой реальности и так далее.

Учитывая большую значимость проблемы, подготовка специалиста в пределах учебного заведения должна быть направленной на овладение перечисленными выше чертами и навыками.

Например, существует несколько философско-правовых подходов к обеспечению надлежащего уровня профессионального правосознания специалиста ОВД. Основными среди них следует определить такие:

а) психологическое образование, которое должно направляться в соответствии с задачами профессиональной деятельности и внедряться на основе изучения психологических дисциплин;

б) моральная подготовка сотрудника ОВД как подготовка сотрудников ОВД к деятельности в экстремальных ситуациях;

в) профессиональная подготовка работника ОВД с учетом необходимости решения конкретных служебных задач [1, с. 158].

Таким образом, сочетая три вышеупомянутых компонента, можно достичь должного уровня профессионального правосознания специалиста ОВД. Это то, что касается структуры как вертикальной конструкции средств по формированию профессионального правосознания правоохранителя, то есть сотрудника ОВД.

Что же касается правоохранительной системы вообще, то в этом необходимы являются плановость и системность. В рамках системы можно выделить следующие основные векторы:

а) в повседневной деятельности сотрудника ОВД следует поддерживать

высокий боевой дух и четкость организации служебной деятельности в разных обстоятельствах;

б) обучение и стажировка работников ОВД должны осуществляться в патристическом духе;

в) нужно обеспечить перманентное повышение культурного уровня, совершенствование системы общих и профессиональных знаний;

г) обеспечение и повышение навыков физической подготовки, закаливание организма [2, с. 54].

Такие меры касаются сферы повышения рационального элемента профессионального правосознания работника ОВД, то есть профессионального правового мировоззрения, идеологии, тогда как формирование перцептивного, иррационального элемента (правовой психологии) стоит нарабатывать, развивая следующие важнейшие психологические характеристики личности:

а) устойчивость свойств лица-работника ОВД, в частности, способность предвидеть поведение;

б) целостность лица-работника ОВД – гармоническая взаимосвязь психических процессов и свойств личности, благодаря которым она составляет единое целое и приобретает индивидуализм;

в) активность лица-работника ОВД, то есть многоплановость его деятельности, направленной на познание окружающего мира.

Всю совокупность средств, направленных на повышение уровня профессионального правосознания сотрудника ОВД, следует осуществлять согласно с общенациональными программами правового образования населения, а также учитывая общепланетарные и общенациональные проблемы человечества (проблема войны и мира, проблема сохранения национальной самобытности в период глобализации, проблема ядерного и биологического оружия и так далее), гарантируя актуальность усвоенных убеждений работника ОВД, что и будет залогом ускорения и эффективизации их решения.

По нашему мнению, только слаженная интеграция указанных подходов способна обеспечить эффективный уровень формирования профессионального правосознания работника ОВД.

Примером направления психологического образования следует назвать своевременное освоение будущим со-

трудником ОВД целей, задач и методов своей деятельности. Такими целями являются развитие личности, формирование в структуре его личности профессионально важных черт.

Результатом моральной подготовки будущего работника ОВД должно стать развитие высокого уровня моральных, познавательных, эмоционально-волевых качеств.

Профессиональная подготовка должна быть направленной на понимание мотивов и целей граждан, поддержание доверительных отношений с людьми, умение гибко решать правовые конфликты.

Компетентность, как и любая другая черта личности, всегда формируется и проявляется только в процессе соответствующей деятельности, в условиях глубокой личностной заинтересованности человека в этом виде деятельности. Вот почему она возникает как оценочная категория, поскольку характеризует человека как субъекта специализированной деятельности [3, с. 65].

Кроме понятия компетентности, к рациональному блоку профессионального правосознания работника ОВД относятся знания и умения (аналитические, коммуникативные, прогностические, другие мыслительные процессы).

Однако не стоит забывать о перцептивной, или иррациональной, составляющей этой проблемы, то есть об ощущениях элементов профессионального правосознания, например, правовых эмоциях, правовых чувствах и так далее, поскольку они не только обеспечивают надлежащий духовно-интеллектуальный уровень носителя, но и в значительной степени влияют на стратегию и тактику его работы.

К подобным ощущениям относят такие:

а) способность идентифицировать себя с другими (перцептивная способность); психологическое состояние иллюстрирует динамику развития личности юриста;

б) богатство внутренней энергии;

в) волю;

г) изобретательность;

д) эмоциональную устойчивость, которая обеспечивает выдержку и самообладание в кризисных ситуациях, и так далее [1, с. 157].

Что касается основных функций сознания, то ученые по-разному их опре-

деляют. Однако наиболее распространенными можно считать когнитивную, регулятивную, коммуникативную, интеграционную, регулирующую функции, а также получение знаний о природе, обществе и человеке, в чем и проявляется отражающая суть сознания.

Характерными свойствами, отражающими общепсихологическую суть сознания, можно считать творчество и активность как способность продуцировать новые явления на основе от чувственного и перцептивного элемента и как соответствующее преобразование внешнего и внутреннего мира человека для общественной жизни.

Относительно структуры сознания человека отметим, что в нее входят такие элементы:

1) экран сознания («картина мира»), которую воспринимаем как реальность), психологические механизмы, которые осуществляют строительство этого экрана сознания;

2) механизмы осмысления – соотношение образа мира с содержательной сферой лица, внутренний мир человека (глубинные, интимные и индивидуальные структуры и процессы);

3) рефлексия как уникальная человеческая способность произвольно регулировать образы в поле сознания и направлять сознание на объекты и механизмы, которые остаются вне этого поля.

Что касается собственно юридического осмысления категории «сознание», то этот вопрос ученые рассматривают в основном сквозь призму «юридической значимости» и «юридического равнодушия». Ведь сознание в целом отражает некоторые объекты реального мира, которые не представляют для права никакого значения, поэтому юридическая наука концентрирует свое внимание на проблеме правосознания, то есть отражения в сознании субъекта тех объектов, которые обладают признаком юридического значения.

Общее же понимание структуры правосознания отталкивается от такой категории, как правовой взгляд, в том числе на справедливость или несправедливость, целесообразность или нецелесообразность законов, которые уже действуют или которые должны прийти им на смену, на права и обязанности органов государства и членов общественной жизни, правомерность тех или иных действий.

Как предмет правосознания выделяют представление о позитивном праве государства, его знание и оценки со стороны общих принципов права, таких как справедливость, гуманизм, равенство, правомерность и другие, представление о правах и обязанностях членов общества, их объединений, представление о правомерности и неправомерности поведения людей.

Профессиональное правосознание работника ОВД – это совокупность правовых взглядов, которые отражают собственную оценку права, имеющегося общественного и государственного строя, а также соответствие своих действий и поступков нормам права.

К структуре профессионального правосознания работника ОВД можно отнести такие элементы:

- а) отношение к праву, то есть к правовой системе;
- б) отношение к правовому поведению людей;
- в) отношение к правоохранительной, правозащитной деятельности;
- г) отношение к собственному правовому поведению, то есть правовую самооценку.

Не менее важным критерием после профессионализма является культура сотрудника ОВД. В этом аспекте важной составляющей является его уровень общей и логической культуры. Что касается последней, то в плоскости философских наук современная культура милиционера охватывает, кроме классической логики, такие разделы неклассической логики, как деонтологическая логика, эпистемологическая логика, девиантная логика, логика оценок, темпоральная логика и тому подобное.

Поэтому отметим, что каждая качественная составляющая личности милиционера имеет свою логику:

- 1) ум – классическую и философскую логику;
- 2) воля – логику деятельности;
- 3) добродетель – логику правомерности;
- 4) совесть – логику справедливости [4, с. 308–309].

Если же прибегать к более практическому аспекту проблемы, то вопрос эффективизации труда милиционера касается широкого круга проблем: от интеллектуальных аспектов к морально-техническим. В частности, как мы уже отмечали, с вопросом повышения про-

фессионализма и эффективизации труда тесно связан вопрос прогресса правоохранительной деятельности.

Прогресс правоохранительной деятельности в свою очередь обуславливается такими аспектами деятельности:

- а) отбор персонала, его подготовка и переподготовка;
- б) мотивация деятельности работника;
- в) контроль за его деятельностью и система надлежащего оценивания;
- г) надлежащее материально-техническое обеспечение, влияние гражданского общества на деятельность ОВД [5, с. 319–320].

Все вышеприведенное указывает на тот факт, что положительное влияние на формирование личности милиционера и на его дальнейшую профессиональную деятельность достигается благодаря надлежащему уровню его общечеловеческого развития, эрудиции, духовности. Безусловно, динамика общественной жизни не стоит на месте, а нормы права и ответственность за них меняется. Правовая осведомленность и профессионализм работника ОВД тоже не остаются статичными. Однако постоянным на протяжении многих веков является представление о добре и зле, а понятие ответственности как внешнего императива постоянно контролируется совестью как внутренним императивом.

Поэтому следует указать, что основным направлением повышения качества и выхода профессионального правосознания личности милиционера на принципиально новый уровень является и будет повышение его нравственных норм и нравственного самоконтроля. Последнее охватывает также волевой компонент [6, с. 621–622]. Согласно этой концепции работнику ОВД необходимо выработать своеобразный механизм «противовесов и сдерживания», который контролировал бы его правовое и профессиональное поведение, охранял бы его от совершения неправомерных, а также непрофессиональных поступков. Без сомнения, не только общеморальная конструкция образует фундамент профессионального правосознания работника ОВД. Сюда следует отнести также важность его правового воспитания сквозь призму как стихийной, так и плановой деятельности участников социальной и правовой жизни, в результате которой личность работ-

ника ОВД усваивает те или иные постулаты юридической жизни.

Что касается такого фактора, как обеспечение прогресса в правоохранительной сфере и контроль за деятельностью правоохранительных органов и системы надлежащего оценивания, то на сегодня общепризнанным является факт возведения в ряд искажений в деятельности ОВД системы статистических показателей, например, содействие искусственному росту процентов раскрытия преступлений, появления «процентомании».

Зато одним из альтернативных способов оценки является определение уровня доверия населения к деятельности определенных отраслевых или территориальных служб по сравнению с другими органами государственной власти. Такой анализ возможен только при условии периодических замеров уровня доверия в динамике и с учетом значимых факторов, которые могут влиять на эти результаты.

Основными индикаторами того, насколько качественно работники ОВД выполняют свои социальные функции, могут выступать показатели виктимности населения, которые наиболее адекватно способны отражать уровень реальной защищенности от преступлений.

Выводы. Существует более или менее устоявшаяся структура профессионального правосознания, в которую входят общее правосознание, правовая информационная культура и внутренний императив права.

Интересная ситуация складывается при попытках сравнить категории сознания и мировоззрения. Последнее выступает как система наиболее обобщенных представлений об окружающей социальной действительности.

Формируется мировоззрение на основе идей, идеалов, трансформируемых в ценности, которые в дальнейшем перерастают в принципы. Они и определяют своеобразное «веретено», в котором развиваются все отношения с участием того или иного субъекта.

Таким образом, сознание предстает как явление, более широкое по объему в сравнении с понятием мировоззрения. Мировоззрение входит в структуру сознания как рациональная составляющая наряду с эмоциями, чувствами, идеалами, которые объединяются в перцептивную иррациональную составляющую.

Что касается основных мероприятий по повышению профессионального пра-

восознания специалиста ОВД, то следует указать на психологическое образование, моральную подготовку сотрудника ОВД как подготовку сотрудинок ОВД к деятельности в экстремальных ситуациях и профессиональную подготовку работника ОВД, несмотря на необходимость решения конкретных служебных задач. В целом же именно прогресс правоохранительной деятельности, включая разработку объективных и субъективных факторов в повышении эффективности и профессионализма правоохранителей, обеспечивает недопущение, профилактику и устранение негативных последствий манипуляции сознанием правоохранителей. Однако следует отметить, что указанные меры по повышению прогресса правоохранительной деятельности следует осуществлять постепенно и планомерно, учитывая особенности каждого структурного подразделения ОВД и социальные реалии. Именно в таком случае прогресс правоохранительной сферы снижает манипуляторное воздействие на сознание личности милиционера.

Список использованной литературы:

1. Коноплева И. Формирование правосознания и личности юриста / И. Коноплева, Ю. Калягин // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2010. – № 3. – С. 156–160.
2. Лукашевич Н. Социология образования / Н. Лукашевич, В. Солодков. – К. : МАУП, 1997. – 192 с.
3. Чужикова В. Методика викладання права : [навч. посібник] / В. Чужикова. – К. : Київський нац. екон. ун-т ім. В. Гетьмана, 2009. – 430 с.
4. Ряшко В. Шанобливе ставлення до людини як вияв поваги в професійній діяльності працівників ОВС (морально-правовий аспект) / В. Ряшко // Наука і правоохорона. – 2013. – № 1. – С. 308–314.
5. Тополевський Р. Право на мирні зібрання: правове регулювання в Україні / Р. Тополевський // Від громадянського суспільства – до правової держави : матер. І Міжнар. наук.-практ. конф. (28 квітня 2006 р.). – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2006. – С. 317–320.
6. Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2010–. – Т. 2. – 2010. – 634 с.

УПРАВЛЕНЧЕСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ

Юлия ГОРБАНЬ,

аспирант кафедры глобалистики,
евроинтеграции и управления национальной безопасностью
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

Summary

This article explores the process of public administration reform in Ukraine in the field of environmental protection in terms of European integration, defined institutions (public authorities) involved in this process, analyzed the main laws and regulations of Ukraine, should be harmonized with EU legislation, specified key tasks Ukraine faces in these areas. Investigated the main strategic documents and programs adopted to improve governance in the field of environmental protection and implementation tasks to ensure the integration of Ukraine into the European space. Manufactured proposals on key areas of public administration reform in the field of environmental protection in the European integration process.

Key words: European Union, environmental protection, adaptation, public administration, reform, environmental management.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование процесса реформирования государственного управления Украины в сфере охраны окружающей среды в условиях евроинтеграции. Определены институты (органы государственной власти), которые вовлечены в этот процесс. Проанализированы основные законодательные и нормативно-правовые акты Украины, которые подлежат гармонизации с законодательством Европейского Союза, уточнены ключевые задачи, которые стоят перед Украиной в этих вопросах. Исследованы основные стратегические документы и программы, принятые в целях совершенствования государственного управления в сфере охраны окружающей среды и реализации задач по обеспечению интеграции Украины в европейское пространство. Сделаны предложения по главным направлениям реформирования государственного управления в сфере охраны окружающей среды в условиях интеграционных процессов.

Ключевые слова: Европейский Союз, охрана окружающей среды, адаптация, государственное управление, реформа, экологическое управление.

Постановка проблемы. Эффективное государственное управление в сфере охраны окружающей среды является залогом выполнения задач защиты окружающей среды и движения общества к устойчивому развитию. Особенно актуальным для Украины является формирование системы качественного государственного управления, которая более 20 лет развивает свою государственность со всеми ее атрибутами. Анализ национальной экологической политики в этот период свидетельствует о наличии серьезных недостатков и требует ее радикальной реформы, в том числе с учетом курса на евроинтеграцию. Поэтому изучение определенных аспектов составляет практическую значимость и пользу для Украины.

16.09.2014 г. Украина и Европейский Союз заключили Соглашение об ассоциации Украины с Европейским Союзом (далее – ЕС), что приводит к активизации дальнейшего сотрудничества по выполнению задач, определенных Повесткой дня ассоциации Украина – ЕС, в частности, в сфере охраны окружающей среды. Неотъемлемой составляющей Соглашения об ассоциации Украины с ЕС как международно-правового акта является сближение национального законодательства в сфере охраны окружающей среды с законодательством ЕС, что и является предметом нашего исследования.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы управленческо-правового аспекта реформирования государ-

ственного управления в сфере охраны окружающей среды в условиях евроинтеграции Украины, особенно после подписания Соглашения об ассоциации Украины с ЕС.

Состояние исследования. Исследованию евроинтеграционного курса Украины посвящены работы А.А. Гусева, И.И. Витер, Т.Ю. Перги, В.Я. Дубика, А.В. Ермолаева, Б.О. Парохонского, Г.М. Яворской, О.О. Резникова, И.В. Клименко, С.А. Жукова, В.В. Соколова и других ученых, однако они не уделяют достаточного внимания вопросам государственного управления. Значительный интерес с точки зрения предмета нашего исследования составляют работы группы специалистов, которые изучали широкий круг проблем государственного управления в Украине, в частности направления его реформирования с использованием опыта ЕС. Наиболее раскрытыми являются следующие аспекты: институциональные и законодательные (описаны в трудах И.А. Грыцака, И.В. Нагорной, В.В. Корженко, Н.М. Мельтюховой, Г.С. Одиной [2, 10; 25]), особенности европейского управления (Е.Ю. Оржель [13]), европеизация Украины (С.В. Сытник [24]). В то же время экологическая составляющая государственного управления освещена в них недостаточно.

Значительное внимание этим проблемам посвятили такие ученые, как Н.А. Малыш (которая изучала механизмы формирования государственной экологической политики Украины, стратегию и тактику [8]), О.Я. Лазор (который посвятил ряд работ организационно-правовым основам государственного управления в сфере реализации экологической политики Украины [7]), О.В. Олефиренко (которая предложила механизмы совершенствования государственного экологического управления Украины на региональном уровне с использованием опыта ЕС [12]). Однако указанные исследования были сделаны в течение предыдущего десятилетия, до подписания Соглашения об ассоциации Украины с ЕС, которое актуализировало проблему реформирования государственного управления в сфере окружающей среды в Украине в новых условиях. Поэтому можно сделать вывод, что формирование и реформирование государственного управления в сфере окружающей среды в контексте новых

задач, которые стоят перед Украиной, требует более глубокого теоретического анализа.

Целью и задачей статьи является изучение управленческо-правового аспекта реформирования государственного управления в сфере окружающей среды Украины в условиях евроинтеграции, анализ его основных достижений и направлений дальнейшего развития.

Изложение основного материала исследования. Став на путь независимости в 1991 г., Украина сразу начала развитие системы государственного управления в сфере окружающей среды, которое вылилось в принятие ряда законодательных актов, составляющих основу регулирования экологической политики Украины, что в свою очередь послужило базисом для создания государственных институтов по их внедрению. В частности, в 1991 г. было создано Министерство охраны окружающей природной среды Украины, которое в последующие годы прошло ряд реорганизаций и способствовало возникновению таких учреждений: в 2011 г. – Государственной экологической инспекции Украины, Государственной службы геологии и недр Украины, Государственного агентства экологических инвестиций Украины, Государственного агентства земельных ресурсов Украины, Государственного агентства рыбного хозяйства Украины; в 2014 г. – Государственного агентства водных ресурсов Украины, Государственного агентства по энергоэффективности и энергосбережению Украины, Государственного агентства лесных ресурсов Украины и так далее [20].

Следует отметить, что достаточно долгое время система государственного управления в сфере окружающей среды в Украине содержала остатки командно-административной системы, присущей управленческой модели в СССР, в частности, жесткую централизацию, бюрократизацию и неэффективность основных государственных институтов, низкий уровень управленческой культуры и демократизации. Также сохранялось влияние политической конфронтации в обществе.

Курс на евроинтеграцию поставил перед Украиной задачу не только реформирования системы государственного управления в сфере окружающей среды и повышения ее эффективности, но и не-

обходимости адаптации к европейским законодательным нормам и стандартам. Подготовка и подписание Соглашения об ассоциации Украины с ЕС ускорили этот процесс. Следует отметить, что одним из главных инструментов этого является приведение отечественного законодательства в соответствие с нормативными актами Европейского Союза. На этой основе должны быть созданы (или реформированы) соответствующие органы государственного управления.

Как свидетельствует анализ, практическим инструментом подготовки к реализации Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС до момента вступления его в силу является Повестка дня ассоциации Украина – ЕС (далее – ПДА), сотрудничество в рамках которого осуществляется с ноября 2009 г. ПДА определяет совместные действия сторон по политическому диалогу в сферах внешней политики, юстиции и безопасности, экономического и секторального сотрудничества, в частности в сфере охраны окружающей среды, на принципах совместного с ЕС участия, ответственности и оценки [15].

ПДА вступил в силу 23.11.2009 г., а 24.06.2013 г. на 16-м заседании Совета по вопросам сотрудничества Украина – ЕС были утверждены изменения к нему для подготовки к имплементации Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС (далее – Соглашение). Вопросам охраны окружающей среды посвящен раздел «Окружающая природная среда и изменение климата», в котором перед Украиной поставлен широкий круг задач, касающихся почти всех аспектов государственного управления в сфере охраны окружающей среды. Значительным шагом на этом пути остается совершенствование отечественного законодательства [26].

Важным элементом сотрудничества в этой плоскости является поэтапное приближение законодательства Украины к политике и законодательству ЕС. Так, отдельным приложением к Соглашению определены конкретные директивы ЕС, к которым нужно адаптировать украинские законодательные акты, а также временные рамки для их внедрения. Такие обязательства нашего государства очень важны с учетом необходимости приближения к нормам и стандартам ЕС и перспективы создания зоны свободной торговли.

Проведенный нами анализ законодательной базы, управленческих документов, постановлений Кабинета Министров Украины и других документов свидетельствует, что государственными институтами Украины уже сделаны определенные шаги по приближению украинского законодательства к европейским стандартам. В частности, 10.10.2012 г. Кабинет Министров Украины утвердил Концепцию и План проведения институциональной реформы в сфере исполнения Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС [7].

Еще в декабре 2012 г. Министерство экологии и природных ресурсов Украины Приказом № 659 утвердило Базовый план адаптации экологического законодательства Украины к законодательству Европейского Союза (Базовый план аппроксимации), определив количество органов и директивы ЕС в сфере охраны окружающей среды, к которым необходимо адапти-

ровать украинское законодательство. Для каждой директивы не только определен минимальный перечень конкретных нормативно-правовых актов, которые будут совершенствоваться, но и указаны базовые требования, в направлении и с учетом которых будет изменяться законодательство. План предоставляет долгосрочную перспективу адаптации [27]. Этот документ одновременно выполняет функцию реформирования государственного управления в сфере охраны окружающей среды в законодательной плоскости.

В 2014 г. в основе Базового плана аппроксимации Министерство экологии и природных ресурсов Украины разработало национальную стратегию по его внедрению [18]. К выполнению этой стратегии, кроме Министерства экологии и природных ресурсов Украины, должны быть привлечены, по нашему убеждению, также другие органы государственной власти (институты):

Исходя из данных этой таблицы, можно сделать вывод, что процесс реформирования законодательства Украины и всей системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды является комплексным и требует участия многих институтов.

В течение 2013 г. и первой половины 2014 г. осуществлялось правовое обеспечение процесса реформирования государственного управления в сфере охраны окружающей среды в условиях евроинтеграции Украины, а именно:

- принят Закон Украины «Об основных принципах (стратегии) государственной экологической политики на период до 2020 г.» (№ 2818), что позволило начать секторальную бюджетную программу ЕС «Поддержка реализации Стратегии национальной экологической политики Украины»;

- утверждена Общегосударственная целевая программа развития водного хозяйства и экологического оздоровления бассейна р. Днепр на период до 2021 г. (Законом Украины № 4836);

- принят утвержденный правительством Национальный план действий по охране окружающей природной среды Украины на 2011–2015 гг.;

- продолжены подготовка и обновление национальных докладов о качестве питьевой воды и состоянии питьевого водоснабжения в Украине в рамках выполнения Закона Украины «О питьевой воде и питьевом водоснабжении» и общегосударственной программы «Питьевая вода Украины» на 2011–2020 гг.;

- введен в действие Указ Президента Украины от 25.06.2013 г. № 350 относительно решения Совета национальной безопасности и обороны Украины «О состоянии безопасности водных ресурсов государства и обеспечении населения качественной питьевой водой в населенных пунктах Украины»;

- утвержден План совместных организационных мероприятий по выполнению Соглашения по развитию в Украине системы экологически безопасного потребления и экологической маркировки в соответствии с международными и европейскими требованиями на 2014 г.

Постановлением Кабинета Министров Украины от 28.08.2013 г. № 808 был утвержден Перечень видов деятельности и объектов, представляющих

Органы государственной власти Украины	Директивы ЕС, которые нуждаются в адаптации к законодательству Украины (количество)
Министерство экологии и природных ресурсов Украины	31
Министерство здравоохранения Украины	13
Министерство экономического развития и торговли Украины	11
Министерство энергетики и угольной промышленности Украины	8
Министерство чрезвычайных ситуаций Украины	7
Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины	6
Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины	5
Министерство аграрной политики и продовольствия Украины	5
Государственное агентство водных ресурсов Украины	4
Государственная ветеринарная и фитосанитарная служба Украины	4
Министерство инфраструктуры Украины	2
Министерство юстиции Украины	2
Государственное агентство лесных ресурсов Украины	2
Национальная академия наук Украины	2
Государственное агентство экологических инвестиций Украины	2
Министерство финансов Украины	1
Государственная служба технического регулирования Украины	1
Государственная служба горного надзора и промышленной безопасности Украины	1
Государственная служба геологии и недр Украины	1
Государственное агентство рыбного хозяйства Украины	1
Государственная экологическая инспекция Украины	1
Государственная таможенная служба Украины	1

повышенную экологическую опасность, принятый в соответствии с директивами ЕС (Директива 85/337/ЕЭС от 27.06.2001 г., Директива 2001/42/ЕС Европейского парламента и Совета от 27.06.1985 г.) и требованиями Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспо) [21].

Важно отметить, что еще в 2002 г. был создан Государственный реестр потенциально опасных объектов Украины, который является автоматизированной информационно-справочной системой учета и обработки информации потенциально опасных объектов, целью которого является государственный учет потенциально опасных объектов и информационное обеспечение процессов подготовки управленческих решений и выполнения обязательств Украины в соответствии с международными договорами по предотвращению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, в том числе трансграничного характера, связанных с функционированием опасных объектов [22]. В то же время следует отметить, что этот реестр должен постоянно дополняться и обновляться, чего на данный момент не происходит. К тому же он должен быть более понятным и доступным для всех граждан. Однако много вопросов вызывает место его размещения – на сайте Государственной архивной службы Украины – и отсутствие его на сайте Министерства экологии и природных ресурсов Украины, что представляется нам не совсем правильным [3].

Таким образом, можно констатировать, что в течение 2012–2013 гг. в Украине были сделаны первые шаги по выполнению ПДА. Их главной особенностью является принятие стратегических документов, программ, национального плана действий и плана совместных организационных мероприятий. Это создает почву для дальнейшей углубленной работы по адаптации отечественного законодательства к конкретным директивам ЕС, которые планируется выполнить в соответствии с Базовым планом аппроксимации.

Вместе с тем до сих пор продолжается работа над такими законодательными актами:

– проектом Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законы

Украины относительно реализации положений Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте» № 2109, направленном в соответствии с положениями Конвенции Эспо и Орхусской конвенции;

– проектом Закона Украины «О внесении изменений в Водный кодекс Украины (относительно внедрения интегрированных подходов к управлению водными ресурсами по бассейновому принципу)»;

– проектом Закона Украины «О ратификации Протокола по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте»;

– проектом Закона Украины «О стратегической экологической оценке»;

– проектами Twinning¹ «Усиление институциональной способности Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере коммунальных услуг, по регулированию сектора переработки и захоронения твердых бытовых отходов» и «Внедрение системы управления отходов электронного и электрического оборудования (WEEE) в Украине».

До сих пор не открыто представительство Регионального экологического центра для Центральной и Восточной Европы, хотя уже осуществлена значительная подготовительная работа [14].

Таким образом, на пути адаптации к европейскому экологическому законодательству уже сделан определенный объем работ. Руководящую роль в этом процессе возложено на Министерство экологии и природных ресурсов Украины. В то же время деятельность самого этого министерства требует реформирования и повышения эффективности. Например, в открытом доступе должен быть размещен обобщающий информационный документ о стадии выполнения поставленных задач в сфере адаптации отечественного законодательства к законодательству ЕС. Поэтому очень важной задачей является своевременное и полное обнародование Министерством экологии и природных ресурсов Украины на своей официальной странице соответствующих отчетов мониторинга или постоянных осмотров, позволяющих понять реальное положение вещей, в том числе каким образом происходит рефор-

мирование государственного управления в сфере окружающей среды в контексте евроинтеграционного курса Украины.

Как отмечает Н.И. Андрусевич, главными направлениями работы Министерства экологии и природных ресурсов Украины с точки зрения реформирования его деятельности, кроме очерченного выше, должны стать следующие:

– осуществление постоянного мониторинга программ бюджетной поддержки сектора «Поддержка реализации Стратегии национальной экологической политики Украины»;

– разработка рекомендаций по включению положений Стратегии национальной экологической политики Украины и Национального плана действий по охране окружающей природной среды на 2011–2015 гг. в программы развития отраслей (секторов) экономики и регионов;

– согласование процессов стратегического планирования внутренних реформ и политики европейской интеграции;

– обеспечение эффективной координации процесса реализации государственной политики в сфере европейской интеграции, прежде всего по проведению внутренних реформ с целью выполнения обязательств по Соглашению об ассоциации между Украиной и ЕС;

– повышение уровня кадрового обеспечения соответствующих подразделений центральных органов исполнительной власти по вопросам европейской интеграции;

– обновление имеющейся структуры и определение полномочий украинских частей двусторонних органов формата «Украина – ЕС» с учетом новых функций, которые они будут выполнять в соответствии с Соглашением об ассоциации между Украиной и ЕС;

– совершенствование информационного обеспечения процесса реализации государственной политики в сфере европейской интеграции и информирования общественности по указанным вопросам [11].

Выводы. Изучение управленческо-правового аспекта реформирования государственного управления в сфере охраны окружающей среды Украины в условиях евроинтеграции и анализ основных достижений и направлений дальнейшего развития показали, что эти процессы находятся на начальной стадии. Реформирование государственного управления в

¹ Twinning – институциональный инструмент европейской интеграции, способствующий внедрению законодательства, стандартов и норм ЕС.

сфере охраны окружающей среды может активизироваться при условии неуклонного соблюдения плана аппроксимации, развития более тесного сотрудничества с различными управленческими структурами, вовлеченными как в процесс адаптации национального законодательства к европейским стандартам, так и в его практическую реализацию.

Для более эффективной деятельности Министерства экологии и природных ресурсов Украины необходимо усилить его кадровым потенциалом, провести среди специалистов ряд тренингов и семинаров, например, об особенностях деятельности европейских институтов и принципов их работы. В частности, речь идет о прозрачности, предоставлении широкого доступа к информации, взаимодействию с рядовыми гражданами и другими государственными учреждениями, которые вовлечены в процесс реформирования государственного управления в сфере охраны окружающей среды. Также интересным представляется ознакомление специалистов Министерства экологии и природных ресурсов Украины с положительным опытом внедрения главных директив ЕС государствами-членами в сфере защиты окружающей среды.

Важную роль в реформировании государственного управления в сфере охраны окружающей среды играет общественность, которая должна более активно привлекаться к обсуждению проектов, планов, программ, что будет способствовать большей эффективности и прозрачности в работе как самого Министерства экологии и природных ресурсов Украины, так и других институтов, принимающих участие в формировании системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды.

Предметом дальнейших научных исследований должно стать исследование реорганизационных изменений в институциональной сфере, которые происходят (имеют место) в результате изменения законодательства Украины в сфере охраны окружающей среды в процессе адаптации к законодательству ЕС.

Список использованной литературы:

1. Андрусевич Н.И. Оценка экологической составляющей двустороннего сотрудничества между Украиной и ЕС / Н.И. Андрусевич. – Львов, 2013. – 202 с.
2. Грыцак И.А. Развитие европейского управления в контексте влияния на государственное управление в Украине / И.А. Грыцак [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nbu.gov.ua/Artikles/Nadupu/2005-2>.
3. Государственный реестр потенциально опасных объектов / Государственная архивная служба Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sfd.archives.gov.ua/page4.html>.
4. Некоторые вопросы проведения институциональной реформы в сфере исполнения будущего Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом : Распоряжение Кабинета Министров Украины от 10.10.2012 г. № 767-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/767-2012-p>.
5. Отчет о выполнении в 2013 г. мероприятий Национального плана действий по охране окружающей природной среды на 2011–2015 гг. центральными и местными органами исполнительной власти / Министерство экологии и природных ресурсов Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.menr.gov.ua/index.php/about/task>.
6. Институциональные аспекты управления процессом аппроксимации законодательства Украины к праву ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.menr.gov.ua/index.php/adaptation/336-ohliad-stanu-harmonizatsii-zakonodavstva-ukrainy-z-vymohamy-prava-yes-ta-bazovyi-plan-harmonizatsii-zakonodavstva-ukrainy-z-pravom-yes-dovkillya>.
7. Лазор О.Я. Экологическая политика Украины: европейский выбор / О.Я. Лазор // Вестник НАГУ. – 2003. – № 3. – С. 443–449.
8. Малыш Н.А. Эффективные механизмы формирования государственной экологической политики : [монография] / Н.А. Малыш. – К. : КИС, 2011. – 348 с.
9. Модернизация государственного управления и европейская интеграция Украины / [Ю.В. Ковбасюк, К.О. Ващенко, Ю.П. Сурмин и др.] ; под общ. ред. Ю.В. Ковбасюк. – К. : НАГУ, 2013. – 120 с.
10. Государственное управление в странах-членах ЕС = Public Administration in the EU Member States : [учеб. пособие] / под общ. ред. М.М. Бойцуна, Я.В. Мудрого, О.С. Рудика. – М. : Миллениум, 2009. – 192 с.
11. Обзор Состояния гармонизации законодательства Украины с требованиями права ЕС и Базовый план гармонизации законодательства Украины с правом ЕС (Окружающая среда) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.menr.gov.ua/index.php/adaptation/336-ohliad-stanu-harmonizatsii-zakonodavstva-ukrainy-z-vymohamy-prava-yes-ta-bazovyi-plan-harmonizatsii-zakonodavstva-ukrainy-z-pravom-yes-dovkillya>.
12. Олефиренко О.В. Правовые основы государственной политики Украины в сфере охраны окружающей среды / О.В. Олефиренко // Демократическое управление в контексте глобальных вызовов и кризисных ситуаций : матер. науч.-практ. конф. (г. Львов, 3 апреля 2009 г.) : в 2 ч. – Львов : ЛРИДУ НАГУ, 2009. – Ч. 1. – С. 115–119.
13. Оржель Е.Ю. Особенности Европейского управления / Е.Ю. Оржель // Стратегические приоритеты. – 2009. – № 3(12). – С. 217–223.
14. Перга Т.Ю. Экологическая политика как инструмент сближения Украины с ЕС / Т.Ю. Перга // Внешние дела. – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://uaforeignaffairs.com.ua/ekspertnadamka/view/article/ekologichna-politika-jak-instrument-zblizhennja-ukrajini-z>.
15. Повестка дня ассоциации Украина – ЕС // Правительственный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article%3FshowHidden=1&art_id=243281941&cat_id=223345338&ctme=1266423569791.
16. О ратификации Соглашения об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским Союзом, Европейским сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с другой стороны : Закон Украины от 16.09.2014 г. № 1678-VII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1678-vii>.
17. О мерах по внедрению Концепции административной реформы в Украине : Указ Президента Украины от 22.07.1998 г. № 810/98 // Официальный вестник Украины. – 1999. – № 21.
18. Об основных принципах (стратегии) государственной экологической политики Украины на период до 2020 г. : Закон Украины от 21.12.2010 г. № 2818-VI // Голос Украины. – 2010. – № 6.
19. Об утверждении Национального плана действий по охране окружающей среды на 2011–2015 гг. : Распоряжение Кабинета Министров Украины от 25.05.2011 г. № 577-р // Правительственный курьер. – 2011. – № 135.

20. Об оптимизации системы центральных органов исполнительной власти : Указ Президента Украины № 1085/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.president.gov.ua/documents/12584.html>.

21. Об утверждении перечня видов деятельности и объектов, представляющих повышенную экологическую опасность : Постановление Кабинета Министров Украины от 28.08.2013 г. № 808 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/808-2013-п>.

22. Об утверждении Положения о Государственном реестре потенциально опасных объектов : Постановление Кабинета Министров Украины от 29.08.2002 г. № 1288 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1288-2002-п>.

23. Садовская О.В. Особенности государственного управления в сфере евроинтеграции и европеизации через призму дифференциального анализа / О.В. Садовская // Сравнительно-аналитическое право. – 2013. – № 3–2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pap.in.ua/3-2_2013/2/Sadovska%20O.%20V.pdf.

24. Сытник С.В. Евроинтеграция и европеизация: проблемы управления / С.В. Сытник // Вече. – 2009. – № 20. – С. 11.

25. Тенденции и перспективы европейской интеграции Украины: государственно-управленческие измерения : [монография] / [В.В. Корженко, Н.М. Мельтюхова, Г.С. Одинцова и др.] ; под общ. ред. В.В. Корженко, Н.М. Мельтюхова. – М. : ХарПИ НАГУ «Магистр», 2007. – 267 с.

26. Соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским союзом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kmu.gov.ua/kmu/control/uk/publish/article?art_id=246581344&cat_id=223223535.

27. Об утверждении базового плана адаптации экологического законодательства Украины к законодательству Европейского союза (Базовый план апроксимации) : Приказ Министерства экологии и природных ресурсов Украины от 17.12.2012 г. № 659 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.menr.gov.ua/index.php/normakty/60-9/acts/706-nakaz-vid-17-12-2012-659-shchodo-zatverdzhennia-bazovoho-planu-adaptatsii-ekolohichnoho-zakonodavstva-ukrainy-do-zakonodavstva-yevropeiskoho-soiuzu-bazoviy-plan-aproksymatsii>.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РАБОТНИКА, КОТОРЫЙ УВОЛЬНЯЕТСЯ СОГЛАСНО П. 6 СТ. 40 КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ УКРАИНЫ И ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ НА РАБОТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Александр ДУМА,

аспирант кафедры трудового права

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

This article highlights the specificity of termination of the employment contract on the initiative of the employer in connection with the reinstatement of an employee who previously performed this work. Attention is concentrated on the parity of the legal status of an employee who retires under item 6 art. 40 of the Labor code of Ukraine and is restored on operation. It was found that they both have the same status of the worker, and hence equal opportunities, but the advantage provides to the restored worker, because his position has arisen before. Thus, the problem of determining the legal opportunities and cases of not recovery of the employee is argumentative and acute.

Key words: legal status, termination of employment, reinstatement in employment, initiative of the employer.

Аннотация

В статье подчеркивается специфика расторжения трудового договора по инициативе работодателя в связи с восстановлением на работе работника, который ранее выполнял эту работу. Сосредотачивается внимание на соотношении правовых статусов работника, который увольняется согласно п. 6 ст. 40 Кодекса законов о труде Украины, и работника, который восстанавливается на работе. При этом установлено, что оба они имеют одинаковый статус работника, а значит – и равные возможности, однако преимущество предоставляется восстановленному работнику, поскольку его статус возник раньше. Таким образом, дискуссионной и острой является проблема определения правовой возможности и случаев невозможности работника на работе.

Ключевые слова: правовой статус, расторжение трудового договора, восстановление на работе, инициатива работодателя.

Постановка проблемы. Современная теория и законодательная практика прекращения трудового договора строятся на правовом согласовании интересов работников, работодателей и государства. Поскольку права и гарантии названных субъектов трудового права находятся «в одной системе координат», то расширение прав и гарантий одной стороны ведет к их ограничению и снижению для другой. Таким образом, необходимо найти оптимальный баланс интересов субъектов трудового права.

Цель статьи – определение и характеристика двух статусов работников: восстановленного и того, которого в связи с этим нужно уволить.

Изложение основного материала исследования. Право на труд – это одно из фундаментальных прав человека, установленное международно-правовыми актами и признанное всеми

государствами мира. Оно относится к группе социально-экономических и в общем смысле отражает потребность человека создавать и приобретать источники существования для себя и своей семьи, реализовывать собственный творческий потенциал, выражать свою личность [1, с. 102].

Граждане могут свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род и место деятельности, самостоятельно решать вопросы о заключении трудового договора или иного соглашения с конкретным работодателем на договорных условиях. Согласно ч. 1 ст. 21 Конституции Украины все люди свободны и равны в своем достоинстве и правах. Равенство перед законом означает равную значимость людей, признание их субъектами права без какой-либо дискриминации; равноправие же означает, что каждый человек должен иметь закрепленный

законодательством равный объем прав и свобод, установленных для всех субъектов, находящихся в одинаковом правовом положении.

При восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного работника восстанавливается его правовой статус во всех правах, обязанностях, льготах независимо от основания увольнения и желания работодателя. В этом случае восстановление выполняет правосстановительную функцию, однако оно имеет и другую функцию – правопрекращающую.

Увольнение вследствие восстановления на работе работника, ранее выполнявшего эту работу, является крайней мерой, к которой желательно не прибегать. Во-первых, если работодателем приняты не все меры, которые позволили бы избежать увольнения нового работника согласно п. 6 ст. 40 Кодекса законов о труде (далее – КЗоТ) Украины, это грозит очередными трудовыми спорами и, возможно, восстановлением на работе уже и этого сотрудника. Во-вторых, на соответствующей должности возобновляется предыдущий работник, и нет никакой вины вновь принятого работника.

Согласно Разъяснению Министерства юстиции Украины «О порядке расторжения трудового договора по инициативе собственника или уполномоченного им органа» от 1 февраля 2011 г. [2] восстановление на работе предыдущего работника является основанием для увольнения нового только в том случае, если оно проводится в соответствии с законодательством, когда органами, рассматривающими трудовые споры, восстанавливается на работе работник, который был незаконно уволен или переведен на другую работу.

Так, в науке трудового права обращают внимание на то, что восстановление на работе с последующим увольнением нового работника может происходить согласно таким основам:

– решению органа, рассматривающего трудовой спор (суда), если работник уволен без законных оснований (ст. 235 КЗоТ Украины);

– инициативе работодателя или требованию соответствующего органа надзора за законностью (профсоюзной организации, инспекции по труду и так далее) при установлении факта

увольнения работника без законного основания (в частности, если работник был уволен без согласования с профсоюзным органом в случае, когда такое согласование является обязательным в соответствии с законом);

– ст. 6 Закона Украины «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, органов досудебного расследования, прокуратуры и суда» от 1 декабря 1994 г. № 266/94-ВР [3]. То есть гражданин, который уволен с работы (должности) в связи с незаконным осуждением или отстранен от должности в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, должен быть восстановлен на прежней работе (должности), а в случае невозможности этого (ликвидация предприятия, учреждения, организации, сокращение должности, наличие других предусмотренных законом оснований, препятствующих восстановлению на работе (должности)) государственной службой занятости ему должна быть предоставлена другая подходящая работа. Работа (должность) предоставляется гражданину не позднее, чем через один месяц со дня обращения, если оно последовало в течение трех месяцев со дня вступления в законную силу оправдательного приговора либо вынесения постановления (определения) о прекращении уголовного производства в связи с отсутствием события уголовного преступления, отсутствием в деянии состава уголовного правонарушения или неустановлением достаточных оснований для доказательства виновности лица в суде, а также исчерпанием возможностей их получить.

Во многих случаях законодательство предоставляет определенным лицам право требовать предоставления прежней работы. В частности, согласно ч. 4 ст. 20 Закона Украины «О статусе народного депутата Украины» от 17 ноября 1992 г. № 2790-XII [4] народному депутату после окончания срока его полномочий, а также в случае досрочного их прекращения по личному заявлению о сложении депутатских полномочий предоставляется прежняя работа (должность), а если это невозможно, его зачисляют в резерв кадров Главного управления государственной службы Украины. Работникам, уволен-

ым с работы в связи с избранием в состав выборных профсоюзных органов, в соответствии с ч. 5 ст. 41 Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 15 сентября 1999 г. № 1045-XIV [5] после окончания срока их полномочий предоставляется предыдущая работа (должность) или, с согласия работника, другая равноценная работа (должность).

Однако в указанных и аналогичных случаях, когда работник возвращается на предыдущую работу после окончания своих полномочий на выборной должности, работодателю предоставлена возможность трудоустройства такого работника на другую должность (работу), равноценную той, которую он занимал (выполнял) на том же предприятии, а в отдельных случаях, с согласия работника, – на другом предприятии. Поэтому такие обстоятельства не могут служить основанием для увольнения сотрудника, который сейчас работает на должности, занимаемой ранее другим работником, согласно п. 6 ст. 40 КЗоТ Украины.

Верховный Суд Украины также признает, что законодательством Украины не предусматривается возможность прекращения трудового договора с работником по мотивам возвращения на предыдущую работу после окончания полномочий на выборной должности лица, которое ранее было уволено с этой работы вследствие избрания на такую должность, если только работник не был принят на срок полномочий этого лица на выборной должности (п. 19 Раздела XIV «Трудовое право» Правовых позиций относительно рассмотрения судами отдельных категорий гражданских дел).

Исходя из норм действующего законодательства, особенностями статуса работника, который восстанавливается на работе, являются такие:

1) предоставляется прежняя работа (по той же специальности, квалификации, должности, с теми же условиями труда), которую он выполнял до незаконного увольнения или перевода;

2) оплачивается время вынужденного прогула или разница в заработной плате за время работы на нижеоплачиваемой должности;

3) выплачивается моральный вред по требованию работника;

4) восстанавливается непрерывный трудовой стаж;

5) обновляются все его права, льготы, обязанности.

Правовой статус работника, увольняющегося в связи с восстановлением другого, заключается в следующем:

1) предлагается работа на этом же предприятии (перевод);

2) выплачивается выходное пособие;

3) если это лицо относится к лицам, которые не могут быть уволены (беременная женщина, одинокая мать и так далее), то оно обязательно должно быть трудоустроено.

Как видим, работник, который увольняется в связи с восстановлением другого, находится в худшем положении. Поэтому справедливым является утверждение Л.В. Щур-Труханович, что именно на работнике, который подлежит увольнению в связи с восстановлением работника, ранее выполнявшего эту работу, должно быть сосредоточено все внимание [6, с. 8].

Однако в таком случае возникает вопрос об интересах работодателя и работника, который восстанавливается. Может ли работодатель рассчитывать на защиту своего права свободы выбора работников, а работник – на защиту своего нарушенного права на труд? Как справедливо отмечает С.В. Попов, свобода труда означает также определенную самостоятельность работодателей в сфере привлечения к труду, то есть их свободу в выборе потенциальных работников, определении правовой природы возникающих отношений (трудовых, гражданско-правовых) и так далее [7, с. 18]. Например, работник, которого уже приняли на работу, вполне устраивает работодателя, имеет значительные преимущества по сравнению с тем работником, которого работодатель вынужден будет восстанавливать. Однако в соответствии с положениями действующего трудового законодательства на работодателя возлагается обязанность восстановить работника, который ранее выполнял эту работу. Для стран с рыночной экономикой во второй половине XX в. было характерно то, что принцип хозяйственной свободы увольнений действовал даже в тех случаях, когда судебный или арбитражный орган признавал увольнение необоснованным, несправедливым и про-

тивноправным. Работодатели Франции, Италии, ФРГ и многих других стран даже при наличии соответствующего решения могли не восстанавливать на работе незаконно уволенного работника, а обязаны были лишь выплатить ему денежную компенсацию [8, с. 179]. По нашему убеждению, защита права на труд работника, которого работодатель будет вынужден уволить в связи с восстановлением другого, напрямую связана с необходимостью регламентирования дополнительных гарантий для работодателя относительно возможности оставить «нового» работника на работе. Таким образом, можно будет обеспечить баланс между интересами работодателя в необходимости более высококвалифицированных кадров, что будет способствовать повышению уровня производства и конкурентоспособности предприятия, и интересами работников. В связи с указанным отметим, что при восстановлении на работе работника, который ранее выполнял эту работу, и увольнении работника, который на этот момент ее выполняет, следует исходить из возможности применения нормы о преимущественном праве на оставление на работе, однако с определенными коррективами.

При восстановлении на работе работника, который ранее выполнял эту работу, органом, рассматривающим трудовой спор, и возможном увольнении работника, который на данный момент ее выполняет, преимущество оставления на работе должно предоставляться тому из них, кто обладает более высокой квалификацией и/или специализацией, другому же работнику следует предложить другую свободную вакансию.

Однако следует помнить также об установленных действующим трудовым законодательством ограничениях относительно увольнения определенных категорий лиц. Если на посту возобновляемого работника работает лицо, которое не может быть уволено по инициативе работодателя, оно подлежит обязательному трудоустройству.

Увольнение работников моложе восемнадцати лет в случае восстановления на работе работника, ранее выполнявшего эту работу, производится лишь в исключительных случаях и не допускается без трудоустройства (ст. 198 КЗоТ Украины). Также в ст. 184

КЗоТ Украины содержится запрет относительно увольнения по инициативе работодателя беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет (до шести лет), одиноких матерей при наличии ребенка возрастом до четырнадцати лет или ребенка-инвалида, кроме случаев полной ликвидации предприятия, учреждения, организации, когда допускается увольнение с обязательным трудоустройством. Это правило распространяется также на отцов, воспитывающих детей без матери (в том числе в случае длительного пребывания матери в лечебном заведении), опекунов (попечителей) и приемных родителей (ст. 1861 КЗоТ Украины), однако не применяется к женщинам, у которых есть ребенок-инвалид, но они не имеют статуса одинокой матери.

Вместе с тем решение о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного на другую работу работника, принятое органом, рассматривающим трудовой спор, подлежит немедленному исполнению (ч. 5 ст. 235 КЗоТ Украины). Согласно ст. 236 КЗоТ Украины в случае задержки работодателем исполнения решения органа, рассматривающего трудовой спор о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного на другую работу работника, этот орган выносит определение о выплате ему среднего заработка или разницы в заработной плате за время задержки. Учитывая изложенное, разумеется, работодатель должен немедленно выполнить решение о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного на другую работу работника, а лицо, которое принадлежит к вышеназванным категориям работников, работодатель должен обязательно трудоустроить. Однако на практике это вызывает значительные трудности.

Согласно ч. 2 ст. 40 КЗоТ Украины увольнение по основаниям, предусмотренным п. п. 1, 2 и 6 ст. 40 КЗоТ Украины, применяется только в случаях, когда работника невозможно с его согласия перевести на другую работу (то есть тогда, когда у работодателя объективно нет такой возможности, или в случае, если работник откажется от такого перевода). Работодатель полностью устранил возможность восстановления нового работника на работе по причине непринятия мер по переводу

последнего лишь при условии, если предложит работнику, который увольняется, все имеющиеся на предприятии (в учреждении или организации) вакансии, на которые может претендовать работник с учетом его профессии, квалификации, опыта трудовой деятельности и состояния здоровья. Впрочем, владелец не обязан предлагать работнику абсолютно все эти вакантные рабочие места: работник, которого должны уволить, отказавшись от одной предложенной ему работы, имеет право претендовать на другую, но только при наличии достаточных для этого оснований. Одного же нежелания работника занять предложенное ему рабочее место недостаточно для предъявления к работодателю требования о предоставлении другой работы.

Невозможно обойти вниманием также то, что согласно п. 5 ст. 31 Закона Украины «Об общеобязательном государственном социальном страховании на случай безработицы» от 2 марта 2000 г. № 1533-III [9] продолжительность выплаты материальной помощи по безработице в случае увольнения с последнего места работы по основаниям, связанным с дисциплинарной ответственностью работников (в частности, по п. п. 3, 4, 7 и 8 ст. 40 КЗоТ Украины), сокращается на срок до 90 календарных дней. Лица, которые потеряли работу по не зависящим от них обстоятельствам, к которым Закон Украины «Об общеобязательном государственном социальном страховании на случай безработицы» относит работников, уволенных по п. п. 1, 2, 5 и 6 ст. 40 КЗоТ Украины, получают такую помощь в течение 180 календарных дней.

Выводы. Проанализировав правовые статусы работников (который возобновляется и которого увольняют согласно п. 6 ст. 40 КЗоТ Украины), мы считаем, что восстановление на работе предыдущего работника является основанием для увольнения нового только в том случае, если оно проводится в соответствии с законодательством, когда органами, рассматривающими трудовые споры, восстанавливается на работе работник, который незаконно был уволен или переведен на другую работу.

Защита права на труд работника, которого работодатель будет вынужден уволить в связи с восстановлением

другого, напрямую связана с необходимостью регламентирования дополнительных гарантий для работодателя относительно возможности оставить «нового» работника на работе. Таким образом, можно будет обеспечить баланс между интересами работодателя в необходимости высококвалифицированных кадров, что будет способствовать повышению уровня производства и конкурентоспособности предприятия, и интересами работников. Поэтому при восстановлении на работе работника, который ранее выполнял эту работу, и увольнении работника, который на данный момент ее выполняет, следует исходить из возможности применения нормы о преимущественном праве оставления на работе, однако с определенными коррективами.

При восстановлении на работе работника, который ранее выполнял эту работу, и увольнении работника, который на данный момент ее выполняет, преимущество оставления на работе должно предоставляться работнику с более высокой квалификацией и/или специализацией, другому работнику следует предложить другую вакансию. Однако следует помнить также об установленных законодательством ограничениях относительно увольнения определенных категорий лиц.

Список использованной литературы:

1. Прилипко С.М. Право на працю в системі прав людини / С.М. Прилипко, О.М. Ярошенко // Право України. – 2014. – № 6. – С. 102–110.

2. Про порядок розірвання трудового договору з ініціативи власника або уповноваженого ним органу від 1 лютого 2011 р. : Роз'яснення Міністерства юстиції України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://hrliga.com/index.php/phpBB2/uploads/index.php?module=norm_base&op=view&id=848.

3. Про порядок відшкодування шкоди, завданої громадянину незаконними діями органів, що здійснюють оперативно-розшукову діяльність, органів досудового розслідування, прокуратури і суду : Закон України від 1 грудня 1994 р. № 266/94-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1995. – № 1. – Ст. 1.

4. Про статус народного депутата України : Закон України від 17 листопада 1992 р. № 2790-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 3. – Ст. 17.

5. Про професійні спілки, їх права та гарантії діяльності : Закон України від 15 вересня 1999 р. № 1045-XIV // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 45. – Ст. 397.

6. Щур-Труханович Л.В. Восстановление работника на работе государственной инспекцией труда: недостатки правового регулирования / Л.В. Щур-Труханович // Кадры предприятия. – 2007. – № 9. – С. 3–21.

7. Попов С.В. Форми реалізації права на працю: проблеми теорії та практики : [монографія] / С.В. Попов. – Х. : ФІНН, 2009. – 336 с.

8. Баглай М.В. Правовые методы усиления эксплуатации трудящихся в странах капитала: основные тенденции современного буржуазного трудового права / М.В. Баглай, В.И. Усенин. – М. : Наука, 1964. – 316 с.

9. Про загальнообов'язкове державне соціальне страхування на випадок безробіття : Закон України від 2 березня 2000 р. № 1533-III // Відомості Верховної Ради України. – 2000. – № 22. – Ст. 171.

ИЗМЕНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФОРМУЛИРОВОК И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Зоя ЗАГИНЕЙ,

кандидат юридических наук, доцент,

начальник отдела исследований проблем преступности в сфере служебной деятельности и коррупции
Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины

Summary

The article is dedicated to the study of the effect of legislative technique for criminal acts and legal assessment. On an example of crimes in the area of performance and professional activities related to the provision of public services, examines the impact of the changed definitions of the concepts of "significant harm" and "serious consequences" for official acts qualified persons and entities that provide public services. Compares the wording of the relevant definitions in the old and new versions. It is concluded that if the socially dangerous consequences not provided any article of the Criminal Code of Ukraine – on the face presence retroactivity of criminal law. If such effects are provided in a separate article, then the acts of the guilty person must be qualified it by her. Thus, in this case, clearly we can not say whether there is a reverse effect of the criminal law. Proposed return to the definition of "significant harm" and "serious consequences" that were in the Criminal Code of Ukraine prior to the adoption of the Law of Ukraine dated 13 May 2014.

Key words: offense, significant harm, serious consequences, retroactivity of criminal law, Criminal Code of Ukraine.

Аннотация

Статья посвящается исследованию влияния законодательной техники на уголовно-правовую оценку деяния. На примере преступлений в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, рассматривается влияние измененных дефиниций понятий «существенный вред» и «тяжкие последствия» на квалификацию деяний служебных лиц и лиц, предоставляющих публичные услуги. Сравниваются формулировки соответствующих определений в старой и новой редакциях. Сделан вывод, что в случае, если общественно опасные последствия не предусмотрены какой-либо статьей Особенной части Уголовного кодекса Украины, существует обратная сила уголовного закона. Если же такие последствия предусматриваются в самостоятельной статье, то и деяния виновного лица необходимо квалифицировать именно согласно ей. Таким образом, нельзя однозначно сказать, имеет ли место обратная сила уголовного закона. Предложено вернуться к тем определениям понятий «существенный вред» и «тяжкие последствия», которые существовали в Уголовном кодексе Украины до принятия Закона Украины от 13 мая 2014 г.

Ключевые слова: преступление, существенный вред, тяжкие последствия, обратная сила уголовного закона, Уголовный кодекс Украины.

Постановка проблемы. Свойствами любых нормативно-правовых актов Украины являются стабильность и динамизм. Стабильность законодательства традиционно считается неотъемлемой составляющей принципа верховенства права, закрепленного в ст. 8 Конституции Украины, выступает важным показателем правовой культуры общества, весомой гарантией обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. В то же время законодательство должно быть адекватным социальной среде, своевременно реагировать на изменения в обществе, развиваться, меняться в соответствии с потребностями общественного развития, то есть быть динамичным [1, с. 1].

Как и другие нормативно-правовые акты Украины, Уголовный кодекс Украины (далее – УК Украины) для достижения максимального эффекта уголовно-правового регулирования должен быть и стабильным, и динамичным. Особенно ощутим динамизм уголовного законодательства Украины на протяжении 2014 г. Соответствующие изме-

нения коснулись также преступлений в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг (раздел XVII Особенной части УК Украины). Один из принятых законов касался упорядочения понимания последствий этой группы преступлений. Именно соответствующие изменения будут предметом рассмотрения публикации.

Цель статьи состоит в том, чтобы на примере преступлений в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, показать, как может изменение юридических формулировок повлиять на уголовно-правовую квалификацию. Эта цель может быть достигнута путем применения герменевтического анализа текста соответствующих статей УК Украины.

Изложение основного материала исследования. Большинство составов преступлений в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предостав-

лением публичных услуг, сформулированы законодателем как материальные (ст. ст. 364, 364-1, 365, 365-2, 367 УК Украины). Это означает, что для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить наличие общественно опасных последствий, а также причинной связи между деянием и этими последствиями. Признаком объективной стороны основных составов названных преступлений является причинение существенного вреда. Кроме того, квалифицирующим признаком этих составов преступлений, а также служебного подлога (ст. 366 УК Украины) является причинение преступлением тяжких последствий.

Законодательные дефиниции понятий «существенный вред» и «тяжкие последствия» традиционно закреплены в примечаниях 3 и 4 к ст. 364 УК Украины (соответственно). Соответствующие примечания, как указано в них, распространяют свое действие и на другие нормы этого раздела. Так, примечание 3 к ст. 364 УК Украины, определяющее понятие существенного вреда, распространяется на ст. ст. 364,

364-1, 365, 365-2, 367. А примечание 4 к ст. 364 УК Украины, закрепляющее понятие тяжелых последствий, – на ст. ст. 364–367 УК Украины.

Примечания 3 и 4 к ст. 364 УК Украины были изложены в новой редакции в соответствии с Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно ответственности за коррупционные правонарушения» от 7 апреля 2011 г. № 3207-VI [2]. С момента вступления этого закона в силу юридическая формулировка существенного вреда и тяжких последствий выглядела таким образом: существенным вредом (тяжкими последствиями), если он (они) заключается (заключаются) в причинении материального ущерба, считается вред, который в 100 и более (в 250 и более) раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан. Формулировка законодателя «если он (они) заключается (заключаются)» означала, что и существенный вред, и тяжкие последствия в составах преступлений в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, могли носить как имущественный, так и неимущественный характер.

Соответствующее разъяснение имело место в судебной практике. В Постановлении Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике по делам о превышении власти или служебных полномочий» было указано, что существенным вредом могли признаваться нарушения охраняемых Конституцией Украины или другими законами прав и свобод человека и гражданина (право на свободу и личную неприкосновенность, на неприкосновенность жилища, избирательные, трудовые, жилищные права и так далее), подрыв авторитета и престижа органов государственной власти или органов местного самоуправления, нарушение общественной безопасности и общественного порядка, создание обстановки и условий, затрудняющих выполнение предприятием, учреждением, организацией своих функций, сокрытие преступлений (п. 6) [3].

Аналогичный подход к определению существенного вреда в составах служебных преступлений имел место в теории уголовного права Украины [4, с. 144–147; 5, с. 85–86].

В процессе текущего правотворчества в нормативные предписания примечаний 3 и 4 к ст. 364 УК Украины были внесены изменения. Речь идет о Законе Украины от 13 мая 2014 г. № 1261-VII [6]. Юридические формулировки существенного вреда и тяжких последствий получили такой вид: существенным вредом (тяжкими последствиями) считается вред (последствия), которые в 100 (250) и более раз превышают необлагаемый минимум доходов граждан.

Таким образом, существенный вред и тяжкие последствия получили только имущественную форму. В случае причинения иного вреда (в том числе вреда жизни и здоровью человека) соответствующими преступлениями в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, он не может учитываться при квалификации по этим статьям Особенной части УК Украины.

Проанализировав процесс принятия Закона Украины от 13 мая 2014 г. № 1261-VII, можно заметить, что изменения в примечания 3 и 4 к ст. 364 УК Украины авторами законопроекта не предлагались [7]. Вопрос об изменениях этих примечаний не поднимался и на пленарном тридцать шестом заседании Верховного Совета Украины VII созыва [8]. Поэтому возникают вопросы относительно того, как вообще может существовать такая ситуация в правотворчестве, когда изменения в нормативно-правовой акт не были включены в проект закона, не обговаривались в соответствующих профильных комитетах Верховного Совета Украины, а также на пленарном заседании, однако оказались в окончательном варианте текста закона, подписанного Президентом Украины.

В связи с тем, что вопрос о признании существенным вредом и тяжкими последствиями только вреда имущественного характера не обсуждался ни в научных кругах, ни в среде народных депутатов, он вызвал появление множества вопросов в процессе толкования и применения соответствующих законодательных положений. Фактически на сегодня сложилась такая ситуация, когда любое преступление в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, которые должны причинять существен-

ный вред или тяжкие последствия, не может быть квалифицировано согласно соответствующей статье Особенной части УК Украины, если причинен вред неимущественного характера.

Проанализировав судебную практику последних месяцев, то есть после вступления в силу Законом Украины от 13 мая 2014 г. № 1261-VII (4 июня 2014 г.), можно сделать вывод, что суды при квалификации, как правило, не обращают внимание на то, что изменился подход к определению существенного вреда и тяжких последствий. В большинстве случаев действия виновных лиц квалифицируются согласно ст. ст. 364–367 УК Украины, даже когда общественно опасными деяниями причинен вред неимущественного характера. Но это наблюдается до поры до времени, пока соответствующие изменения не будут четко усвоены практическими работниками.

Например, приговором Бориспольского горрайонного суда Киевской области от 18 августа 2014 г. согласно ч. 1 ст. 367 УК Украины было осуждено ЛИЦО_1, начальник ведомственной пожарной команды ведомственной пожарной охраны Бориспольской исправительной колонии № 119, на которого приказом начальника Бориспольской исправительной колонии № 119 от 14 марта 2014 г. возложено исполнение обязанностей начальника участка – начальника отделения социально-психологической службы участка социальной реабилитации. Согласно обстоятельствам уголовного производства в соответствии с договором на осуществление монтажа детских площадок в г. Киеве было выведено 8 осужденных для осуществления соответствующих работ, в сопровождении ЛИЦО_1. Один из осужденных, пользуясь тем, что ЛИЦО_1 разговаривает с местными жителями, самовольно покинул рабочее место. После побега осужденный проник в салон припаркованного неподалеку автомобиля и, повредив замок зажигания, пытался завести автомобиль, но в этот момент был задержан работниками милиции, совершив преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 15, ч. 2 ст. 289 УК Украины (незаконченное покушение на завладение транспортным средством). Суд, вынесший обвинительный приговор, указал, что существенный вред в этом случае

выразился в совершении уголовного правонарушения (преступления) [9].

Если бы эти действия были совершены до 4 июня 2014 г., то квалификация ни у кого не вызвала бы возражений. Но как быть сегодня? Учитывая законодательное формулирование существенного вреда (в том числе в составе служебной халатности), приходим к выводу, что состава преступления, предусмотренного ст. 367 УК Украины, в действиях ЛИЦО_1 нет, поскольку причиненный вред имел неимущественный характер. Получается, что в этом случае деяния виновного не подпадают ни под один состав преступления. Таким образом, можно констатировать декриминализацию служебной халатности, если преступлением причинен вред неимущественного характера.

В вышеприведенном примере, по нашему мнению, необходимо признать наличие обратной силы уголовного закона. В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК Украины закон об уголовной ответственности, отменяющий преступность деяния, смягчающий уголовную ответственность или иным образом улучшающий положение лица, имеет обратное действие во времени, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. В этом случае уголовный закон отменил преступность деяния.

Рассмотрим другой пример. По приговору Коломыйского горрайонного суда Ивано-Франковской области ЛИЦО_1 было осуждено согласно ч. 2 ст. 367 УК Украины. В соответствии с уголовным производством ЛИЦО_1 было назначено ответственным за технический надзор, выполнение строительных работ по строительству многоэтажных жилых домов. Согласно обстоятельствам уголовного дела ЛИЦО_1, находясь на балконе квартиры на девятом этаже дома, через отверстие на балконе в связи с отслоением металлические скобы, которыми скреплялись металлические листы обшивки экрана, уронило их на территорию под домом у входа в подъезд на двоих потерпевших, которые от полученных телесных повреждений скончались на месте. В приговоре указано, что не-

надлежащим исполнением служебных обязанностей ЛИЦО_1 причинило тяжелые последствия – причинение смерти двум лицам [10].

Считаем такую квалификацию не правильной, поскольку в соответствии с материалами дела имущественный вред в результате совершения служебной халатности не был причинен. Отсутствие общественно опасных последствий означает также отсутствие состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 367 УК Украины.

Каким же образом должны быть квалифицированы деяния ЛИЦА_1 в вышеприведенном примере? Поскольку общественно опасные последствия заключаются в причинении физического вреда – смерти двоих лиц, то нужно признать, что деяния виновного нужно квалифицировать согласно той норме Особенной части УК Украины, которая предусматривает ответственность за причиненные последствия. В нашем случае деяния ЛИЦА_1 необходимо квалифицировать согласно ч. 2 ст. 119 УК Украины, то есть как убийство двух или более лиц, совершенное по неосторожности.

Такая квалификация касается тех деяний, которые были совершены виновным до 4 июня 2014 г. Но можно ли признать в таком случае обратную силу уголовного закона Украины, которая распространяется на правовые отношения, возникшие до момента вступления этого уголовного закона в силу?

Считаем, что в таком примере можно однозначно утверждать о наличии обратной силы уголовного закона Украины. Ведь в санкции ч. 2 ст. 367 УК Украины предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет и со штрафом от двухсот пятидесяти до семисот пятидесяти необлагаемых минимумов доходов граждан или без такого. А в санкции ч. 2 ст. 119 УК Украины – наказание в виде лишения свободы от пяти до восьми лет. То есть уголовный закон частично усиливает уголовное наказание (в части сроков наказания в виде лишения свободы), а частично смягчает (в части отсутствия в ч. 2 ст. 119 УК Украины дополнительных наказаний).

Поэтому обратная сила уголовного закона может иметь место лишь в части, которая смягчает наказание. То есть действия лица в вышеприведенном примере, если они были совершены до 4 июня 2014 г., нельзя квалифицировать по новому уголовному закону Украины. Однако к лицу не могут быть применены дополнительные наказания.

Выводы. Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о том, что изменение юридических формулировок может повлечь иные подходы в уголовно-правовой оценке деяний. В отдельных случаях простой, казалось бы, отказ от тех или иных слов может повлечь за собой как декриминализацию общественно опасных деяний, так и констатацию обратной силы уголовного закона Украины. Поэтому в процессе квалификации необходимо не пренебрегать изучением правил законодательной техники изложения уголовно-правовых норм, сравнением формулировок уголовно-правовой нормы в разных редакциях законов Украины (с учетом вносимых изменений и дополнений), а также глубоким уяснением содержания законодательных дефиниций в УК Украины.

Что же касается определений понятий «существенный вред» и «тяжкие последствия» в примечаниях 3 и 4 к ст. 364 УК Украины, то считаем необходимым вернуться к тем определениям, которые были в УК Украины до принятия Закона Украины от 13 мая 2014 г. Это, по нашему мнению, снимет остроту проблемы уголовно-правовой оценки деяний служебных лиц и лиц, предоставляющих публичные услуги, а также будет служить эффективной мерой противодействия соответствующим преступлениям.

Список использованной литературы:

1. Стародубова І.В. Стабільність і динамізм законодавства: поняття, співвідношення та засоби забезпечення : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень» / І.В. Стародубова. – Х., 2012. – 20 с.
2. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо відповідальності за корупційні правопо-

порушення : Закон України від 7 квітня 2010 р. № 3207-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3207-17>.

3. Про судову практику у справах про перевищення влади або службових повноважень : Постанова Пленуму Верховного Суду України від 26 грудня 2003 р. № 15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0015700-03>.

4. Андрушко П.П. Злочини у сфері службової діяльності: кримінально-правова характеристика: [навч. посібник] / П.П. Андрушко, А.А. Стрижевська. – К. : Юрисконсульт, 2006. – С. 144–147.

5. Киричко В.М. Кримінальна відповідальність за корупцію / В.М. Киричко. – Х. : Право, 2013. – С. 85–86.

6. Про внесення змін у деякі законодавчі акти України у сфері державної антикорупційної політики у зв'язку з виконанням Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України від 13 травня 2014 р. № 1261-VII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1261-18>.

7. О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере государственной антикоррупционной политики в связи с выполнением Плана действий : проект Закона Украины от 25 марта 2013 г. № 4556 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=50403.

8. Стенограма тридцять шостою пленарного засідання Верховної Ради України VII скликання 13 травня 2014 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/5262.html>.

9. Вирок Бориспільського міськрайонного суду Київської області від 18 серпня 2014 р. в справі № 359/7632/14-к // Офіційний веб-сайт Верховного Суду України [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/40175750>.

10. Вирок Коломийського міськрайонного суду Івано-Франківської області від 12 червня 2014 р. в справі № 346/378/14-к // Офіційний веб-сайт Верховного Суду України [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/40175750>.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ В УКРАИНЕ

Алена КАЗАНЦЕВА,

аспирант кафедры административного права юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

This article explores the main stages of formation of regulatory authorities in the sphere of public utilities in Ukraine. Throws light upon the development of the idea on establishment of separate regulatory authorities in the sphere of public utilities, which covering the period since the adoption in 2000 of the Law of Ukraine “On natural monopolies” and till the adoption in 2010 of the Law of Ukraine “On the National Commission for Regulation of Public Utilities”. Studies the legal status of the National Commission for State Regulation of Public Utilities, which functioned until August 2014. Determines the priority areas for further study of the legal status of the newly established regulatory authority in the spheres of energy and public utilities.

Key words: natural monopolies, state regulation, public utilities, regulatory authority.

Аннотация

В статье исследуются основные этапы становления органа государственного регулирования в сфере коммунальных услуг Украины. Освещается процесс развития идеи о необходимости создания в сфере коммунальных услуг отдельного органа государственного регулирования, охватывающий период с момента принятия в 2000 году Закона Украины «Об естественных монополиях» и до принятия в 2010 году Закона Украины «О Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг». Исследуются основы правового статуса Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере коммунальных услуг, функционировавшей до августа 2014 года. Определяются приоритетные направления дальнейшего исследования правового статуса новообразованного органа государственного регулирования в сферах энергетики и коммунальных услуг.

Ключевые слова: естественные монополии, государственное регулирование, сфера коммунальных услуг, орган государственного регулирования.

Постановка проблемы. Эффективность функционирования рынков, находящихся в состоянии естественной монополии, связана в первую очередь с деятельностью независимых органов государственного регулирования. В течение последних десятилетий подобные институты в странах Европейского Союза демонстрируют успешность и результативность своей деятельности, в частности, в таких сферах естественных монополий, как сфера транспорта, связи, энергетики и коммунальных услуг.

Сфера коммунальных услуг в Украине является одной из наиболее социально значимых и потенциально прибыльных. Ключевыми аспектами и стратегическими ориентирами при ее реформировании должны стать эффективное удовлетворение спроса и предоставление более качественных услуг, что возможно только за счет развития конкуренции и вывода сферы комму-

нальных услуг из состояния естественной монополии.

Именно в содействии и создании условий для этого заключается одна из основных задач органа государственного регулирования в сфере коммунальных услуг. Поэтому исследование институционального обеспечения государственного регулирования в сфере коммунальных услуг Украины приобретает особое значение.

Актуальность темы исследования. В Украине орган государственного регулирования в сфере коммунальных услуг был создан в 2010 году. Однако уже в августе 2014 года на основании указа Президента Украины он был ликвидирован, а функция государственного регулирования в сфере коммунальных услуг была возложена на новообразованный орган – Национальную комиссию, осуществляющую государственное регулирование в сферах энергетики и коммунальных услуг.

Осуществление функции государственного регулирования в сфере коммунальных услуг энергетическим регулятором или создание органа, ответственного за государственное регулирование энергетики и коммунальных услуг, является довольно распространенной практикой в европейских странах, в частности в Болгарии, Эстонии, Латвии, Литве, Венгрии и других.

Для Украины функционирование подобного органа не является типичным. В связи с этим усиливается актуальность исследования предпосылок создания и основных этапов становления и развития органа государственного регулирования в сфере коммунальных услуг в Украине для понимания перспектив совершенствования системы государственного регулирования в данной сфере.

Состояние исследования. Отечественные ученые в отрасли административного права и государственного управления исследовали преимущественно теоретические основы государственного управления. Отдельные аспекты государственного регулирования в своих работах рассматривали такие ученые, как В. Аверьянов, С. Бедин, Ю. Ващенко, В. Кальченко, В. Развадовский и другие. Однако вопросы, связанные с институциональным обеспечением государственного регулирования в сфере коммунальных услуг, требуют специального изучения.

Целью статьи является исследование основных этапов становления и развития органа государственного регулирования в сфере коммунальных услуг Украины.

Изложение основного материала исследования. Формирование механизма государственного регулирования в сфере естественных монополий начинается с принятия 20 апреля 2000 года Закона Украины «О естественных монополиях» [1], который распространял свое действие также на сферу коммунальных услуг: централизованного теплоснабжения, централизованного водоснабжения и водоотведения.

Отдельный раздел Закона Украины «О естественных монополиях» был посвящен вопросам правового статуса национальных комиссий регулирования естественных монополий – специальных органов, основным заданием которых являлось регулирование деятельно-

сти субъектов естественных монополий и субъектов хозяйствования на смежных рынках.

До принятия Закона Украины «О естественных монополиях» регулирование деятельности субъектов хозяйствования в сфере коммунальных услуг осуществлялось в пределах предоставленных полномочий Министерством жилищно-коммунального хозяйства Украины, Советом Министров Автономной Республики Крым, областными, Киевской и Севастопольской городскими государственными администрациями, а также органами местного самоуправления. Однако с момента вступления в силу указанного акта в законодательстве были сформированы предпосылки для создания в сфере коммунальных услуг отдельного органа государственного регулирования.

В течение 2000–2003 годов в Украине происходило формирование механизма государственного регулирования в сфере естественных монополий в соответствии с требованиями Закона Украины «О естественных монополиях». Однако на этом этапе сформировать целостную систему государственного регулирования и обеспечить эффективность ее функционирования так и не удалось.

В 2003 году Верховная Рада Украины принимает Закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины» [2], в котором неэффективность антимонопольной политики и механизмов государственного регулирования естественных монополий была признана угрозой национальным интересам и национальной безопасности, обстоятельством, которое усложняет создание конкурентной среды в экономике.

С этого момента в Украине начинаются активные процессы, связанные с разработкой концепций реформирования существующего механизма государственного регулирования, в частности, в сфере коммунальных услуг.

27 апреля 2007 года Указом Президента Украины № 921/2007 была утверждена Концепция совершенствования государственного регулирования естественных монополий [3], которая определила принципы, основные направления и средства совершенствования механизма государственного регулирования естественных монополий в Украине.

Концепцией совершенствования государственного регулирования естественных монополий предусматривалось создание и функционирование отдельных самостоятельных комиссий в сфере связи, транспорта (воздушный, морской и железнодорожный), энергетики (электроэнергия, нефть, природный газ, централизованное теплоснабжение), коммунальных услуг (централизованное отопление, водоснабжение и водоотведение).

Такие комиссии в соответствии с законами Украины должны были осуществлять регулирование деятельности на рынках естественных монополий и смежных рынках (например, тарифообразования, лицензирования, обеспечения доступа к товарам и услугам), а также решать в пределах компетенции спорные вопросы, возникающие между потребителями соответствующих товаров и непосредственно субъектами хозяйствования, которые производят (реализуют) товары на рынке, находящемся в состоянии естественной монополии, и субъектами хозяйствования, которые действуют на смежных рынках.

Значительное внимание в Концепции совершенствования государственного регулирования естественных монополий акцентировалось на вопросе независимости комиссий как основополагающем принципе, положенном в основу их функционирования. Кроме того, Концепцией совершенствования государственного регулирования естественных монополий предусматривалась необходимость внесения изменений в Конституцию Украины относительно определения статуса, порядка формирования и функционирования комиссий, внесения изменений в законы, регулирующие соответствующие сферы деятельности субъектов хозяйствования на рынках естественных монополий и смежных рынках, а также разработки и принятия закона (законов) о соответствующих комиссиях.

Следующим документом, в котором были изложены некоторые аспекты совершенствования системы государственного регулирования в сфере жилищно-коммунальных услуг, стала Концепция ценообразования в сфере жилищно-коммунальных услуг, одобренная Указом Президента Украины от 28 декабря 2007 года [4]. Концепцией ценообразования в сфере жилищно-комму-

нальных услуг был определен перечень субъектов, на которых возлагалось осуществление государственного регулирования в сфере жилищно-коммунальных услуг, а также закреплены их основные полномочия. К этим субъектам были отнесены Кабинет Министров Украины, орган государственного регулирования в сфере коммунальных услуг, другие органы исполнительной власти, органы местного самоуправления.

9 июля 2008 года Кабинет Министров Украины представляет собственную Концепцию развития системы государственного регулирования деятельности субъектов естественных монополий, которая касалась в основном сферы коммунальных услуг [5].

Согласно Концепции развития системы государственного регулирования деятельности субъектов естественных монополий процесс реформирования предусматривал два этапа. На первом этапе планировалось осуществить совершенствование нормативно-правовой базы, создать временное (до формирования органа государственного регулирования) структурное подразделение в составе Министерства по вопросам жилищно-коммунального хозяйства Украины для регулирования деятельности субъектов естественных монополий, усовершенствовать системы лицензирования субъектов естественных монополий, сформировать новые принципы тарифной политики и так далее. На втором этапе предполагалось создать орган государственного регулирования деятельности субъектов естественных монополий и его территориальные представительства.

Необходимо обратить внимание на то, что разработанные Президентом Украины и Кабинетом Министров Украины концепции были достаточно прогрессивными на то время документами, поскольку содержали положения относительно определения правовой основы деятельности органов государственного регулирования, порядка их формирования и независимости, закрепления за ними функций, определяющих природу этих органов именно как регуляторов. Однако эти положения так и не были должным образом воплощены в жизнь.

Таким образом, с 2007 года неоднократно звучали предложения о создании специального органа государственного регулирования в сфере коммунальных

услуг, что фактически и было отражено в правовых актах, связанных с вопросами совершенствования механизма государственного регулирования естественных монополий в Украине.

Лишь в 2010 году в связи с принятием Закона Украины «О Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг» [6] на законодательном уровне было предусмотрено создание независимого органа государственного регулирования в сфере коммунальных услуг – Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг Украины (с 7 июля 2011 года – Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере коммунальных услуг).

Заключительными положениями Закона Украины «О Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг» было закреплено, что формирование Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг Украины, ее аппарата и территориальных органов должно быть завершено до 1 января 2011 года. Однако Национальная комиссия регулирования рынка коммунальных услуг Украины была окончательно сформирована и начала свою деятельность только в июле 2011 года. До окончания процесса ее формирования функции государственного регулирования в сфере теплоснабжения, централизованного водоснабжения и водоотведения осуществляла Национальная комиссия регулирования электроэнергетики Украины.

Законом Украины «О Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг» (в редакции от 9 июля 2010 года) за Национальной комиссией регулирования рынка коммунальных услуг закреплялся статус государственного коллегиального органа исполнительной власти. При этом существование такого вида органов исполнительной власти законодательством Украины на тот момент не предусматривалось.

30 сентября 2010 года Решением Конституционного Суда Украины № 20-рп/2010 [7] Закон Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» от 8 декабря 2004 года № 2222-IV в связи с нарушением конституционной процедуры его рассмотрения и принятия был признан не соответствующим Конституции Украины. На органы государственной власти была возложена обязанность

по безотлагательному выполнению этого решения относительно приведения нормативно-правовых актов в соответствие с Конституцией Украины от 28 июня 1996 года в редакции, существовавшей до внесения в нее изменений Законом Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» от 8 декабря 2004 года № 2222-IV.

Поэтому 7 октября 2010 года был принят Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно приведения их в соответствие с Конституцией Украины» [8].

Необходимо согласиться с позицией Ю. Ващенко, которая отмечает, что законодателем с помощью указанного закона не только были приведены в соответствие с Конституцией Украины положения ряда законодательных актов (в частности, положения Закона Украины «О естественных монополиях» относительно порядка создания комиссий регулирования естественных монополий), но и была изменена их организационно-правовая форма. Так, согласно статье 11 указанного акта национальные комиссии регулирования естественных монополий определялись как государственные коллегиальные органы, которые создаются и ликвидируются Президентом Украины. Комиссии подчиняются Президенту Украины, являются подотчетными Верховной Раде Украины и Кабинету Министров Украины. Комиссии действуют на основании положений, утверждаемых Президентом Украины. Аналогичные изменения были внесены в Закон Украины «О Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг», заменив по тексту закона формулировку «государственный коллегиальный орган исполнительной власти» на «государственный коллегиальный орган» [9, с. 23].

В связи с тем, что национальные комиссии регулирования естественных монополий не были включены в систему центральных органов исполнительной власти, определенную Указом Президента Украины «Об оптимизации системы центральных органов исполнительной власти» от 9 декабря 2010 года № 1085/2010 [10], приходим к выводу, что с 7 октября 2010 года – с момента принятия Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно приведения их в соответствие с Конституцией

Украины» – за этими органами закрепляется особый статус.

7 июля 2011 года был принят Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно национальных комиссий, осуществляющих государственное регулирование естественных монополий, в сфере связи и информатизации, рынков ценных бумаг и финансовых услуг» [11]. Этим законом также были внесены изменения в статью 11 Закона Украины «О естественных монополиях», которая определяла правовой статус национальных комиссий регулирования естественных монополий, в том числе и Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг.

С этого момента за национальными комиссиями регулирования естественных монополий окончательно закрепляется статус государственных коллегиальных органов, которые создаются и ликвидируются Президентом Украины в единоличном порядке. Комиссии действуют на основании положений, утверждаемых Президентом Украины. Меняются управленческие состояния комиссий: отныне они подчиняются Президенту Украины и являются подотчетными Верховной Раде Украины.

Меняется также численность состава комиссий и порядок их формирования: с этого момента комиссия как коллегиальный орган образуется в составе главы и шести членов, которые назначаются на должности и увольняются с занимаемых должностей Президентом Украины путем издания соответствующего указа.

Срок полномочий глав и членов комиссий остается неизменным – шесть лет. При этом определяются требования к главе и членам комиссий, а также закрепляется исчерпывающий перечень оснований досрочного прекращения ими своих полномочий.

23 ноября 2011 года Указом Президента Украины «О Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере коммунальных услуг» № 1073/2011 [12] был создан орган государственного регулирования в сфере коммунальных услуг – Национальная комиссия, осуществляющая государственное регулирование в сфере коммунальных услуг, а также утверждено положение о ней, которое в целом продублировало положения Закона Украины от 7 июля 2011 года.

27 августа 2014 года на основании Указа Президента Украины № 692/2014 [13] и Указа Президента Украины № 693/2014 [14] с целью оптимизации и сокращения численности работников были ликвидированы Национальная комиссия, осуществляющая государственное регулирование в сфере коммунальных услуг, и Национальная комиссия, осуществляющая государственное регулирование в сфере энергетики. Вместо этих двух регуляторов Президент Украины на основании Указа № 694/2014 [15] создает единый орган – Национальную комиссию, осуществляющую государственное регулирование в сферах энергетики и коммунальных услуг.

В связи с созданием такого органа возникли некоторые проблемы, связанные как с самой процедурой ликвидации, так и с вопросами правопреемственности, которые имеют большое теоретическое и практическое значение, однако не нашли своего отражения в соответствующих актах Президента Украины. Кроме того, вызывает определенные сомнения целесообразность осуществления государственного регулирования в сфере энергетики и в сфере коммунальных услуг одним органом. Однако все эти вопросы являются предметом отдельного научного исследования.

Выводы. Законом Украины «О естественных монополиях», который был принят 20 апреля 2000 года, предусматривалось создание, в том числе и в сфере коммунальных услуг, национальных комиссий регулирования естественных монополий. В течение следующих почти 10 лет продолжались многочисленные дискуссии и обсуждения, связанные с формированием системы государственного регулирования естественных монополий, во время которых неоднократно обращалось внимание на необходимость создания в сфере коммунальных услуг отдельного органа государственного регулирования. Такой орган был создан лишь в 2010 году на основании Закона Украины «О Национальной комиссии регулирования рынка коммунальных услуг». Однако уже в 2014 году он был ликвидирован, а функции государственного регулирования в сфере коммунальных услуг были возложены на Национальную комиссию, осуществляющую государственное регулирование в сферах энергетики и коммунальных услуг.

Таким образом, необходимым и вполне целесообразным представляется осуществление государственного регулирования в сфере коммунальных услуг специальным органом, который не входит в систему органов исполнительной власти, является самостоятельным и независимым при выполнении возложенных на него задач, осуществляет специфические регулятивные функции. При этом вопрос об осуществлении государственного регулирования в сферах энергетики и коммунальных услуг одним органом требует дальнейшего исследования.

Список использованной литературы:

1. Про природні монополії : Закон України від 20 квітня 2000 року № 1682-III // Відомості Верховної Ради України. – 2000. – № 30. – Ст. 238.
2. Про основи національної безпеки України : Закон України від 19 червня 2003 року № 964-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 39. – Ст. 351.
3. Про Концепцію вдосконалення державного регулювання природних монополій : Указ Президента України від 27 вересня 2007 року № 921/2007 // Офіційний вісник України. – 2007. – № 74. – С. 9. – Ст. 2753.
4. Про Концепцію ціноутворення у сфері комунальних послуг : Указ Президента України від 28 грудня 2008 року № 1324/2008 // Офіційний вісник України. – 2008. – № 1. – С. 182. – Ст. 8.
5. Про схвалення Концепції розвитку системи державного регулювання діяльності суб'єктів природних монополій на ринку комунальних послуг : Розпорядження Кабінету Міністрів України від 9 липня 2008 року № 932-р // Офіційний вісник України. – 2008. – № 51. – С. 54. – Ст. 1710.
6. Про державне регулювання у сфері комунальних послуг : Закон України від 9 липня 2010 року № 2479-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 49. – С. 1761. – Ст. 571.
7. Рішення Конституційного Суду України від 30 вересня 2010 року № 20-рп/2010 у справі за конституційним поданням 252 народних депутатів щодо відповідності Конституції України (конституційності) Закону України «Про внесення змін до Конституції України» від 8 грудня 2004 року

№ 2222-IV (справа про додержання процедури внесення змін до Конституції України) // Офіційний вісник України. – 2010. – № 77. – С. 7. – Ст. 2597.

8. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо приведення їх у відповідність із Конституцією України : Закон України від 7 жовтня 2010 року № 2592-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 10. – С. 460. – Ст. 63.

9. Ващенко Ю. Проблеми правового статусу Національної комісії регулювання ринку комунальних послуг України / Ю. Ващенко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2010. – Вип. 85. – С. 22–26.

10. Про оптимізацію системи центральних органів виконавчої влади : Указ Президента України від 9 грудня 2010 року № 1085/2010 // Офіційний вісник України. – 2010. – № 94. – С. 15. – Ст. 3334.

11. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо національних комісій, що здійснюють державне регулювання природних монополій, у сфері зв'язку та інформатизації, ринків цінних паперів і фінансових послуг : Закон України від 7 липня 2011 року № 3610-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 7. – С. 316. – Ст. 53.

12. Про Національну комісію, що здійснює державне регулювання у сфері комунальних послуг : Указ Президента України від 23 листопада 2011 року № 1073/2011 // Офіційний вісник України. – 2011. – № 94. – С. 55. – Ст. 3421.

13. Про ліквідацію Національної комісії, що здійснює державне регулювання у сфері комунальних послуг : Указ Президента України від 27 серпня 2014 року № 692/2014 // Офіційний вісник Президента України. – 2014. – № 37. – С. 19. – Ст. 1559.

14. Про ліквідацію Національної комісії, що здійснює державне регулювання у сфері енергетики : Указ Президента України від 27 серпня 2014 року № 693/2014 // Офіційний вісник Президента України. – 2014. – № 37. – С. 20. – Ст. 1560.

15. Про Національну комісію, що здійснює державне регулювання у сферах енергетики та комунальних послуг : Указ Президента України від 27 серпня 2014 року № 694/2014 // Офіційний вісник Президента України. – 2014. – № 37. – С. 20. – Ст. 1561.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Юлия КАЛИНИЧЕНКО,

соискатель кафедры уголовного права № 1

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого,
старший прокурор отдела защиты конституционных прав и свобод граждан
Управления защиты прав и свобод граждан и интересов государства
Генеральной прокуратуры Украины

Summary

The article is devoted to the research of the subjective side of deliberately false denunciation about the crime. It determines that the only required sign of it is the wine in the form of direct intent, because of the formal corpus delicti of this crime and direct indication in the text of the law on deliberately sign. It explains the content of the intellectual and volitional moment of direct intent. The paper points to the need to include in criminal characteristics of this crime the motive and the purpose, it outlines the most common motives of committing this crime and proves the existence of the intermediate and final purpose of the crime.

Key words: subjective side, deliberately false denunciation about the crime, direct intent, deliberately, motive, purpose.

Аннотация

Статья посвящена исследованию субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления. Устанавливается, что ее единственным обязательным признаком является вина в виде прямого умысла, что обуславливается формальным составом данного преступления, а также прямым указанием в тексте закона на признак заведомости. Раскрывается содержание интеллектуального и волевого момента прямого умысла. Приводятся аргументы в пользу необходимости включения в уголовно-правовую характеристику анализируемого преступления мотива и цели, устанавливаются наиболее распространенные мотивы его совершения, а также обосновывается наличие промежуточной и конечной цели данного преступления.

Ключевые слова: субъективная сторона, заведомо ложное сообщение о совершении преступления, прямой умысел, заведомость, мотив, цель.

Постановка проблемы. Деяние как акт человеческого поведения – это единство его внешней (объективной) и внутренней (субъективной) сторон. Последняя представляет собой психическую деятельность лица, отражающую отношение его сознания и воли к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям. Находясь во взаимосвязи с другими элементами состава преступления, субъективная сторона имеет отличную от них природу, поскольку является непосредственным продуктом сознания [1, с. 3]. Это в свою очередь обуславливает особенности восприятия субъективной стороны, которая, в отличие от субъекта, объекта и объективной стороны преступления, воспринимаемых непосредственно с помощью органов чувств (зрения, слуха, осязания), познается только путем анализа

и оценки объективных характеристик преступления: содержания действий или бездействия, способа их совершения, используемых орудий и средств и так далее [2, с. 629]. Безусловно, с этим связаны сложности исследования субъективной стороны состава преступления (в том числе заведомо ложного сообщения о совершении преступления).

Актуальность темы исследования объясняется тем, что в настоящее время в науке уголовного права неразрешенной остается проблема набора и содержания признаков, характеризующих субъективную сторону заведомо ложного сообщения о совершении преступления. Это связано прежде всего со способом законодательного формулирования диспозиции ст. 383 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины, который не позволяет дать однозначный ответ на данные вопросы, в то

время как от правильного толкования закона зависит успешное решение задач квалификации совершенного преступления и привлечения виновного к уголовной ответственности.

Состояние исследования. Вопросы субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления в разные периоды разрабатывались многими учеными, в частности И.С. Власовым, И.М. Тяжковой, А.А. Закастовым, Ш.С. Рашковской, М.Х. Хабибуллиным и другими, труды которых хотя и основывались на раннее действующем УК Украины 1960 г., однако послужили теоретической базой для дальнейших исследований в данном направлении. Следует также отметить ощутимый вклад в разработку субъективной стороны анализируемого преступления российских ученых, таких как А.В. Бриллиантов, Р.Н. Косевич, С.В. Смолин, И.В. Дворянсков, И.А. Фаргиев и другие. Что касается современного состояния исследуемой проблемы в украинской науке уголовного права, то после принятия УК Украины 2001 г. ей надлежало бы уделяться. Отдельные ее аспекты достаточно кратко изложены в учебной литературе и научно-практических комментариях к ст. 383 УК Украины, а также в некоторых монографических изданиях, посвященных общей характеристике преступлений против правосудия (научные работы А.С. Беницкого, В.И. Тютюгина, Ю.В. Александрова, С.С. Мирощниченко и других авторов).

Цель статьи заключается в изучении субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления, определении набора ее юридических признаков, установлении их содержания и значения для оценки общественной опасности совершенного деяния.

Изложение основного материала. В науке уголовного права к юридическим признакам субъективной стороны состава преступления традиционно относят вину, мотив и цель совершения преступления. При этом основным обязательным признаком, определяющим наличие самой субъективной стороны состава преступления, является вина. УК Украины 2001 г. впервые в истории отечественного законодательства в ст. 23 закрепил законодательное определение вины как

психического отношения вменяемого лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности, что лишней раз подтверждает обязательность этого признака для установления субъективного основания уголовной ответственности. Что касается мотива и цели совершения преступления, то с точки зрения уголовного права они являются факультативными признаками субъективной стороны состава преступления, которые приобретают значение обязательных лишь в случаях, когда они прямо указаны или однозначно вытекают из содержания соответствующего закона.

Учитывая, что ни мотив, ни цель заведомо ложного сообщения о совершении преступления не указаны в диспозиции ч. 1 ст. 383 УК Украины и однозначно не вытекают из ее содержания, единственным обязательным признаком субъективной стороны предусмотренного данной нормой состава преступления является вина (за исключением ч. 2 ст. 383 УК Украины, где содержится указание на корыстный мотив). Что касается вида вины, то в данном случае возможен только прямой умысел. Объясняется это прежде всего принадлежностью рассматриваемого преступления к преступлениям с формальным составом, в которых косвенный умысел не возможен, так как виновный, сознательно совершив деяние, уже не может его предполагать в силу того, что оно уже стало фактом объективной действительности. Второй аргумент, который традиционно приводится в пользу именно прямого умысла в составе преступления, предусмотренного ст. 383 УК Украины, – это указание в тексте закона на такой признак, как заведомость.

В словаре С.И. Ожегова слово «заведомый» понимается как хорошо известный, несомненный, а «заведомая ложь» определяется как хорошо известная, несомненная для лица неправда [3, с. 253, 420]. Применительно к заведомой ложности сообщения о преступлении это означает, что лицо, сообщая ложные сведения о совершении преступления, должно быть проинформировано об их несоответствии действительности. Ввиду этого заведомость предполагает прямой умысел, при котором лицо осознает ложность

сообщаемых им сведений о совершении преступления и желает их сообщить. Таким образом, рассмотрим содержание прямого умысла при совершении заведомо ложного сообщения о совершении преступления.

В соответствии со ст. 24 УК Украины преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего деяния (действия или бездействия), предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления. Очевидно, что такая формула прямого умысла рассчитана на преступления с материальным составом, в которых интеллектуальный момент состоит в осознании лицом общественной опасности деяния и предвидении его общественно опасных последствий, а волевой – в желании наступления этих последствий. А поскольку преступление, предусмотренное ст. 383 УК Украины, имеет формальный состав, то интеллектуальный и волевой момент умысла следует определять не по отношению к последствиям, а относительно самого деяния.

Поэтому интеллектуальный момент прямого умысла исследуемого преступления заключается в осознании лицом прежде всего фактических признаков (обстоятельств) совершенного деяния (объекта, предмета, объективной стороны и так далее), а через них – и его общественной опасности. Так, при заведомо ложном сообщении о совершении преступления сознанием лица охватывается то, что оно посягает на общественные отношения в сфере осуществления правосудия, а если при этом обвиняется другое лицо в совершении преступления, то им осознается и факт несовершенного обвиняемым лицом данного преступления. Кроме того, виновный осознает, что сообщает информацию, которая очевидно для него не соответствует действительности. Причем требуется, чтобы он хотя бы в общих чертах понимал, что деяние, о котором он сообщает, является именно преступлением, а не иным правонарушением, независимо от того, может ли он дать точную уголовно-правовую оценку этому деянию. Также сознанием лица охватываются признаки объективной стороны, в частности, что ложные сведения подаются соответствующим

шему адресату, имеющему право возбуждать досудебное расследование или осуществлять определенные функции в этой сфере. Кроме того, такое лицо осознает, что оно либо сообщает о преступлении, которого вообще не было в реальности, либо искажает определенные обстоятельства реально совершенного преступления. Безусловно, в содержание интеллектуального момента прямого умысла должен входить также признак заведомости, ведь если ложность сообщенных сведений о совершении преступления стала для лица очевидной уже после их предоставления, то состава преступления, предусмотренного ст. 383 УК Украины, не будет. В связи с этим следует согласиться с мнением С.В. Смолина, который рассматривает заведомость как особое свойство интеллектуального элемента умысла при заведомо ложном доносе (ст. 306 УК Российской Федерации), соотносимое с ним как форма (интеллектуальный элемент) и содержание (заведомость) [4, с. 19]. Таким образом, осознание совокупности фактических признаков совершенного преступления дает возможность виновному понимать социально негативный характер своего деяния, его значительную общественную опасность для охраняемых законом общественных отношений.

Что касается волевого момента прямого умысла, то он заключается в желании совершить деяние, то есть сообщить указанным в законе органам или компетентным лицам ложную информацию о совершении преступления, чем ввести их в заблуждение относительно истинного положения дел. Поэтому если лицо не осознавало ложность сообщаемых им сведений или добросовестно заблуждалось в оценке их правдивости и не желало ввести в заблуждение указанные органы или их должностных лиц, то уголовная ответственность исключается.

Вообще сообщение ложной информации о совершении преступления может представлять собой заведомую неправду (когда лицо достоверно знает, что сообщает сведения, не соответствующие действительности, и делает это намеренно) или ошибку (которая является неправильным представлением лица о реальном юридическом или фактическом характере совершенного им действия или бездействия и его

последствиях) [5, с. 280; 6, с. 33–34]. В случае сообщения ложных сведений о совершении преступления может наблюдаться два проявления. Первое имеет место, когда лицо считает сообщаемые им сведения ложными, тогда как на самом деле они являются достоверными. В такой ситуации действия лица следует квалифицировать по направленности умысла как покушение на заведомо ложное сообщение о совершении преступления. Второе проявление ошибки имеет место, когда виновный, сообщая сведения о совершении преступления, считает их правдивыми, а на самом деле они являются ложными. Очевидно, что в последнем случае речь может идти либо о неосторожной ошибке, при которой лицо сообщает ложную информацию о совершении преступления, легкомысленно или небрежно считая ее правдивой, либо о добросовестном заблуждении, при котором лицо не осознает и по обстоятельствам дела не может и не должно осознавать ложный характер сообщаемых им сведений, хотя при необходимой осмотрительности и критическом отношении к основаниям, приведшим его к такому выводу, оно могло бы определить ложность своего умозаключения.

Особое внимание в контексте субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления следует уделить рассмотрению мотива и цели совершения преступления. Хотя украинский законодатель не счел нужным непосредственно в диспозиции ч. 1 ст. 383 УК Украины (где приведены признаки основного состава преступления) указать цель и мотив совершения преступления, последние подлежат установлению на основании указания на это в п. 2 ч. 1 ст. 91 Уголовного процессуального кодекса Украины. Более того, выяснение мотива и цели преступного поведения позволяет более точно оценить характер и степень общественной опасности преступления и личности преступника для адекватного определения параметров уголовной ответственности [7, с. 496]. Поэтому следует согласиться с мнением В.И. Борисова и А.А. Пашенко, которые отмечают, что мотив (как и мотивация в целом, предшествующая формированию мотива и целей) должен отражаться в уголовно-правовой

характеристике совершенного преступления [8, с. 188].

Как показало изучение судебной практики, наиболее распространенными мотивами заведомо ложного сообщения о совершении преступления являются такие: корысть (22,2% случаев), сокрытие преступления, иного правонарушения или аморального поступка (20,1% случаев), сокрытие действительного преступника (2,1% случаев), личные неприязненные отношения (13,3% случаев), месть (6,7% случаев), хулиганские побуждения, страх, стремление разыскать утерянное имущество, выдавая его за похищенное, и тому подобное (35,6% случаев). При этом преобладают негативные с точки зрения моральной и правовой оценки мотивы корыстной направленности, хотя не исключены также случаи совершения данного преступления по нейтральным и даже позитивным мотивам (например, из сострадания, стремления помочь знакомым или родственникам и так далее). Это, безусловно, должно учитываться при характеристике личности виновного и назначении ему наказания.

Что касается цели заведомо ложного сообщения о совершении преступления, то среди ученых нет единого подхода к решению вопроса о ее обязательности для исследуемого состава преступления. Одни ученые (в частности, А.С. Беницкий, Ю.И. Кулешов, В.И. Тютюгин) не признают цель обязательным признаком заведомо ложного сообщения о совершении преступления [9, с. 541; 10, с. 251; 11, с. 74]. Другие специалисты отстаивают позицию, что цель совершения преступления, хоть прямо и не указывается в законе, однозначно следует из его содержания. Так, по мнению А.В. Наумова и Л.В. Иногамовой-Хегай, такой целью в составе заведомо ложного сообщения о совершении преступления является возбуждение уголовного дела или привлечение конкретного лица к уголовной ответственности [12, с. 475–476; 13, с. 650], а по убеждению С.В. Смолина, – введение органов досудебного расследования или суда в заблуждение относительно признаков и обстоятельств преступления [4, с. 19].

Проанализировав изложенные мысли сторонников признания цели обязательным признаком субъектив-

ной стороны состава рассматриваемого преступления, отметим, что вряд ли будет правильным вывод о наличии специальной цели в составе данного преступления. Не вызывает сомнений факт, что обвинение в совершении преступления и привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица, возбуждение уголовного производства, введение в заблуждение относительно признаков преступления органов досудебного расследования, прокуратуры и суда могут быть следствиями заведомо ложного сообщения о совершении преступления, однако это не означает, что они обязательно являются целью этого преступления. Считаем, что в данном случае стремление причинить ущерб интересам правосудия – это не самоцель, а способ достижения конечного результата.

Подтверждением сказанного выступают также материалы проведенного исследования, из которых следует, что чаще всего целью совершения преступления является сокрытие преступления или административного правонарушения во избежание привлечения к ответственности (40% случаев), стремление отомстить и обвинить невиновное лицо в совершении преступления (22,2% случаев), получение материальной выгоды (11,1% случаев), возврат утраченного по своей вине имущества (6,7% случаев). В остальных 20% случаев в приговоре суда цель вообще не указывается, а только отмечается, что преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения. Изложенное позволяет сделать вывод о наличии промежуточной цели заведомо ложного сообщения о совершении преступления, которая состоит во введении органов досудебного расследования, прокуратуры или суда в заблуждение относительно признаков и обстоятельств преступления, и конечной цели, имеющей, как правило, личностный оттенок (например, сокрытие преступления или настоящего преступника, корыстная цель, стремление отомстить, разыскать и вернуть с помощью правоохранительных органов утраченные вещи и так далее).

Выводы. Заведомо ложное сообщение о совершении преступления – это преступление, которое может быть совершено только с прямым умыслом и состав которого не предусматривает

мотив и цель в качестве обязательных признаков его субъективной стороны (за исключением корыстного мотива, указанного в ч. 2 ст. 383 УК Украины как квалифицирующий признак). Последние не влияют на квалификацию деяния, однако их установление имеет важное значение для оценки общественной опасности данного преступления, назначения справедливого наказания, а также применения ряда других уголовно-правовых норм, предполагающих учет личности виновного.

Список использованной литературы:

1. Лунеев В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. – М. : Спарк, 2000. – 70 с.
2. Энциклопедия уголовного права : в 4 т. – СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005– . – Т. 4 : Состав преступления. – 2005. – 798 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка : [около 53 000 слов] / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс ; Мир и Образование ; Астрель, 2011. – 1200 с.
4. Смолин С.В. Уголовная ответственность за ложный донос : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / С.В. Смолин ; Всероссийский науч.-исследоват. ин-т МВД РФ. – М., 2012. – 29 с.
5. Вереша Р.В. Помилка в кримінальному законодавстві зарубіжних країн / Р.В. Вереша // Вісник Академії адвокатури України. – 2009. – Число 1(14). – С. 280–282.
6. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение / В.А. Якушин ; науч. ред. Ф.Р. Сундурова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1988. – 128 с.
7. Дворянсков И.В. Цель в посягательствах на правосудие / И.В. Дворянсков // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : матер. IV Российского конгресса уголовного права (28–29 мая 2009 г.). – М. : Проспект, 2009. – С. 495–498.
8. Борисов В.І. До питання про сутність кримінально-правової характеристики злочинів / В.І. Борисов, О.О. Пашенко // Вісник Академії правових наук України. – 2005. – № 3(42). – С. 180–190.
9. Кримінальне право: Особлива частина : [підручник] / за ред. О.О. Дудорова, Є.О. Письменського. – Луганськ : Елтон-2, 2012. – 704 с.
10. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2008– . – Т. 5. – 2008. – 951 с.
11. Злочини проти правосуддя : [навч. посібник] / за заг. ред. В.І. Борисова, В.І. Тютюгіна. – Х. : Нац. ун-т «Юрид. академія України ім. Ярослава Мудрого», 2011. – 160 с.
12. Наумов А.В. Российское уголовное право : [курс лекций] : в 3 т. / А.В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2007– . – Т. 1 : Общая часть. – 2007. – 736 с.
13. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : [учебник] / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рагоз, А.И. Чучаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Контракт ; Инфра-М, 2008. – 800 с.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ С ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ВЕЩНЫХ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Анна КЕЧА,

аспирант кафедры административного и финансового права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article is dedicated to disclosure and description of the major issues that arise during the providing of information from the Register of real estate rights to rights registration authorities. It was established that the information on registered real estate rights is open and public. Legal acts that govern the way how individuals and legal bodies appeal to the department of real estate rights state registration are analyzed. Particular attention is given to the characteristic of forms in which such information is being provided and to the subjects which are entitled to receive it.

Key words: information, state registration, property rights, real estate, extract, summary of information.

Аннотация

Статья посвящена раскрытию и характеристике основных проблемных вопросов, которые возникают во время предоставления информации с Реестра вещных прав на недвижимое имущество органами регистрации прав. Установлено, что информация о зарегистрированных вещных правах на недвижимое имущество является открытой и общедоступной. Анализируются нормативно-правовые акты, которые регулируют порядок обращения физических и юридических лиц к Отделам государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество. Особое внимание уделено характеристике форм, с помощью которых предоставляется такая информация, и субъектам, которые имеют право ее получать.

Ключевые слова: информация, государственный реестр, вещные права, недвижимое имущество, извлечение, выписка, информационная справка.

Постановка проблемы. Вопрос обеспечения государственным органом доступа к полной, достоверной, объективной информации, которой владеет государственный орган в связи с выполнением своих обязанностей, является проявлением прозрачности власти. Одним из основных положений, на котором основывается порядок проведения государственной регистрации прав, является публичность, состоящая в том, что государственная регистрация прав проводится органами исполнительной власти, которые осуществляют свою деятельность от имени и в интересах государства с учетом интересов общества. Публичность государства – характеристика, свойственная аппарату государства, всем его структурам и государственным служащим, наделенным властными полномочиями; их решения и действия должны быть в «правовом поле», быть понятными, прозрачными, открытыми для граждан, подотчетными институтам гражданского общества [1].

Вопросы информационного обеспечения деятельности и функционирования органов государственной власти, их структурных подразделений были предметом исследования многих ученых, таких как А.И. Берг, А.В. Бородин, В.В. Буряк, М.М. Дяко-

вич, К.Ю. Головкова, Н.Г. Калюжная, Т.В. Орехова, М.В. Теличко, Л.О. Терещенко, Р.И. Чанышев, Л.А. Чуприна. Однако вопросы предоставления информации органами регистрации прав не были предметом отдельного научного исследования.

Поэтому целью статьи является анализ и характеристика порядка предоставления информации Отделом государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество (далее – Отдел).

Изложение основного материала. Закон Украины (далее – ЗУ) «Об информации» устанавливает, что информация – это любые сведения и/или данные, которые могут быть сохранены на материальных носителях либо отображены в электронном виде. Основными принципами информационных отношений являются такие: гарантированность права на информацию; открытость, доступность информации и свобода ее обмена; достоверность и полнота информации; свобода выражения взглядов и убеждений; правомерность получения, использования, распространения, хранения и защиты информации [2].

В процессе государственной регистрации прав осуществляется официальное признание и подтверждение государством юридических фактов путем внесения соответствующих

данных в Государственный реестр прав на недвижимое имущество и их ограничений (далее – Реестр). Он выступает единственной информационной системой, которая содержит данные о вещных правах на недвижимое имущество, их ограничениях, а также о субъектах и объектах этих прав. Как известно, кроме государственной регистрации прав Отдел также предоставляет информацию с Реестра о зарегистрированных вещных правах на недвижимое имущество и их ограничениях.

А.В. Бородин отмечает, что среди функций государственной регистрации прав не последнее место занимает информационная, поскольку данные Реестра выступают источником информации об объектах недвижимого имущества [3, с. 145].

Длительное время Порядок предоставления информации из Реестра регулировался Постановлением Кабинета Министров Украины (далее – Кабмин) от 17.10.2013 г. № 868 [4]. Этим актом устанавливались определенные ограничения для субъектов, которые имели право получать информацию, и предусматривались три формы ее предоставления: извлечение, выписка и информационная справка.

Извлечение из Реестра имели право получать такие субъекты: соб-

ственник недвижимого имущества; лицо, имеющее вещное право на чужое недвижимое имущество; наследник (для юридических лиц – правопреемник); собственник (сособственник) квартиры, жилого или нежилого помещения в многоквартирном доме в случае создания объединения собственников многоквартирного дома (далее – ОСМД), жилищно-строительные кооперативы либо их уполномоченные лица (о субъектах права собственности на жилые и нежилые помещения в таком доме).

Извлечение о государственной регистрации ипотеки, ограничениях могли получать любые физические и юридические лица путем подачи в Отдел заявления.

Информационную справку на основании письменного запроса получали суд, органы местного самоуправления, органы внутренних дел, прокуратуры, доходов и сборов, Службы безопасности Украины (далее – СБУ) и другие органы государственной власти (должностные лица), если запрос сделан в связи с исполнением полномочий, установленных законом.

Выписка предоставлялась по заявлению собственника или правообладателя. В ней указывалась информация о лицах, которые получали сведения о правах собственника или правообладателя на недвижимое имущество либо ограничениях.

Таким образом, среди вышеперечисленных способов получения информации только сведения о собственнике объекта недвижимого имущества находились в ограниченном доступе и предоставлялись лишь исчерпывающему перечню лиц. Физические и юридические лица могли запрашивать информацию путем обращения (лично либо по почте) в Отдел как по данным субъекта, так и по параметрам объекта недвижимого имущества.

14.10.2014 г. Верховная Рада Украины (далее – ВРУ) внесла изменения в ст. 28 ЗУ «О государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и их ограничений» (далее – Закон) [5], изложив ее в новой редакции. Этими изменениями ВРУ закрепила совсем иной подход к информации, которая содержится в

Реестре, провозгласив ее «открытой и общедоступной».

Данная норма была закреплена с целью реализации ЗУ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты относительно определения конечных выгодополучателей юридических лиц и публичных деятелей» [6]. Принятие указанных изменений было также необходимым условием для внедрения в сферу государственной регистрации прав норм ЗУ «О доступе к публичной информации». Статья 1 этого акта указывает, что публичная информация – это отраженная и задокументированная любыми средствами и на любых носителях информация, полученная или созданная в процессе выполнения субъектами властных полномочий, другими распорядителями публичной информации, определенными ЗУ «О доступе к публичной информации» [7].

Открытость и общедоступность состоит в том, что с момента внесения указанных изменений физические либо юридические лица могут получать информацию из Реестра о любом объекте недвижимого имущества, независимо от того, кто является собственником либо правообладателем указанного имущества. Законодатель для экономии времени и средств предоставил возможность заинтересованным лицам получать такую информацию не только путем подачи заявления в органы регистрации прав, но и через веб-сайт Государственной регистрационной службы Украины (далее – Укргосреестр). Для получения информации из Реестра необходимым является выполнение определенных условий: произведена соответствующая оплата, параметрами поиска может быть исключительно объект недвижимого имущества.

Особенное внимание в указанной норме уделяется должностным лицам органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов внутренних дел, органов прокуратуры, органов СБУ, судам, адвокатам (о которых раньше не говорилось в Законе), нотариусам. Такие лица пользуются информацией из Реестра исключительно в электронной форме путем непосредственного доступа к данной информационной системе.

Для реализации ч. 1 ст. 28 Закона (редакция от 14.10.2014 г. [6]), Кабинет принял Постановление от 24.12.2014 г. № 722 (далее – Постановление № 722), которым были утверждены новые порядки предоставления информации из Реестра: «Порядок доступа должностных лиц органов государственной власти, органов местного самоуправления, судов, органов внутренних дел, органов прокуратуры, органов Службы безопасности Украины, нотариусов, адвокатов к Государственному реестру вещных прав на недвижимое имущество» и «Порядок предоставления физическим и юридическим лицам информации из Государственного реестра вещных прав на недвижимое имущество» (далее – Порядок) [8].

Следует охарактеризовать проблемы, которые возникли во время практического применения Постановления № 722. В соответствии с ч. 2 ст. 28 Закона физические и юридические лица могут получать информацию из Реестра либо путем обращения в Отдел, либо в электронной форме через веб-сайт Укргосреестра [5]. При этом уточняется, что параметрами запроса может быть только объект недвижимого имущества.

Данное положение имеет несколько недостатков. Во-первых, ст. 28 Закона вступила в силу через месяц после ее опубликования (25.11.2014 г.), а Постановление № 722 начало действовать только с 01.01.2015 г. По этому поводу Укргосреестр разъясняет, что поскольку Кабмину дано 3 месяца для приведения своих нормативно-правовых актов в соответствие с изменениями в законодательстве, руководствоваться в работе нужно Постановлением от 17.10.2013 г.

№ 868, которым утверждался «старый» порядок предоставления информации [9].

Исходя из этого, отмечаем, что 01.01.2015 г. Постановление № 722 вступило в силу, однако программное обеспечение Реестра не обновлялось до сих пор (на начало марта 2015 г.), в Отделе отсутствует техническая возможность реализовывать все нормы этого акта. Также не совсем понятно, каким образом нужно пользоваться нормами «старого» порядка, если в соответствии с п. 5 Постановления

№ 722 [8] он утратил силу (в части предоставления информации).

Во-вторых, очень часто физические лица обращались в Отдел для получения информации об отсутствии у них недвижимого имущества, где параметрами поиска были личные данные субъектов. Как правило, такая информация нужна лицам, которые получают имущество в порядке приватизации. Не понятно, что нужно делать физическим лицам, если по этим параметрам они уже не имеют права обращаться в Отделы, а органы приватизации самостоятельно указанную информацию не запрашивают.

Часть 3 ст. 28 Закона устанавливает, что получать информацию из Реестра могут также органы государственной власти, местного самоуправления, органы прокуратуры, СБУ, адвокаты, нотариусы в связи с исполнением ими полномочий, установленных законом. Для них параметрами запроса может быть как субъект вещного права, так и объект недвижимого имущества. Далее уточняется, что получать такую информацию они могут только в электронной форме путем непосредственного доступа к Реестру, порядок которого утверждается Кабмином.

Постановление № 722 действительно регламентирует такие вопросы, однако в нем указывается, что для открытия электронного доступа к Реестру указанные субъекты должны заключить договор с администратором Реестра до 01.10.2015 г. (хотя Постановление № 722 действует с 01.01.2015 г.). Далее уточняется, что до этого момента они получают информацию в бумажном виде путем обращения в Отделы. Однако каким образом? Постановление № 722 не регулирует указанные вопросы, в то же время прекращает действие предыдущего Порядка.

В связи с принятием Кабмином новых порядков предоставления информации процесс ее получения существенно изменился, хотя формы остались прежними: извлечение, выписка и информационная справка. Если физические и юридические лица обращаются непосредственно в Отдел, то порядок предоставления информации состоит из следующих стадий:

1) подача и проверка документов, регистрация заявления (запроса);

2) установление отсутствия оснований для отказа;

3) предоставление информации путем выдачи (отправки) документов.

Извлечение из Реестра формируется на основании данных, которые в нем содержатся, в зависимости от личности заявителя.

Извлечение, которое содержит сведения о недвижимом имуществе, праве собственности, других вещных правах, ограничениях прав на недвижимое имущество и субъекте этих прав, имеющиеся в разделе Реестра, открытом на соответствующий объект, на дату и время его формирования, формируется относительно объекта недвижимого имущества по заявлению собственника (наследника, правопреемника) либо уполномоченного им лица.

Извлечение, которое содержит сведения о недвижимом имуществе, других вещных правах и субъектах таких прав, формируется относительно объекта недвижимого имущества по заявлению лица, которое имеет вещные права, отличающиеся от права собственности, либо уполномоченного им лица.

Извлечение, которое содержит сведения о недвижимом имуществе, ограничениях прав на недвижимое имущество и субъекте этих прав, формируется относительно объекта недвижимого имущества по заявлению любого физического или юридического лица либо уполномоченного ими лица.

Извлечение, которое содержит сведения о недвижимом имуществе, ипотеке, ограничениях прав на недвижимое имущество (за исключением данных об основании для возникновения ипотеки, ограничениях и о субъектах таких прав), формируется относительно объекта недвижимого имущества по заявлению любого физического или юридического лица либо уполномоченного ими лица.

Следовательно, извлечение из Реестра на основании заявления могут получать собственник, другой правообладатель, их наследники (для юридических лиц – правопреемники), а также собственник (сособственник) квартиры, жилого или нежилого помещения в многоквартирном доме в

случае создания ОСМД либо их уполномоченные лица.

Информационная справка формируется на основании данных, которые находятся в Реестре, в зависимости от запрашиваемой информации (объекта недвижимого имущества, субъекта, относительно многоквартирного жилого дома).

Информационную справку из Реестра на основании письменного запроса (заявления) либо через официальный веб-сайт Укргосреестра имеют право получать любые физические и юридические лица, а также собственник (сособственник) квартиры, жилого или нежилого помещения в многоквартирном жилом доме в случае создания ОСМД либо их уполномоченные лица.

Информационная справка должностным лицам органов государственной власти, местного самоуправления, нотариусам, адвокатам предоставляется из Реестра путем непосредственного доступа к данному информационному ресурсу на основании заключенных договоров с администратором Реестра. До момента заключения таких договоров они обращаются в Отделы с письменными запросами.

Выписка предоставляется по заявлению собственника или правообладателя, в ней указывается информация о лицах, которые получили сведения о вещных правах и ограничениях прав, принадлежащих собственнику или правообладателю.

После исследования документов, которые подаются вместе с заявлением о предоставлении информации из Реестра, орган регистрации прав в случаях, предусмотренных законодательством, принимает решение об отказе в предоставлении информации. До момента внесения изменения в Закон основания для отказа устанавливались в Законе и Порядке предоставления информации. Сейчас указанные вопросы урегулированы Постановлением № 722.

Из анализа данного нормативно-правового акта следует, что государственный регистратор принимает решение об отказе в таких случаях:

1) предоставления заявителем не в полном объеме документов, которые определены Порядком (в

случае получения информационной справки в бумажном виде, извлечения, выписки);

2) подачи заявления ненадлежащим лицом (в случае получения информации в бумажном виде в форме извлечения, выписки);

3) отсутствия регистрации заявителя на официальном сайте Укргосреестра (в случае получения информации в электронной форме);

4) отсутствия в заявлении о предоставлении информации на официальном сайте Укргосреестра критериев поиска (в случае получения информации в электронной форме);

5) отсутствия оплаты, неполной оплаты (только в случае получения информации в электронной форме; отсутствие оплаты для получения информации в бумажном виде является основанием для непринятия такого заявления).

После принятия Постановления № 722 изменились также размеры оплаты за получение информации из Реестра. Так, Постановлением Кабмина от 21.11.2012 г. № 1204 установлено, что размер оплаты за предоставление информации в форме извлечения составляет 120 грн, за информацию в электронной форме через веб-сайт – 17 грн, за предоставление органами регистрации прав информационной справки по обращению физических лиц или юридических лиц – 34 грн [10].

Во время предоставления информации из Реестра, если в нем отсутствуют запрашиваемые данные, Отделом используются «старые» реестры: Реестр прав собственности на недвижимое имущество, Единый реестр запрета отчуждения объектов недвижимости и Государственный реестр ипотек.

После рассмотрения заявлений о предоставлении информации государственный регистратор формирует извлечение, информационную справку, выписку либо решение об отказе в предоставлении информации, которые оформляются в двух экземплярах. Указанные документы не позже следующего рабочего дня с момента принятия заявления выдаются лично либо направляются по почте с описью заявителю.

Выводы. Каждая стадия, каждый процессуальный этап, который

предусмотрен для предоставления информации из Реестра, обязательно должен исполняться Отделом или его должностными лицами в пределах полномочий, сроков, в соответствии с Порядком, в форме и способом, предусмотренным в законе. Неэффективность законодательной основы в сфере государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество препятствует оперативности оказания административных услуг.

Список использованной литературы:

1. Червонюк В.И. Теория государства и права : [учебник] / В.И. Червонюк. – М., 2006. – 704 с.

2. Об информации : Закон Украины от 02.10.1992 г. № 2657-ХІІ // Голос Украины. – 1992. – 13 ноября.

3. Бородин А.В. Государственная регистрация вещных прав на недвижимое имущество / А.В. Бородин // Наше право. – 2014. – № 1. – С. 143–147.

4. Об утверждении Порядка государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и Порядка предоставления информации с Государственного реестра вещных прав на недвижимое имущество : Постановление Кабинета Министров Украины от 17.10.2013 г. № 868 // Официальный вестник Украины. – 2013. – № 96. – С. 61.

5. О государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и их ограничений : Закон Украины от 01.07.2004 г. № 1952-ІV // Голос Украины. – 2004. – № 142.

6. О внесении изменений в некоторые законодательные акты относительно определения конечных выгодополучателей юридических лиц и публичных деятелей : Закон Украины от 14.10.2014 г. № 1701-VII // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2014. – № 46. – Ст. 3032.

7. О доступе к публичной информации : Закон Украины от 13.01.2011 г. № 2939-VI // Голос Украины. – 2011. – № 24.

8. Некоторые вопросы предоставления информации о зарегистрированных вещных правах на недвижимое имущество и их ограничения : Постановление Кабинета Министров Украины от 24.12.2014 г. № 722 // Официальный вестник Украины. – 2015. – № 2. – С. 18.

9. О порядке предоставления информации из Государственного реестра вещных прав на недвижимое имущество : Разъяснение Государственной регистрационной службы Украины от 26.11.2014 г. № 14445/06-15-14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.drsv.gov.ua/show/13680>.

10. Об утверждении размера и порядка использования оплаты за внесение изменений в записи Государственного реестра вещных прав на недвижимое имущество и предоставление информации из указанного реестра : Постановление Кабинета Министров Украины от 21.11.2012 г. № 1204 // Официальный вестник Украины. – 2013. – № 1. – С. 78.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРТНЕРСТВА МИЛИЦИИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Марина КОЗИК,

соискатель кафедры теории государства и права
Национальной академии внутренних дел

Summary

The article comprises a theoretical and methodological characteristics of the concept of partnership with the public police, the analysis of the basic concepts in this area. Reveals the forms of interaction of internal affairs bodies with public formations involved in the maintenance of public order. Identifies the main problems in the relationship the police and citizens, the factors of occurrence of which are, above all, an old structure of the Ministry of Interior of Ukraine and institutional management system, the lack of information on the work of law enforcement, lack of outreach and low legal culture of citizens. We consider the purpose of police reform as a potential way to improve police partnerships with the public.

Key words: partnership, interaction, public, forms of interaction, image of law enforcement agencies.

Аннотация

В статье осуществляется теоретико-методологическая характеристика понятия партнерства милиции с общественностью, анализ основных терминов в этой сфере. Раскрываются формы взаимодействия органов внутренних дел с общественными формированиями, участвующими в охране общественного порядка. Определяются основные проблемы в сфере взаимоотношений милиции и граждан, причинами возникновения которых являются прежде всего устаревшая структура Министерства внутренних дел Украины и система ведомственного управления, недостаточность информации о работе правоохранительных органов, отсутствие разъяснительной работы и низкая правовая культура граждан. Рассматривается цель реформирования органов внутренних дел как потенциального способа улучшения партнерства милиции с общественностью.

Ключевые слова: партнерство, взаимодействие, общественность, формы взаимодействия, имидж правоохранительных органов.

Постановка проблемы. Проблема партнерских взаимоотношений между милицией и общественностью является актуальной с точки зрения как практики, так и теории. Проблема взаимодействия органов внутренних дел (далее – ОВД) с общественностью в последние годы вызывает не только общественный, но и научный интерес. Некоторые исследования общественного мнения по поводу деятельности органов внутренних дел в Украине свидетельствуют о росте обеспокоенности населения положением правопорядка в регионах, недоверия населения к органам внутренних дел по поводу способности последних вести борьбу с преступностью, профессионально оказывать помощь гражданам, о росте потребности в демократизации и партнерской связи органов внутренних дел с общественностью.

Актуальность темы исследования. В общетеоретическом плане актуальность проблемы заключается еще и в том, что переход Украины на путь построения гражданского общества и правового государства меняет также отношение различных слоев населения к деятельности государственных институтов. Общественность повышает требования к государственным институтам, правоохранительная сфера ста-

новится более прозрачной для средств массовой информации, общественных правозащитных организаций и рядовых граждан. Милиция как государственный орган должна стать важным инструментом гражданского общества, а не частью закрытой тоталитарной системы.

Состояние исследования. Теоретическим достоянием в сфере изучения проблем партнерских взаимоотношений милиции/полиции и общественности стали труды таких зарубежных ученых, как Р. Троянович, Х. Ратц, В. Скоган, А. Бек, Д. Бейли, Г. Гольдштейн, Дж. Скольник, Т. Беннет. В отечественной науке анализом партнерства милиции и населения занимались А.М. Бандурка, Ю.Ф. Кравченко, В.А. Соболев, А.Н. Ярмаш, И.П. Рушченко, Я.Ю. Кондратьев, В.А. Болотова, В.И. Московец и другие ученые.

Целью статьи является теоретико-методологическое исследование партнерства (взаимодействия) правоохранительных органов с общественностью, определение основных понятий в этой сфере, существующих проблем в правоохранительной системе, поиск новых путей ее улучшения и усовершенствования, а также налаживание партнерских отношений правоохранительных органов с общественностью.

Изложение основного материала.

Процессы демократизации, которые разворачиваются в стране, обязывают органы охраны правопорядка осуществлять не только правоохранительные функции, но и более широкое социальное обслуживание населения. А это, в свою очередь, требует увеличения масштабов взаимодействия ОВД с социальными группами, определенными слоями населения и обществом в целом. Поэтому мы рассматриваем преобразование и оптимизацию существующей модели взаимодействия милиции и населения как процесс, который имеет комплексный характер. Выбранный нами концептуальный системный подход не только обеспечивает углубление знаний по этой проблеме, но и способствует решению конкретных управленческих проблем.

Теоретико-методологическую характеристику партнерства милиции и общественности следует начать в первую очередь с определения ее субъектов. Так, Закон Украины «О милиции» закрепляет понятие милиции в Украине: государственный вооруженный орган исполнительной власти, защищающий жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, природную среду, интересы общества и государства от противоправных посягательств.

Деятельность милиции строится на принципах законности, гуманизма, уважения к личности, социальной справедливости, взаимодействия с трудовыми коллективами, общественными организациями и населением [1].

В системе государственного управления органы внутренних дел занимают особое место. Это обуславливается прежде всего теми функциями, которые они призваны выполнять, а также тем, что их деятельность осуществляется непосредственно среди населения и охватывает практически все сферы общественной жизни. Органами внутренних дел уделяется постоянное внимание всестороннему и объективному рассмотрению обращений граждан как одной из основных форм взаимодействия с населением [4, с. 1].

Если понятие милиции в нормативной и научной литературе определяется четко, то понятие общественности имеет достаточно размытый характер. Одним из нормативных актов, в которых оно подается, можно назвать Приказ Министерства охраны окружающей природной среды Украины «Об утверждении Положения об участии общественности в принятии решений в сфере охраны окружающей среды» от 18.12.2003 г. № 168. Под общественностью в нем понимается одно или несколько физических или юридических лиц, их объединения, организации или группы, которые действуют в соответствии с действующим законодательством Украины или практикой [2].

В литературе под общественностью понимают социально-активную часть общества, которая на добровольных началах участвует в общественно-политической жизни страны. Для деятельности такой части общества нужны определенные организации (такие общественные организации существуют, они созданы гражданами для защиты своих законных прав, свобод и интересов). Также под общественностью понимают группы людей внутри организации или вне ее, с которыми организация так или иначе взаимодействует [5, с. 10].

В теории и практике публич рилейшнз понятие «общественность» является многоплановым, одним из ключевых. В самом общем смысле под общественностью подразумевается любая группа людей (возможно,

даже отдельные индивиды), так или иначе связанная с жизнедеятельностью организации или учреждения. Это могут быть ее собственные служащие, община, которая живет по соседству, клиенты, работники средств информации, государственные служащие, выдающиеся личности и тому подобное [7].

Что же касается понятия «партнерство», то оно используется во многих значениях, которые зависят от его организации, субъектов, объектов, сферы применения, функций и так далее. На практике существуют различные интерпретации его проявлений. «Большой толковый словарь современного украинского языка» определяет партнерство так: 1) положение партнера, того, кто участвует с кем-нибудь в общем деле, занятии; 2) согласованные, слаженные действия участников общего дела; 3) взаимные отношения, контакты государств, общественных группировок, предприятий, основанные на взаимной выгоде и равноправии.

По мнению К. Правельской-Скшипек, «партнерство» означает официальные отношения между отдельными лицами или группами, при которых предварительно согласованы взаимные ожидания и обязательства сторон. Основным его принципом является разделение как достижений, так и рисков. Быть партнером – это иметь фактическое влияние на принятие решений и нести ответственность за их реализацию [6, с. 165].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «партнерство» связывают с такими терминами, как сотрудничество, взаимодействие, взаимные отношения. Это значит, что понятие «партнерство» является многозначной категорией, которая охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности. Обычно оно используется в отношении лиц, связанных между собой конкретной деятельностью, которые в зависимости от характера этой связи называются партнерами. Партнерство в правоохранительной сфере целесообразно определить как согласованные, слаженные действия милиции и представителей общественности, основанные на взаимной выгоде и равноправии, направленные на защиту прав и законных интересов граждан, охрану

общественного порядка и общественной безопасности, борьбу с преступностью и так далее.

В научном наследии термин «партнерство» в контексте деятельности милиции употребляется довольно редко. Одним из наиболее употребляемых понятий является «взаимодействие». В целом взаимодействие ОВД с общественными формированиями осуществляется на основе общих принципов государственного управления. Эти принципы и формы взаимодействия ОВД с общественными формированиями по охране правопорядка закрепляются в нормативных актах, регулирующих деятельность органов внутренних дел и общественных формирований, а также других актах.

Наиболее широко в правоохранительной практике применяются такие формы взаимодействия ОВД с общественными формированиями, участвующими в охране правопорядка:

1) обмен информацией о состоянии общественного порядка и общественной безопасности. Эта информация необходима для определения актуальных задач по профилактике и пресечению правонарушений, планирования работы, повышения ее эффективности и оценки конечных результатов;

2) совместное планирование и проведение мероприятий по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности, профилактике и пресечению правонарушений;

3) предоставление органам внутренних дел содействия и поддержки общественными формированиями в выполнении возложенных на них задач по охране правопорядка;

4) обучение сотрудниками ОВД членов общественных формирований методам и формам профилактики правонарушений, проведение с ними работы по правовому обучению, предоставление методической и иной помощи в планировании и учете их деятельности;

5) направление органами внутренних дел материалов о правонарушениях в общественные формирования для рассмотрения и осуществления соответствующих мер общественного воздействия относительно правонарушителей;

6) направление общественными формированиями материалов о правонарушениях в ОВД, если при рас-

смотрении дела о правонарушениях общественное формирование будет убеждено в необходимости привлечения правонарушителя к уголовной или административной ответственности;

7) сотрудничество граждан с ОВД по охране правопорядка на договорно-оплачиваемой основе осуществляется за счет средств ОВД.

Вообще взаимодействие общественности и ОВД является очень необходимым, поскольку поддержание тесных связей с населением и общественностью – это одно из условий успешного выполнения служебных обязанностей работниками милиции [10, с. 358].

Современный анализ деятельности милиции говорит о наличии серьезных проблем как в работе правоохранительного ведомства, так и в сфере взаимодействия с населением. Это обуславливается рядом причин, однако сначала целесообразно отметить некоторые статистические данные. Согласно показателям Министерства внутренних дел (далее – МВД) Украины в 2013 г. уровень доверия граждан к милиции максимально достигал лишь 3–5%, а после событий Евромайдана этот показатель, согласно данным Института социологии Национальной академии наук Украины, упал до 0,8% опрошенных. При этом доверие самих работников милиции к власти традиционно не превышало 3%. Причиной такого крайне низкого кредита доверия населения к правоохранительным органам стали системные недостатки в деятельности ОВД.

Определяющими недостатками является устаревшая структура МВД Украины и система ведомственного управления, которые удерживают МВД Украины на стадии непропорционально большого «министерства милиции». Дублирование функций различных подразделений в этом министерстве сопровождается повышенным процентом численности управленческого персонала и внутренней конкуренцией между департаментами [3].

Еще одним существенным фактором, влияющим на уровень партнерства милиции с общественностью, является недостаточность информации о работе правоохранительных органов. Работниками милиции часто недооценивается важность систематического

информирования населения о своей повседневной деятельности, реальные успехи. Однако именно информация, которая реально отражает деятельность ОВД, создает благоприятную основу для изменения общественно-го мнения об эффективности работы милиции, поднимает уровень доверия граждан [9, с. 1].

Подходящим является также мнение Т.Н. Малиновской о необходимости проведения разъяснительной работы среди населения о статусе работников милиции и участии общественности в правоохранительной сфере с целью устранения негативных стереотипов и правовой неграмотности населения. В демократическом обществе все процессы судопроизводства предусматривают активное участие граждан, что является гарантией эффективной деятельности по раскрытию преступлений, а также гарантией соблюдения прав человека [8, с. 182]. В этом и заключается правовая культура общества, которая на сегодняшний день требует улучшения.

Сегодня в Украине начата работа по реформированию ОВД, целью которой является преобразование МВД Украины в правоохранительное многопрофильное гражданское ведомство европейского образца. МВД Украины разработан ряд нормативных документов, в которых определены основные концептуальные основы реформирования милиции, в том числе и в сфере налаживания взаимодействия с общественностью. Так, основными стратегическими задачами являются повышение доверия населения к деятельности органов внутренних дел, а также авторитета работника органа внутренних дел, повышение роли институтов гражданского общества и органов местного самоуправления в процессе обеспечения прав и свобод населения, налаживание тесного партнерства с населением и местными общинами.

Выводы. Исследование практики сотрудничества органов милиции и населения, обобщение литературных источников позволяет сформулировать такую проблемную ситуацию: по мере становления правового государства и гражданского общества возрастает потребность в сотрудничестве органов правопорядка и населения в укреплении общественной безопасности и

обеспечении основных прав и свобод человека.

Анализ основных терминов и понятий позволил сформулировать определение партнерства в правоохранительной сфере как согласованных, слаженных действий милиции и представителей общественности, основанных на взаимной выгоде и равноправии, направленных на защиту прав и законных интересов граждан, охрану общественного порядка и общественной безопасности, борьбу с преступностью и тому подобное.

Авторитет власти в сфере противодействия преступности зависит не столько от показателей раскрываемости уголовных преступлений, сколько от доверия населения к правоохранительным органам как защитникам индивидуальных и общественных интересов, соблюдения силовыми структурами принципа верховенства права.

Список использованной литературы:

1. Закон України «Про міліцію» [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zakon.rada.gov.ua>.
2. Про затвердження Положення про участь громадськості у прийнятті рішень у сфері охорони довкілля : Наказ Міністерства охорони навколишнього природного середовища України від 18.12.2003 р. № 168 // Офіційний вісник України. – 2004. – № 6. – Ст. 357.
3. Стратегія розвитку органів внутрішніх справ [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mvs.gov.ua>.
4. Джафарова М.С. Адміністративні процедури прийняття та реалізації управлінських рішень органів внутрішніх справ у відносинах з населенням : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 / М.С. Джафарова. – Х., 2008. – 20 с.
5. Королько В.Г. Паблік рілейшнз. Наукові основи, методика, практика : [підручник] / В.Г. Королько. – 2-ге вид., доп. – К. : Скарби, 2001. – 400 с.
6. Лаптий Т.М. Теоретическое содержание понятия и практика применения партнерства в современной экономике / Т.М. Лаптий // Экономика и регион. – 2012. – № 6(37). – С. 165–168.
7. Московец В.І. Поняття «громадськість» у законодавстві та

адміністративно-правовій теорії / В.І. Московець // Форум права. – 2011. – № 2. – С. 630–634. – [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/FP/2011-2/11mviapt.pdf>.

8. Малиновська Т.М. Принципи формування партнерських відносин міліції з населенням / Т.М. Малиновська // Право і безпека. – 2011. – № 3. – С. 181–183. – [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Pib_2011_3_42.pdf.

9. Яценко В.П. Провадження із звернень громадян в органах внутрішніх справ: теоретичний та практичний аспекти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 / В.П. Яценко. – Х., 2007. – 20 с.

10. Профілактика злочинів : [підручник] / [О.М. Джужа, В.В. Василевич, О.Ф. Гіда та ін.] ; за заг. ред. О.М. Джужа. – К. : Атіка, 2011. – 720 с.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛЕМИСТОВ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ

Ольга КОЛИЧ,

соискатель кафедры теории и философии права
Учебно-научного института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

Summary

In this article the author researches the polemicists' philosophical and legal ideas Kyiv-Mohyla Academy XVI–XVII centuries. As a result of the adoption of the Brest Union in 1596 in a big number of polemical literature appeared in Ukraine. The leading Ukrainian philosophers covered not only the theological perspectives in their polemical works, but also a great number of issues connected with problematical aspects of law and state at that time. For solving the following issues the polemicists developed a system of philosophical and legal concepts which remain relevant for researches and expert lawyers.

Key words: philosophical and legal concepts, Kyiv-Mohyla Academy, Brest Union, polemical literature, natural law, freedom of conscience, principle of equality, civic humanism, anthropological perspective, national idea, form of government, form of state power.

Аннотация

В статье автором исследуются философско-правовые идеи полемистов Киево-Могилянской академии XVI – XVII вв. Вследствие принятия Брестской унии 1596 г. в Украине возник огромный пласт полемической литературы. Полемические произведения, авторами которых были ведущие украинские мыслители, освещали не только богословскую проблематику, но и целый ряд вопросов, связанных с проблемными аспектами тогдашнего государства и права. Для решения указанных вопросов полемисты разработали систему философско-правовых концептов, которые до сих пор остаются актуальными как для ученых, так и для юристов.

Ключевые слова: философско-правовые концепции, Киево-Могилянская академия, Брестская уния, полемическая литература, естественное право, свобода совести, принцип равенства, гражданский гуманизм, антропологическая проблематика, национальная идея, форма государственного устройства, форма государственного правления.

Постановка проблемы. После принятия Брестской унии 1596 г., которая была направлена на расторжение отношений украинской церкви с Константинопольским патриархом и подчинение Папе Римскому, прогрессивные украинские мыслители выступили в защиту православия. Идеологическая борьба нашла выражение в полемических произведениях, в которых формировались и обосновывались естественно-правовые идеи на полноценную жизнь, свободу веры и совести, право на социальное равенство, определялось соотношение человека и Бога, обосновывался принцип справедливости, делались выводы о необходимости жить согласно законам. Хотя для каждого из полемистов было характерно наличие индивидуальной концепции, их философские разработки объединяла идея защиты естественно-правовых норм.

Актуальность темы обуславливается ростом интереса к истории украинской философско-правовой мысли и влиянием философско-правовых концепций на государство и правотворчество в Украине.

Существенной особенностью развития украинской академической философии (профессиональной философии в Киево-Могилянской коллегии (академии)) первой половины XVII – первой половины XVIII в. было то, что она находилась в постоянной связи с общим развитием европейской философии. Поэтому в философских произведениях и лекционных курсах профессоров Киево-Могилянской коллегии (академии) нашли свое отражение и оригинальное развитие многие идеи как классического философского наследия (античного, средневекового и ренессансно-реформаторского), так и современного им периода Нового времени [7, с. 107].

Цель статьи – проанализировать философско-правовые концепции в полемических произведениях представителей Киево-Могилянской академии.

Изложение основного материала. Украинские мыслители конца XVI – начала XVII в. были знакомы с европейской и мировой философией, что в значительной степени повлияло на становление их взглядов и идей, на способы формирования ими философской проблематики. Концептуальные основы мировоззрения в Украине развивали такие деятели Киево-Могилянской академии, как И. Гизель, С. Яворский, З. Копыстенский, К. Сакович, Ф. Прокопович, Л. Баранович, Г. Кониский и другие. Основным объектом исследований мыслителей был человек, олицетворяющий идеал, которого можно достичь в реальной жизни. Таким образом, перед тогдашними философами возникла необходимость по-новому толковать место человека во Вселенной.

В полемических произведениях в рамках богословия, схоластики и философии поднимались также философско-правовые проблемы относительно места человека в государстве, организации государственной власти, свободной воли и иметь свою церковь. Профессора Киево-Могилянской коллегии (академии), как и их католические и протестантские коллеги из учебных заведений Западной Европы, отдавая дань схоластическому аристотелизму, постоянно принимали во внимание развитие философской мысли в пределах секуляризованной (светской, неконфессиональной) философии эпохи Возрождения, Реформации и Нового времени [1, с. 226].

Концепция И. Гизеля – автора трудов «Сочинение о всей философии» и «Мир с богом, человек» – базировалась на постулатах общественного договора и естественного права. Мыслитель, в частности, признавал за подданными право в случае нарушения обладателем условий соглашения между ним и народом восстать и отобрать у него власть [11].

В произведении «Мир с богом, человек», написанном с позиций гуманизма, автор резко осуждает светских и духовных феодалов, определяет как грех несправедливые решения судов. Изменить этот грешный мир, по мнению И. Гизеля, можно с помощью обра-

зования, нравственного самосовершенствования. Философ выступал за предоставление царем своим подданным свобод и вольностей, за церковную автономию Украины. Его прогрессивные взгляды противоречили феодально-ортодоксальным общественным нормам того времени [6, с. 71].

И. Гизель был одним из первых мыслителей, которые подняли голос протеста против произвола феодалов, как светских, так и духовных. Он, как и многие другие деятели академии, в силу исторических ограничений не видел путей к радикальному изменению общественного устройства. Его можно улучшить, по мнению философа, на основе самопознания, нравственного самосовершенствования. Некоторые деятели идеализировали отношения в раннехристианских общинах.

Одна из центральных проблем в трудах И. Гизеля – проблема человека и его морали. Философ обосновывал идеи гражданского гуманизма, призывал к активной общественной жизни, свободный труд считал основным смыслом человеческой жизни. Пути к достижению земного счастья И. Гизель связывал с идеями патриотизма и свободы. Основным принципом, которому должны подчиняться все правители, является принцип общего блага. И. Гизель оправдывал тех, кто под страхом голодной смерти совершал кражу, утверждая, что в условиях крайней нищеты право собственности должно перестать существовать, все должно быть общим, особенно когда речь идет о человеческой жизни. Так философ трактовал библейскую заповедь «Не убий». Мыслитель не считал право собственности священным, в том числе и право церковной собственности.

Одним из первых среди отечественных философов И. Гизель поставил естественное право как критерий человеческого поведения выше закона Божьего, дополняя критерии добра и зла умом, который, познав законы природы, руководит поступками человека в соответствии с этими законами, что, собственно, и отразилось в его отношении к ранее названным церковным заповедям и установкам [3].

Как и гуманисты, И. Гизель в своей антропологической концепции возмечивает человека, его достоинство и величие, отмечает возможность без-

граничного совершенства. Совесть и разум человека являются критериями добра и зла, управляют человеческими поступками. Идеалом для мыслителя была сильная личность, образованная, свободная от церковных запретов и ограничений.

Проблему соотношения государственной и церковной власти философ решал в рамках теории двойственной истины: церковная власть не должна вмешиваться в светские дела, ее обязанность – заботиться об образовании и морали.

С. Яворский был одним из самых выдающихся мыслителей Киево-Могилянской академии. В своей работе «Тело, оживленное рациональной душой, или Человек» он рассматривал рациональную душу в теле человека, его свойства и природу. Нематериальность и бессмертие С. Яворский считал важнейшими свойствами человеческой души. Интеллект, присущий как ангелам, так и людям, мыслитель считал познавательным потенциалом человека.

В работе «Основы человеческих поступков» С. Яворский выделяет добрую волю, которая является основой человеческого действия. Основы человеческого поведения связаны не только с телесной организацией человека, но и с духовным миром. Духовный мир должен управлять телом и человеческими поступками. Философ был сторонником идеи равенства всех людей перед Богом, считал, что каждый должен найти свое место в обществе и работать в соответствии с природными наклонностями. Таким образом, в трудах С. Яворского продолжился разрыв между религией и светской моралью. Мыслитель интересовался человеком как самодостаточным существом. В своей антропологической концепции С. Яворский выделил добрую волю как первооснову человеческого действия. Философ был сторонником идеи равенства всех перед Богом, призывал людей к поискам своего места в обществе и к труду в соответствии с наклонностями и предпочтениями.

В своей философско-правовой концепции С. Яворский отобразил собственное видение организации государственной власти и общественной жизни. По его мнению, отношения в обществе подобны пирамиде: на вершине стоит император, далее – князя

и бояре, которые находятся на государственной службе, ниже – высшие офицеры, еще ниже – купцы и духовенство, а ниже всего – народ.

В концепции С. Яворского нашел отражение кризис церковной и феодальной идеологии. Мыслитель охранял церковные интересы, одновременно в своих проповедях призывая простых людей к послушанию и смирению власти. Сначала он придерживался мнения о том, что церковь и государство должны быть равноправными. Впоследствии С. Яворский стал сторонником прогрессивной идеи невмешательства государства в дела церкви. Мыслитель отстаивал идею власти церкви в духовной жизни людей и общества в целом, выражал протест об ограничении государством роли церкви в жизни общества и подчинении церковной власти государственной. В последние годы своей жизни С. Яворский работал над этико-гуманистическими проблемами, выражая так протест против подчинения церкви государству.

Государственно-правовые взгляды С. Яворского формировались под влиянием западноевропейских и украинских мыслителей. Философ хотел адаптировать церковь к новым общественно-политическим реалиям, а также сохранить ее власть в общественно-политической жизни. Он считал, что любая власть исходит от Бога, поэтому все должны выполнять ее волю. В то же время мыслитель выступал против вмешательства государственной власти в дела церкви.

С. Яворский принимал активное участие в общественно-политической жизни страны, осуждал действия государственной власти, направленные на экономические притеснения служителей церкви, а также выражал протест против церковной политики государства. Он был ярким представителем общественно-политических и культурных движений периода формирования новой идеологии, которая состоялась в ту эпоху, и оказал большое влияние на последующее развитие общественного сознания.

З. Копыстенский – автор «Палинодии, или Книги обороны», в которой он высказал идею равноправия иерархов: и Папы Римского, и православных патриархов. По нашему мнению, идея равноправия глав церкви должна рас-

сматриваться как один из механизмов обеспечения естественного права человека на свободную волю и производного в этом контексте права свободы вероисповедания и свободы совести. Мыслитель призывал к построению лучшей церкви, апеллировал к совести церковнослужителей.

Как и многие другие прогрессивные деятели, З. Копыстенский обосновывал право на свободу веры и требовал от польских властей обеспечения этого права, как это делают турецкие правители, проявляя толерантность к православному населению Константинополя. Таким образом, в «Палинодии» мы не находим признаков предвзятого отношения к представителям других конфессий или вероисповеданий.

З. Копыстенский, как и идеологи братского движения, идеализировал жизнь в первобытных христианских общинах на основе имущественного равенства и общности имущества.

В проблеме соотношения философии и религии позиция З. Копыстенского была компромиссной. Мыслитель допускал использование не только христианских, но и античных авторов, поддерживал необходимость изучения светских наук.

Одно из центральных мест среди полемистов Киево-Могилянской академии занимал П. Могила. Мыслитель поднял идею украинской национально-освободительной революции и возрождения украинского государства. Основной консолидирующей силой, способной объединить украинский народ в условиях польского господства, он считал украинскую православную церковь. Украиной должен править «идеальный правитель» – сильный православный царь, преданный вере в Бога, от которого он получил власть и перед которым должен отчитываться [10, с. 57–58]. Правитель должен соблюдать нормы морали и права, которые должны иметь приоритет по отношению к воле обладателя.

По нашему мнению, большое значение для объединения украинского народа и утверждения украинской церкви имели начатые П. Могилой систематизация и унификация канонів православной церкви, деятельность по усилению употребления украинского языка в богослужениях и богословских книгах. Развитие и воплощение

в жизнь указанных концепций способствовали утверждению национальной идеи и идеи построения независимого украинского государства.

И. Галытовский считал, что первая причина нарушения моральных норм – это грех. Нарушение гармонии между верой и разумом ведет к греху. То есть грех ведет к нарушению моральных норм. Для того чтобы определенное общество достигло идеального состояния, нужно, чтобы каждый человек стремился к нравственному самосовершенствованию путем подражания Иисусу Христу как эталону совершенства. В своих трудах мыслитель делал особый упор на духовно-нравственном воспитании как источнике развития национальной самобытности, самоопределения, патриотизма и верности государству. Для всех идей И. Галытовского характерна гуманистическая направленность: мыслитель обращался к идее нравственного самосовершенствования человека, идеям любви и добра.

К. Сакович, как и другие представители Киево-Могилянской академии, обосновывал право каждого человека наслаждаться земной красотой и всем, что на земле существует, при этом избавляясь от тяги к телесной части человека. Следуя концепциям западноевропейских философов, украинские мыслители обратились к человеку как гармоничному сочетанию духовного и телесного начал. Свой труд «Аристотелевские проблемы, или Вопрос о природе души» К. Сакович начал с мысли о естественном стремлении человека к знаниям, которые должны направляться на человеческую душу и тело.

Идея самопознания занимала одно из ключевых мест в философско-правовой концепции К. Саковича: «В законе было когда-то написано: неприлично гражданину не знать законов своей отчизны. И я могу сказать: еще неприличнее человеку не знать о законах своей природы, не знать о свойствах и обязанностях членов, из которых состоит его тело, не знать того, что сохраняет его природу в целостности неразрушимой и приводит к ее разрушению» [2, с. 68].

Разум, по мнению К. Саковича, – это ценность разумной души. Он познает вещи, которые подлежат пониманию, имеет своим объектом материи, общие вещи, поскольку ум постигает вещи в их всеобщности. В функцио-

нировании души значительное место автор отводит воли, являющейся силой души, которая принимает вещи, опознанные умом [5, с. 59].

Жизнедеятельность человека осуществляется на основе природных законов. Мыслитель подходит к природе человека как чему-то неизменному. Человека он рассматривает как микрокосм. Механизмы в этом микрокосме являются природными, их действие не требует вмешательства каких-либо трансцендентных сил. К. Сакович признает определенную порчу природы человека в связи с первородным грехом. Однако и здесь мы не видим подхода к человеческому телу как носителю греха. Наоборот, много места в работе философа уделено описанию органов человеческого тела, которые связаны с ощущениями [9, с. 127].

Автор объединяет христианскую концепцию о человеческой душе с собственной концепцией земной жизни человека. Исходной категорией в этой проблематике является поступок. В зависимости от человеческих поступков душа постигнет или вечную благодать, или вечные муки. Так же от человеческих поступков – правомерных или неправомерных – зависит жизнь человека в обществе и государстве.

Таким образом, философско-правовая концепция К. Саковича базировалась на обосновании необходимости активной жизненной позиции, на признании духовных и нравственных обязанностей человека в государстве, а также воли к выполнению этих обязанностей, на идее общественно признанных поступков человека.

Ф. Прокопович (автор произведений «Правда воли монаршей», «Слово о власти и чести царской», «Духовный регламент») считал, что основой природы человека является мышление. Философ обосновывал мысль о том, что между законами Священного Писания, природными законами и человеческим разумом не должно быть противоречий, поскольку все это создано и гармонично сочетается Богом. Деятельность человека тесно связана с наличием свободы, которую мыслитель понимает как господство лица над собой, возможность управлять собственными поступками, чувствами, страстями, эмоциями, влияя таким образом на поведение других людей.

Ф. Прокопович разработал концепцию государства просвещенного абсолютизма. Он поддерживал абсолютную монархию как форму правления, ссылаясь на актуальные в то время западноевропейские концепции естественного права и общественного договора. Монархия как форма правления является лучшей, чем демократия или аристократия, поскольку отвечает природе человека. Как родители заботятся о детях, так и монарх заботится о подданных. Ссылаясь на теорию общественного договора, Ф. Прокопович утверждает, что естественной потребностью человека является творение добра в соответствии с требованиями совести. Это естественный закон, для охраны которого необходимы государство и власть.

Государственная власть образуется потому, что согласно договору народ передает свою волю монарху. Воля народа возникает по воле Божьей. Таким образом, власть происходит от Бога, восставать против нее – грех. Основной целью деятельности власти должно быть обеспечение общего блага. Глава государства должен стоять выше общественных законов и соблюдать нормы естественного права.

Выводы. Таким образом, благодаря представителям Киево-Могиланской академии украинская философско-правовая мысль пополнилась рядом гуманистических идей, таких как обоснование необходимости образования для прогрессивного развития государства, обращение к человеку, обозначение его места в государстве, обществе и праве. Мыслители выступали за обеспечение естественных прав положительным правом. Фактически в работах каждого полемиста обосновывалась идея равенства всех людей, прослеживались патриотические убеждения.

Список использованной литературы:

1. Крипякевич И. Богдан Хмельницкий / И. Крипякевич. – Львов : Свит, 1990. – 408 с.
2. Ничик В. Философия в Киевской братской школе / В. Ничик // Философская мысль. – К., 1982. – № 2. – С. 54–72.
3. Огородник И. История философской мысли в Украине : [курс лек-

ций] / И. Огородник, В. Огородник. – М. : Высшая школа, 1999. – 543 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pidruchniki.ws/00000000/filosofiya/istoriya_filosofskoyi_dumki_v_ukrayini_-_ogorodnik_iv.

4. Проблемы правосознания лица : [учеб. пособие] / [С. Сливка, О. Грищук, Т. Гарасимов и др.] ; под ред. О. Балинской. – Львов : ЛьвДУВС, 2010. – 508 с.

5. Сливка С. Украинская национальная философия права: антологический ракурс / С. Сливка. – Львов : Воля, 2001. – 168 с.

6. Соловьева В. История учений о государстве и праве : [учеб. пособие] / В. Соловьева, Т. Макаренко. – Донецк : ООО «Юго-Восток Лтд», 2005. – 170 с.

7. Стеценко В. Особенности украинской философско-богословской мысли XVII – XVIII вв. / В. Стеценко // Вестник Львовского университета. Серия «Философские науки». – 2006. – Вып. 9. – С. 107–116.

8. Философия : [учебник] / под ред. Н. Горбача. – Львов : Логос, 1997. – 228 с.

9. Шевченко И. Сущность человека в трудах профессоров Киево-Могиланской академии (XVII – XVIII века) / И. Шевченко // Философское мнение. – 2000. – № 5. – С. 123–135.

10. Юристовский А. Очерк истории политической мысли : [учеб. пособие] / О. Юристовский. – Львов : Олисеплюс, 2001. – 272 с.

11. Юрий М. Политология / М. Юрий. – К. : Дакор, 2006. – 416 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://politics.ellib.org.ua/pages-1275.html>.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ ВОДНОГО ФОНДА ПРИ АРЕНДЕ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Максим КОСТЮЧЕНКО,

соискатель кафедры земельного и аграрного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article is devoted to the analysis of the features of the use of water resource lands for lease of water objects according to the legislation of Ukraine. The author describes the limitations in the use of leased water resource lands due to the kind of permitted use of land plot, due to the purpose of use of the water object located on this land plot that is also leased. Moreover the limitations in the economic activity on the leased water resource land plots within the boundaries of the water conservation zone and protected shoreline belt are researched. The judicial practice in this sphere is analyzed.

Key words: waster object, water resource land plot, lease, protected shoreline belt, water conservation zone.

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей использования земель водного фонда при аренде водных объектов согласно законодательству Украины. Автор характеризует ограничения в использовании земельных участков водного фонда, переданных в аренду, обусловленные видом целевого использования земельного участка, целью использования водного объекта, находящегося на данном участке, а также участков, переданных в пользование на условиях аренды. Кроме того, рассматриваются ограничения в ведении хозяйственной деятельности на арендованных земельных участках водного фонда в границах водоохраных зон и прибрежных защитных полос. Анализируется судебная практика в данной сфере.

Ключевые слова: водный объект, земельный участок водного фонда, аренда, прибрежная защитная полоса, водоохранная зона.

Постановка проблемы. Вода (водные объекты) являются исключительной собственностью украинского народа и передаются только в пользование. Водный кодекс Украины 1995 года [1] впервые за историю нашего государства предусмотрел возможность использования водных объектов на условиях аренды. Этот правовой институт широко используется среди юридических и физических лиц Украины с момента принятия ныне действующего Водного кодекса Украины.

До вступления в силу изменений в Водный кодекс Украины, внесенных Законом Украины «Об аквакультуре» от 1 июля 2013 года [2], на законодательном уровне не был урегулирован вопрос использования на условиях аренды водных объектов в комплексе с земельными участками водного фонда. Этот факт повлек значительное количество нарушений в использовании земельных участков водного фонда, в частности, в правоприменительной деятельности часто имела место подмена понятий «водный объект» и «земельный участок водного фонда», нарушалась компетенция органов государственной власти и органов местного самоуправления при передаче земельных участков водного фонда в использование на условиях аренды.

Несмотря на значительное количество проблем в использовании земельных участков водного фонда при аренде водных объектов, этот вопрос не становился предметом исследования специалистов в сфере земельного и экологического права Украины. Отдельные проблемные аспекты использования земельных участков водного фонда рассматривались при изучении вопросов, посвященных аренде водных объектов (в частности, в диссертационных работах В.И. Гордеева, И.В. Труфан и некоторых других специалистов).

В связи с этим целью статьи является характеристика особенностей использования земель водного фонда при аренде водных объектов согласно законодательству Украины.

Методы и использованные материалы. Для достижения поставленной цели автором использовались общедоступные материалы, в частности законодательная база Украины, представленная на официальном интернет-сайте Верховной Рады Украины, а также судебные решения, размещенные на официальном интернет-сайте Единого государственного реестра судебных решений. При написании статьи использовались следующие научные методы: герменевтический, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-юридический и другие.

Изложение основного материала.

Водные объекты передаются в пользование на условиях аренды в комплексе с земельным участком водного фонда, на котором они размещены. Такой порядок предоставления в пользование водных объектов и земельных участков водного фонда обуславливается в первую очередь неразрывной связью указанных природных объектов, поскольку фактическое использование водного объекта без использования земельного участка, на котором он расположен, является невозможным.

Согласно ч. 4 ст. 59 Земельного кодекса Украины гражданам и юридическим лицам органами исполнительной власти или органами местного самоуправления из земель водного фонда могут передаваться на условиях аренды земельные участки прибрежных защитных полос, полос отвода и береговых полос водных путей, озер, водохранилищ, других водоемов, болота и острова для сенокоса, рыбохозяйственных нужд (в том числе аквакультуры), культурно-оздоровительных, рекреационных, спортивных и туристических целей, проведения научно-исследовательских работ, досмотра, размещения и обслуживания объектов портовой инфраструктуры и гидротехнических сооружений и так далее, а также искусственно созданные зе-

мельные участки для строительства и эксплуатации объектов портовой инфраструктуры и других объектов водного транспорта [3].

Порядок использования земельных участков водного фонда, на которых размещены водные объекты, предоставленные в пользование, определяется соответствующим договором аренды земельного участка водного фонда, заключенным между собственником земельного участка и арендатором.

Использование земельных участков водного фонда, на которых расположены арендованные водные объекты, имеет некоторые особенности.

Можно отметить, что первая особенность использования таких земельных участков обуславливается необходимостью их использования по целевому назначению в пределах категории земель водного фонда с учетом цели использования водного объекта.

Так, целевое назначение земельного участка в пределах определенной категории в соответствии в Порядком ведения Государственного земельного кадастра [4] определяется согласно документации по землеустройству в соответствии с Классификацией видов целевого назначения земель, утвержденной приказом Государственного комитета Украины по земельным ресурсам [5].

Классификация видов целевого назначения земель определяет следующие виды целевого назначения земельных участков категории земель водного фонда:

- 1) для эксплуатации и обслуживания водных объектов;
- 2) для обустройства и обслуживания водных объектов;
- 3) для эксплуатации и обслуживания полос отвода;
- 4) для эксплуатации и обслуживания гидротехнических, других водохозяйственных сооружений и каналов;
- 5) для обслуживания береговых полос водных путей;
- 6) для сенокоса;
- 7) для рыбохозяйственных нужд;
- 8) для культурно-оздоровительных нужд, рекреационных, спортивных и туристических целей;
- 9) для проведения научно-исследовательских работ;
- 10) для строительства и эксплуатации гидротехнических, гидрометрических и линейных сооружений;

11) для строительства и эксплуатации санаториев и других лечебно-оздоровительных учреждений в пределах прибрежных защитных полос морей, морских заливов и лиманов.

Согласно ст. 51 Водного кодекса Украины водные объекты могут предоставляться в пользование на условиях аренды для таких целей:

- 1) рыбохозяйственных нужд;
- 2) культурно-оздоровительных целей;
- 3) лечебных целей;
- 4) рекреационных целей;
- 5) спортивных целей;
- 6) туристических целей;
- 7) проведения научно-исследовательских работ [1].

Таким образом, при определении вида целевого назначения земельного участка при разработке соответствующей технической документации по землеустройству должна учитываться цель предоставления в пользование на условиях аренды водного объекта. Установленный вид целевого назначения земельного участка обуславливает порядок и режим использования такого земельного участка водного фонда.

Вторая особенность использования земельных участков водного фонда, предоставленных в аренду в комплексе с водными объектами, связана с необходимостью соблюдения требований законодательства по осуществлению деятельности в водоохраных зонах и прибрежных защитных полосах вдоль водных объектов. На прилегающих к водным объектам территориях в соответствии с положениями действующего законодательства Украины должны устанавливаться водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы.

Согласно ст. 87 Водного кодекса Украины для создания благоприятного режима водных объектов, предупреждения их загрязнения, засорения и истощения, уничтожения околводных растений и животных, а также уменьшения колебаний стока вдоль рек, морей и вокруг озер, водохранилищ и других водоемов устанавливаются водоохранные зоны. Водоохранной зоной является природоохранная территория хозяйственной деятельности, которая регулируется законом [1].

На территории водоохраных зон запрещаются такие виды деятельности:

1) использование стойких и сильнодействующих пестицидов;

2) обустройство кладбищ, скотомогильников, свалок, полей фильтрации;

3) сброс неочищенных сточных вод с использованием рельефа местности (балки, низины, карьеры и так далее), а также ручьев.

Границы и размеры водоохраных зон определяются на основании специальной документации по землеустройству. На сегодня вопрос разработки документации по землеустройству регулируется Законом Украины «О землеустройстве», который в ст. 47 предусматривает такую разновидность документации по землеустройству, как проект землеустройства по организации и установлению границ территорий природно-заповедного фонда и другого природоохранного назначения, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения [6]. Именно данным видом документации по землеустройству устанавливаются внешние границы водоохраных зон.

Порядок разработки такого вида документации по землеустройству определяется Постановлением Кабинета Министров Украины «Об утверждении Порядка разработки проектов землеустройства по организации и установлению границ территорий природно-культурного фонда, другого природоохранного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения» [7].

Проект землеустройства, по которому устанавливаются границы водоохранной зоны, может разрабатываться согласно решению соответствующего органа государственной власти или органа местного самоуправления, который является распорядителем земельного участка, или согласно решению суда на основании договора между пользователем земельного участка и землеустроительной организацией. Данные о границе водоохранной зоны вносятся в Государственный земельный кадастр и должны учитываться при разработке документации по землеустройству при отводе конкретного земельного участка водного фонда в пользование на условиях аренды.

Таким образом, особенности использования земельного участка водного фонда, предоставленного в аренду вместе с водным объектом, связаны с

ограничениями указанных выше видов деятельности в пределах водоохранной зоны, определенной в проекте землеустройства об отведении такого земельного участка (технической документации по установлению границ земельного участка в натуре (на местности) на основании разработанных ранее проектов землеустройства об установлении границ водоохранных зон).

Отсутствие установленных границ водоохранной зоны является основанием для отмены ограничений осуществления хозяйственной деятельности на данной территории. Постановлением Верховного Суда Украины от 22 мая 2013 года по делу № 6-25цс13 были оставлены в силе решения судов предыдущих инстанций относительно отказа в удовлетворении исковых требований прокуратуры о расторжении договора аренды земельного участка водного фонда в связи с нарушением порядка осуществления хозяйственной деятельности в пределах водоохранной зоны. В обоснование своей позиции Верховный Суд Украины утверждал, что границы указанной водоохранной зоны не были определены в установленном законом порядке, а значит, к арендатору земельного участка водного фонда не могут применяться ограничения по осуществлению хозяйственной деятельности [8].

В границах водоохранной зоны в соответствии с предписаниями действующего законодательства Украины также устанавливаются прибрежные защитные полосы. Согласно ст. 61 Земельного кодекса Украины прибрежные защитные полосы являются природоохранной территорией с режимом ограниченной хозяйственной деятельности [3]. Водный кодекс Украины под прибрежной защитной полосой понимает часть водоохранной зоны соответствующей ширины вдоль реки, моря, вокруг водоема, на которой установлен более суровый режим хозяйственной деятельности, чем на остальной территории водоохранной зоны [1].

В пределах прибрежных защитных полос вдоль рек, вокруг водоемов и на островах согласно ст. 61 Земельного кодекса Украины [3] и ст. 89 Водного кодекса Украины [1] запрещаются такие виды деятельности:

1) распашка земель (кроме подготовки грунта для защелочения и за-

леснения), а также садовничество и огородничество;

2) хранение и применение пестицидов и удобрений;

3) обустройство летних лагерей для скота;

4) строительство каких-либо сооружений (кроме гидротехнических, навигационного назначения, гидротехнических и линейных), в том числе баз отдыха, дач, гаражей и стоянок автомобилей;

5) обустройство свалок мусора, гноехранилищ, накопителей жидких и твердых отходов производства, кладбищ, скотомогильников, полей фильтрации и тому подобного;

6) мойка и обслуживание транспортных средств и техники.

В ч. 4 ст. 61 Земельного кодекса Украины определяется, что режим хозяйственной деятельности на земельных участках прибрежных защитных полос вдоль рек, вокруг водоемов и на островах устанавливается законом [3]. Однако по состоянию на момент написания статьи указанные отношения на законодательном уровне остаются нерегулированными.

Судебная практика Украины также подтверждает, что отсутствие установленных надлежащим образом прибрежных защитных полос является основанием для устранения ограничений в ведении хозяйственной деятельности на данной территории. Так, Постановлением Высшего хозяйственного суда Украины от 2 августа 2012 года по делу № 12/5166 были отменены решения судов предыдущих инстанций, а дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи с тем, что во время рассмотрения спора о расторжении договора аренды земельного участка водного фонда в связи с нарушением режима ведения хозяйственной деятельности в границах водоохранной зоны судами не было установлено, был ли разработан проект водоохранной зоны реки Днепр в границах города Черкассы, а также были ли установлены границы прибрежной защитной полосы. Вместе с тем юридическая оценка указанных обстоятельств является существенной для разрешения спора по данному делу, поскольку без установления линии прибрежной защитной полосы (вынесения в натуре) невозможно кон-

статировать нарушение установленных требований законодательства [9]. Аналогичная позиция отображена в постановлениях Высшего хозяйственного суда Украины от 23 июля 2013 года по делу № 11/5026/500/2012 [10], от 7 апреля 2014 года по делу № 915/1223/13 [11], от 7 апреля 2014 года по делу № 915/1228/13 [12], от 7 апреля 2014 года по делу № 915/1220/13 [13], от 7 апреля 2014 года по делу № 915/1226/13 [14].

Выводы. Таким образом, земельные участки водного фонда, переданные в пользование на условиях аренды, должны использоваться в соответствии с видом целевого использования в пределах категории земель водного фонда с учетом ограничений, установленных для водоохранных зон и прибрежных защитных полос, а также с учетом цели использования водного объекта, расположенного на таком земельном участке.

Список использованной литературы:

1. Водний кодекс України : Закон України від 6 червня 1995 року № 213/95-ВР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/213/95-%D0%B2%D1%80>.
2. Про аквакультуру : Закон України від 18 вересня 2012 року № 5293-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5293-17>.
3. Земельний кодекс України : Закон України від 25 жовтня 2001 року № 2768-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2768-14>.
4. Про затвердження Порядку ведення Державного земельного кадастру : Постанова Кабінету Міністрів України від 17 жовтня 2012 року № 1051 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1051-2012-%D0%BF>.
5. Про затвердження Класифікації видів цільового призначення земель : Наказ Державного комітету України із земельних ресурсів від 23 липня 2010 року № 548 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1011-10>.
6. Про землеустрій : Закон України від 22 травня 2003 року № 858-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/858-15>.

7. Про затвердження Порядку розроблення проектів землеустрою з організації та встановлення меж територій природно-заповідного фонду, іншого природоохоронного, оздоровчого, рекреаційного та історико-культурного призначення : Постанова Кабінету Міністрів України від 25 серпня 2004 року № 1094 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1094-2004-%D0%BF>.

8. Постанова Верховного Суду України від 22 травня 2013 року у справі № 6-25цц13 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/31841629>.

9. Постанова Вищого господарського суду України від 2 серпня 2012 року у справі № 12/5166 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/25562045>.

10. Постанова Вищого господарського суду України від 23 липня 2013 року у справі № 11/5026/500/2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/32634368>.

11. Постанова Вищого господарського суду України від 7 квітня 2014 року у справі № 915/1223/13 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/38183042>.

12. Постанова Вищого господарського суду України від 7 квітня 2014 року у справі № 915/1228/13 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/38183099>.

13. Постанова Вищого господарського суду України від 7 квітня 2014 року у справі № 915/1220/13 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/38183048>.

14. Постанова Вищого господарського суду України від 7 квітня 2014 року у справі № 915/1226/13 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/38183047>.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРАВОВОГО БЫТИЯ: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ МЕТАФИЗИКИ ПОСТУПКА К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ПРАВОВОЙ УСТАНОВКИ

Мария КУЗЬ,

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

Analyzing the perspective of article, it was expounded that the peculiarities of the legal systems of the person due to the nature and content of legal socialization, which includes the absorption of all the wealth of the legal system, as well as develops criteria for socio-legal evaluation of events, acts of legal significance, knows all social values that are supported and protected by law, provides for the acquisition of skills necessary for confident orientation in the socio-legal field, the formation of attitudes related to the assessment of laws and law in general.

Key words: phenomenology, law, legal existence, metaphysics, legal setting, philosophy of law.

Аннотация

Анализируя проблематику статьи, было выяснено, что особенности формирования правовых установок личности обуславливаются характером и содержанием правовой социализации, которая включает в себя усвоение всего богатства системы права, вырабатывает критерии социально-правовой оценки явлений, поступков, имеющих юридическое значение, познает все социальные ценности, которые поддерживаются и охраняются правом, предусматривает приобретение навыков, необходимых для уверенной ориентации в социально-правовой сфере, становление установок, связанных с оценкой законов и права в целом.

Ключевые слова: феноменология, право, правовое бытие, метафизика, правовые установки, философия права.

Постановка проблемы. Сегодня, несмотря на развитие гражданского общества и вроде бы серьезный уровень правосознания, личность остается социально неактивной, особенно это касается утверждения добродетелей и отстаивания общих интересов. Размышляя над причинами и последствиями этой неактивности, исследования обычно следует начинать с себя как персонифицированного члена нации, профессии, церкви и так далее. Анализируя свои возможности, мы все больше склоняемся к необходимости определения движущей силы поступка. И как бы ни хотелось найти что-то новое, некую универсальную «отмычку», все наше внутреннее существо понимает, что в основе любого поступка лежат любовь (которая побуждает), мудрость (которая управляет) и мужество (которое движет).

В последние десятилетия понятие «поступок» утвердилось в философии, социологии и праве, где оно рассматривается в контексте различных форм человеческого поведения. Однако, несмотря на множество научных публи-

каций, сложно выделить основания для выяснения его содержательно-структурных характеристик и для определения единицы (исходной «клетки») его анализа, отталкиваясь от которой можно решать проблемы формирования поведения человека и воспитания личности. Исходя из этого, мы утверждаем актуальность темы исследования, как и его новизну.

Таким образом, целью статьи является философско-правовое исследование феноменологии правового бытия от социальной метафизики поступка к феноменологии правовой установки.

Изложение основного материала. А.Г. Асмолов пишет: «Выпадение поступка с анализа деятельности вызвано тем, что в центре внимания деятельностного подхода была концептуальная схема отдельной деятельности, в то время как социальная позиция личности как члена различных социальных сообществ оставалась фоном исследования. Там, где есть «одна деятельность», нет выбора, связанного с позицией человека в различных социальных общностях, наделенных от-

личными ценностями, а следовательно, нет и поступка как акта человеческой деятельности, который оценивается личностью и социальной группой» [1, с. 162].

Характерным признаком человеческой деятельности, согласно теории А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и их последователей, является наличие сознательно поставленной цели. Поведение может быть как осознанным, так и неосознанным, реализоваться в аффективных, непреднамеренных, навязанных действиях. Такие действия, имея свою специфику и механизмы их формирования, должны отличаться от механизмов формирования умственных, практических и других видов действий. Например, С.Л. Рубинштейн, анализируя природу действия, отмечал существенные отличия действия от поступка, утверждая, что «единицей поведения является поступок, а единицей деятельности – действие вообще» [2, с. 371]. Однако исследование природы поступка и механизмов его формирования затрудняется отсутствием теоретико-методологических оснований поведения, а следовательно, и поступка, поэтому на протяжении многих лет остается крайне актуальным.

Введение понятия «поступок» в право связано с работами философов М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили.

М.М. Бахтин утверждает: «Человек чувствует себя уверенным только тогда, когда видит себя «центром происхождения поступка», который никто, кроме него, осуществить не может» [3, с. 162]. Подчеркивая активно-субъектную природу поступка, М.М. Бахтин отмечает, что всю жизнь человека следует рассматривать как определенный сложный поступок, как «последний итог, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и решает в едином и уже последнем контексте и смысл, и факт, и общее, и индивидуальное, и реальное, и идеальное, так как все входит в его ответственную мотивацию» [4, с. 32]. Особенно важным моментом в понимании поступка, как отмечают исследователи диалогической этики М.М. Бахтина, является выход за пределы многих научных дисциплин, когда «все разнообразные сферы и проекции человеческого бытия находят свое отражение только в событии поступка, только в событиях

свободного ответственного действия, и эти события являются воплощением настоящей экзистенции человеческого бытия и со-бытия» [5].

Ответственное сознание, единство ответственности опосредует «конкретную единственность мира», внутреннюю связь элементов личности, призвано утвердить в «поступке» собственную «уникальность». «Вступить» и означает «быть»: быть в жизни, быть неравнодушным к единому целому, «войти в бытие именно там, где оно не равно себе самому – войти в событие бытия» [6, с. 128]. Тем временем для М.М. Бахтина содержательно-смысловые определения ценности истины, добра, красоты составляют самодостаточный, замкнутый «в себе» мир бесконечно возможного: «Все, что есть, могло бы и не быть, могло бы быть другим; с точки зрения возможной ценности любой предмет, насколько хорошим он бы ни был, должен быть лучшим, любое воплощение с точки зрения смысла – это ограничение» [6, с. 129]. С внутреннесмысловой точки зрения переход в мир «единственной действительности», то есть в жизненный мир человека, не возможен. Поэтому, по мнению М.М. Бахтина, возникает необходимость инициативы поступка по отношению к смыслу, которая «на моем единственном месте» создает настоящий центр происхождения поступка и утверждает его (поступка) закономерность: «то, что Я могу совершить, никто и никогда, кроме меня, совершить не сможет» [6, с. 129].

Таким образом, инициатива поступка – это извечная повинность, моральный мотив, первичный по отношению к системе ценностей и норм (правовых, этико-эстетических, научных, религиозных, политических, социальных), которые являются «служебными» по отношению к изначальной повинности человеческой жизнедеятельности. Таким образом, речь идет не о повинностях, которые были теоретически «выведены» как следствия из абстрактной нормы, а об онтологической первичности ответственности. Г.Л. Тульчинский с соавторами утверждает: «Абсолютизация этики ведет, как это показал опыт Ф. Ницше или Ф. Достоевского, к нигилизму. Поэтому бесконечная необходимость обоснования «повинности» любыми нормами является

следствием самой природы теоретического обоснования, что превращается в ряд мета-мета-мета...метауровень» [7, с. 29]. Таким образом, согласно идее М.М. Бахтина, ответственность, «причастность мышления», «не-алиби-в-бытии» человека является первичной по отношению к формам жизненной активности, поэтому повинность можно «свести» до уровня любой содержательной активности.

Обратившись к трудам М.К. Мамардашвили, отметим, что наиболее важным моментом поступка он считает подготовку к нему как к акту, который требует личного мужества и открытости, интериоризации своих ценностей: «Сам поступок – это факт, и поэтому почти не имеет значения, насколько хорошо он выполнен. Условием завершения поступка является длительная внутренняя работа с ценностями, такая, которая была проведена ранее и ведется непрерывно. В этом случае поступок превращается в средство саморазвития личности на момент ее самореализации» [8, с. 29].

Н.К. Мамардашвили писал: «Только оставившись на смерть, мы что-то понимаем в жизни». У него есть очень точный термин, имеющий самое непосредственное отношение к подготовке поступка: «Это понятие – точка или момент повышенной интенсивности, в которой человек как бы отрывается от привычного течения событий и отношений к ним. В этот момент только и можно говорить об истинно человеческом бытии, когда сверхактивно работает сознание и активизируется личность» [8, с. 37]. Впрочем, в этом М.К. Мамардашвили продолжает и развивает еще картезианскую традицию взглядов на человека.

Названные содержательные характеристики поступка имеют в своей основе понимание поступка как действия. Однако согласно социологическим исследованиям поступок не может рассматриваться вне личности. Понимая социальное поведение как внешнее проявление деятельности, в которой оказывается личностная позиция, социологи акцентируют внимание на ценностном отношении к социальному объекту, а поступок считают элементом поведения, подчиненным мотивам и целям человека. Поступок как элемент поведения в контексте его

социально-психологического анализа представляет собой предмет этики, которая исследует мотивы поступков, выходящих за рамки общественной системы и находящих свое историческое значение как образцы человеческой нравственности. Подобные поступки регулируются и мотивируются уже более сложными формами морального сознания: идеалами, понятиями добра, справедливости, совести.

Характер поступка также имеет свои особенности: от умения видеть свою ограниченность и переходить границы своих возможностей к умению строить отношения в социуме на основе морально-этических норм и определять свою готовность к поступку. Первую ступень развития готовности к поступку можно наблюдать уже в дошкольный период – в ситуации «Я сам!» Последнее характеризует-ся несовпадением цели действия и ее мотива: попытки ребенка действовать самостоятельно реализуются через его преодоления. Поступок предстает как комплексное, интегральное выражение человеческого бытия. Поэтому поступок – центральная идея персонологии и философии нравственности. Возражение поступка ведет к отрицанию самоопределения личности и нравственности, потому что он (поступок) выступает как детерминированное и в то же время свободное (ответственное) проявление человеческого бытия. Поступок – не только специфическая философия, но и пока недостаточное осознанное, только целостное выражение иррациональности, плодотворная альтернатива рационалистической философии нравственности и этики вины.

В настоящее время правовые границы личности как субъекта поступка и ответственности за него практически совпадают с границами психофизиологической целостности индивидуальной человеческой личности, буквально – с ее кожно-волосным покровом. Причем изменение этих границ зависит от возраста и психического здоровья личности. До сих пор в круг ответственности (правовой) попадают и некоторые общности людей – «юридические лица» типа фирм, трудовых коллективов, общественных организаций и так далее. Определенный круг ответственности в рамках гражданского законодательства возлагается также на семью.

Тем не менее можно говорить как об общен исторической тенденции «установления» границ поступка и ответственности за него, так и о постепенном сужении правовых и моральных границ индивидуальной личности.

В процессе формирования личности человека появляется стремление быть достойным уважения и самоуважения, что в свою очередь приводит к необходимости отвечать нравственному идеалу. Поведение, которое согласуется с эталоном, является первым этапом нравственного становления личности и ее готовности к нравственным поступкам.

Таким образом, анализ поступка как единицы поведения может быть осуществлен как на основе глубокого рассмотрения сущности человеческого поведения как научной категории, так и из-за выделения социально-психологического содержания поступка как акта, в котором человек выражает свое отношение к миру, к другим людям, или как особой личностной активности, но не сводится к отдельным действиям, а проявляется в правовой установке.

Под установкой понимают как сформированную на основе прошлого опыта склонность воспринимать и оценивать какой-либо объект, так и готовность действовать в отношении соответствия с этой оценкой [9, с. 164]. Динамический энергетический характер отличает установку от оценочного отношения, которое само по себе остается созерцательно-эмоциональным. Когда объектом установки служат различные правовые ценности, мы говорим о правовых установках.

В своей совокупности установки организуются в систему ценностных ориентаций. Ценностные ориентации – это устойчивая система установок, ориентированная на социальные ценности и формирование поведения людей по отношению к этим ценностям в условиях их сложного взаимодействия. С.А. Комаров утверждает: «Доминирующие установки направляют личность, определяют ее жизненную позицию и характеризуют содержательную сторону ценностных ориентаций» [10, с. 357].

Правовая ориентация является интегрированной совокупностью правовых установок индивида или общества, непосредственно формирует

внутренний план, программу деятельности в юридически значимых ситуациях. Таким образом, регулятивная функция права осуществляется посредством правовых установок и ориентации, синтезирующих и стабилизирующих все другие источники правовой активности. Правовая установка представляет собой систему потребностей, интересов, взглядов, идеалов и имеет определенную ориентацию и направленность, выступает динамическим элементом правового сознания. Правовая установка выражает готовность индивида к определенной форме реагирования на процесс правового установления, предрасположенность, побуждая действовать по правовому установлению так, а не иначе. Это устоявшаяся, внутренне последовательная система реакций, определенная линия в реакциях индивида по отношению к тому правовому установлению, с которым связана установка.

Правовые установки занимают видное место в структуре правового сознания. Именно на основе правовых установок правовое сознание объединяет в себе все психические процессы, свойства и состояния, которые проявляются в конкретном правовом поведении. Они играют определяющую роль в усвоении и переработке правовой информации.

Становление, формирование и фиксация правовых установок личности происходит под значительным влиянием социально-психологических факторов, явлений, процессов, образующих внешнюю среду такого влияния. Эта среда обуславливает механизмы положительного и отрицательного воздействия на мысли, намерения, чувства, эмоции, поступки индивида, который осваивает, осмысливает, анализирует, обобщает все многообразие правовой информации, адресуя ее каждому субъекту общественных отношений, с которым он постоянно сталкивается в процессе своей жизнедеятельности.

Важнейшим источником правовой активности личности является положительная социально-правовая установка, то есть принципиальная духовная направленность на ценности правовой культуры общества. Проще говоря, положительная социально-правовая установка личности влияет на формирование ее правового сознания. Последняя

отсутствует (еще не сформировалась, деформировалась, разрушилась и тому подобное), если такой установки нет или ее место занимает негативная социально-правовая установка. Социально-правовые установки – это тот элемент системы правового сознания, который придает ей системообразующий характер. Установка на «право» – это сердцевина правового сознания личности или социальной группы.

Социально-правовая установка определенным образом соотносится с таким аспектом правосознания, как уважение к праву. На наш взгляд, уважение к праву является ни чем иным, как положительной социально-правовой установкой. Украинский правовед П.М. Рабинович утверждает: «Главным носителем уважения к закону в обеспечении правомерного поведения предназначен быть оценочно-установочный комплекс правосознания: оценки права и правовые установки» [11, с. 126–127]. Таким образом, социально-правовые установки осуществляют значительное влияние на поведение граждан, которое нельзя анализировать без обращения к таким установкам, однако последние остаются вполне в сфере сознания. Установки говорят о потенциальной направленности личности «на право», «против права» или «в обход права», но не о правовой или противоправной природе осуществляемых ею актов и действий по существу.

Правовое поведение, сформированное должным образом, предусматривает знание и соответствующее отношение к правовым нормам, которые создают мотив поведения, уже выходящий путем постановки цели на конструирование правовой установки, которая является последним связующим звеном между правосознанием и непосредственным правовым поведением.

Правовая установка личности – содержательно-динамический (поведенческий) компонент правосознания личности, который выражает склонность и готовность личности к совершению правового поведения определенного типа (вида). Более того, следует подчеркнуть, что правовая установка является результатом объективации личности, представляющим вид субъектно-объектных взаимоотношений человека с окружающей действительностью.

Выводы. К наиболее общим факторам, влияющим на формирование правовой установки, можно отнести такие: политическое устройство общества, уровень развития общественно-правосознания, систему духовных ценностей общества, существующую правовую систему и другие.

Существенное влияние на отбор правовой информации осуществляют специфические условия, в частности, так называемые первичные мнения, оценки, суждения, которые имеют место в группе, коллективе, где человек не только работает, но и проводит свой досуг.

Состояние правовой установки и психологический облик человека зависит от его идей и взглядов, как они соотносятся с окружающими его социальными факторами. Иными словами, речь идет о мировоззрении человека как полноправного гражданина своего государства. Явления, которые воспринимаются индивидом, так или иначе соотносятся с его мировоззрением, от его объективности зависит поведение субъекта, направление его деятельности, а также взаимосвязь с обществом. Необходимо отметить, что мировоззрение включает в себя правовые представления, идеалы и убеждения. Безразличное отношение к правовым нормам, правовой реальности приводит к тому, что человек склонен совершать различные правонарушения. Это свидетельствует о пробелах, которые являются показателем содержания правовой установки.

Список использованной литературы:

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А.Г. Асмолов. – М. : Академия, 2007. – 526 с.
2. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии / С.Л. Рубинштейн. – М. : Наука, 1997. – 463 с.
3. Бахтин М.М. Архитектоника поступка / М.М. Бахтин // Социологические исследования. – 1986. – № 2. – С. 157–170.
4. Бахтин М.М. Работы 1920-х годов / М.М. Бахтин. – К. : Next, 1994. – 384 с.

5. Дьяконов Г.В. Этика поступка в концепции «Другого» М.М. Бахтина / Г.В. Дьяконов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hpsy.ru/public/x3071.htm>.

6. Бахтин М.М. К философии поступка. Автор и герой эстетической деятельности (фрагмент) / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: ежегодник (1984–1985). – М., 1986. – С. 82–138.

7. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. – СПб. : Алетей, 2000. – 415 с.

8. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления / М.К. Мамардашвили. – М. : Высшая школа, 1993. – 352 с.

9. Клименко С.В. Основы государства и права / С.В. Клименко, А.Л. Чичерин. – М. : Зерцало, 1996. – 211 с.

10. Комаров С.А. Общая теория государства и права : [учебник] / С.А. Комаров. – М. : Юрайт, 1998. – 408 с.

11. Рабинович П.М. Соціалістичне право як цінність / П.М. Рабинович. – Львів : Вища школа, 1985. – 168 с.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF MUTUAL BENEFIT IN THE PROCESS OF UKRAINE'S INTEGRATION INTO THE EUROPEAN UNION

Olga MIKICHUROVA,

aspirant of the department of international law
Institute of International Relations of Kyiv National Taras Shevchenko University

Summary

The article discusses the application of the principle of mutual benefit in the European Union and the possibility of its implementation in to the relations between the European Union and Ukraine, and explores the place of the principle of mutual benefit in the European legal tradition. Also notes the declaration and application of the principle of mutual benefit in the legislation of Ukraine and its foreign policy, analyzes the benefits and possible difficulties in Ukraine and the European Union itself in the way of further integration of our country into the European Union.

Key words: principle of mutual benefit, law of European Union, law of Ukraine, European Union, Euro integration.

Аннотация

В статье рассматривается применение принципа взаимной выгоды в Европейском Союзе и возможности его реализации в отношениях Европейского Союза и Украины, исследуется место принципа взаимной выгоды в европейской правовой традиции. Также отмечается декларирование и применение принципа взаимной выгоды в законодательстве Украины и в ее внешней политике, анализируются выгоды и возможные трудности Украины и самого Европейского Союза на пути дальнейшей интеграции нашего государства в Европейский Союз.

Ключевые слова: принцип взаимной выгоды, право Европейского Союза, право Украины, Европейский Союз, евроинтеграция.

Accession. Motives of the benefit or the advantage belong to “eternal” natural causes of human activity, embodying into two opposite types of behavior. The first one aimed directly at gaining personal benefit without considering the interests of others is inevitably implemented through loss or reduction of benefits of other people. The second one consists in reaping the benefit through exchange or cooperation, which is based on the criterion of mutual benefit. The first motive is quintessentially antisocial, although it dominates throughout the entire era of “exploitation of man by man” and reflects the immaturity of social relations, which T. Hobbes has defined as a “war of all against all”. Establishment and maintenance of long-term and stable social relations of any level, by which the states are just beginning to be guided at the present stage, are based on the second motif – mutual benefit. According to this study the practice of its compliance by states is an actual problem today.

Methods and Materials. In writing the article was used as part of special scientific methods – Induction and deduction, within the framework of general logical method – analysis, synthesis and generalization. The study examined the work of D. Curry

and P. Juillard, A.O. Chetverikova, L. Hoffman, B. Khaladji, international acts and Ukrainian legislation.

The purpose of the article is to define the place and role of the principle of mutual benefit in the EU law and the law of Ukraine and investigate the possibility of Ukraine's integration into the EU on the basis of mutual benefit.

Main results of research. The principle of mutual benefit is known to European law from the earliest times, as a general principle of the law. As practice of the activity of Chancery Courts in England shows, they adopted court decisions, applying the following general principles of law: “no violated right should remain without protection”, “any damage caused requires compensation”, “right to file an action based on failure to get an expected benefit by one of the parties to concluded contract”. The leading role of common law, including therein formulated general principles of law, in creating the legal basis of modern international economic order is mentioned by K. Zweigert and H. Kötz, D. Carreau and P. Juillard, J.H. Berman and others.

At the beginning of the 20th century, the initiator of fixing the principle of mutual benefit in international law was the Soviet Union, which interpreted

it in a broad sense as a departure from legal equality for the benefit of actual equality [1, p. 57]. After adoption of the UN Charter and beginning a work of this international organization, the principle of mutual benefit has firmly entrenched in international legal use and has gradually turned into one of the foundations of international economic cooperation among states, which was partly implemented in the GATT 47, and later, fully – in the World Trade Organization (WTO). In practice of international cooperation, it has been interpreted in a narrow sense as reaping the direct benefits from cooperation, and in a broad sense – as granting the preferences to less developed country.

Today the principle of mutual benefit in international economic relations is indisputably the main and most general principle of the law, on which a whole international economic cooperation is built. As noted by D. Carreau and P. Juillard, the modern international economic order is based on three basic principles: “freedom of trade and payments”, “equality” and “mutuality of benefits” [2, p. 350].

All the principles of the EU law can be conditionally divided into two groups: those that act directly at the supranational level of law, i. e. at the level of the EU law, and those that act

in respect of national legal systems [3, p. 4]. Clarifying and extending such division of principles, let's divide the first group into following subgroups:

- 1) general principles of law derived from the nature of EU law;
- 2) principles of international law;
- 3) principles of protection of basic human rights.

The first subgroup includes principles of equality, solidarity, justice and non-discrimination.

Among the main EU values mentioned in art. 2 of the Treaty on the European Union (TEU), there are listed: equality, freedom, democracy, pluralism, non-discrimination, justice and solidarity. Article 3 emphasizes the fundamental tasks of the EU, which are the promotion to peace, security, sustainable development of the planet, solidarity and mutual respect of nations, free and fair trade, eradication of poverty and protection of human rights, including the protection of child rights, and mandatory observance and development of international law, particularly, observance of principles of the UN Charter. Article 4 again emphasizes the equality of EU member states and their mutual respect to each other [4].

We find evidence that above mentioned principles are the basis of EU law also in other treaties on establishing the EU: the Charter of Fundamental Rights of the European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union, signed as part of the Lisbon Treaty.

Chapter 3 of the Charter of Fundamental Rights of the EU is dedicated to equality and non-discrimination. It states that discrimination on any grounds is unacceptable in the EU, including nationality-based discrimination. Chapter 4 of this Charter emphasizes the principles of solidarity and justice as the basis of the EU functioning [5].

Treaty on the Functioning of the EU in its preamble makes reference to the principles of the UN Charter and recognizes their observance as its purpose. In the first and second parts of the Treaty, the principles of equality, solidarity and non-discrimination are recognized basic for functioning of the EU [6].

In turn, both Soviet and Western scientists emphasized the unity of equality and mutual benefit. In particular, they believed that a general precondition for mutual cooperation is the equality of parties [7, p. 78]. Equality is considered as a precondition for achieving the mutual benefit, and mutual benefit – as a specific expression of the equality [8, p. 105].

The principle of solidarity is also directly associated with the principle of mutual benefit, as is its embodiment in a broad sense. Relations between states should be not only equal, but mutually beneficial, i. e. should be actually consistent with the concept of equality [8, p. 106]. This means that the provision of preferential treatment to developing countries, as a manifestation of solidarity, is also a reflection of the principle of mutual benefit. Examples of international legal agreements, where it is considered in a broad interpretation, are “Declaration on the Establishment of a New International Economic Order” of 1974, “Program of Action on the Establishment of a New International Economic Order” of 1974, the Charter of Economic Rights and Duties of States of 1974 and others.

The principle of non-discrimination is also meaningfully associated with the principle of mutual benefit. In this case the principle of non-discrimination directs states to the optimal result of collaboration – the achievement of real mutual benefits for all participants [9, p. 50].

So, although the principle of mutual benefit is not expressly mentioned in basic Treaties on the EU, it is closely associated with the above-mentioned principles of equality, solidarity and non-discrimination, and therefore, can be considered to be one of the foundations of the EU.

The second subgroup includes ten basic principles of international law defined in the UN Charter, the Declaration of Principles and the Helsinki Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe, which have the highest legal force “jus cogens”. Among them there are those principles that are directly related to the construction of international economic relations and associated with the principles of international economic

law, including with the principle of mutual benefit, namely the principle of sovereign equality of states; the principle of cooperation; the principle of good-faith fulfillment of international obligations; the principle of prohibition of the threat or use of force.

The third subgroup includes legal provisions of human rights protection as defined in the European Convention on Human Rights and the Treaty on European Union.

Ukraine's path to the EU is long and thorny. Ukraine has started it being in the USSR. In the Declaration “On the State Sovereignty of Ukraine” of 1990, it was stated that the Ukrainian SSR is directly involved in the pan-European process and European structures [10].

Since the declaration of independence in 1991, Ukraine in the Resolution of the Verkhovna Rada “On the Key Directions of the Foreign Policy of Ukraine” of 1993 has declared expansion of participation in the European regional cooperation as one of the lines of regional integration [11]. This Resolution, which remained in force in Ukraine till 2010, has defined the principle of mutual benefit as the basis for cooperation of our country with other subjects of international law: “Ukraine builds its bilateral and multilateral relations with other states and international organizations based on the principles of voluntariness, mutual respect, equality, mutual benefit, non-interference in internal affairs” [11].

Currently effective Law of Ukraine “On the Principles of Domestic and Foreign Policy” of 2010 also defines the principle of mutual benefit as the basis of international cooperation. This once again argues for the fact that Ukraine, as a young independent state, is focused on complying with the general principle of law, which is common for all civilized nations, and on supporting the effective cooperation with other subjects of international law.

In p. 3 art. 2 of the Law of Ukraine “On the Principles of Domestic and Foreign Policy”, mutually beneficial cooperation between states is defined as one of the principles of the foreign policy of Ukraine [12]. This document states that support of the development of trade-economic, scientific-technical and investment cooperation between

Ukraine and foreign countries on the basis of mutual benefit is a priority in international activities of our country [12]. Among principles of the foreign policy of Ukraine, the ensuring of its integration into European political, economic and legal space in order to obtain membership in the European Union [12] is recognized as primary, indicating the great importance of European integration for Ukraine and intention of our state to cooperate with European countries based on the principle of mutual benefit.

In 2008, after long preparation, Ukraine has become a member of the World Trade Organization, having agreed with the rules defining the principles of its activity. The principle of mutual benefit is the basis for cooperation between states within WTO [13]. The Charter of this organization states that the parties to this Treaty wish to promote its tasks by entering into bilateral and mutually beneficial arrangements directed to the substantial reduction of tariffs and other trade barriers and to the removal of discriminatory treatment in international trade relations [14]. WTO legal system provides a balance between the rights and benefits, resulting from membership, and the obligations, which this membership imposes. Undoubtedly, this step of Ukraine once again proved its desire of mutually beneficial economic cooperation.

It is worth noting that Ukraine's policy concerning directions of regional integration has not always been consistent. Being between two various cultural, political, economic "centers", i. e. between the European Union (EU) and the Commonwealth of Independent States (CIS), Ukraine from time to time decided between one direction or another, which adversely affected the international image of our country.

This controversial policy had economic reasons. The structure of foreign trade turnover of Ukraine shows that CIS countries are our main economic partners, so about 40% of turnover are accounted for them. Thus, in 2013, this figure for the CIS was at the level of 37,3%, while for the EU – 29,2% [15, p. 188]. However, it is important that the EU's share in Ukraine's trade turnover tends to increase, which means a gradual reorientation of Ukrainian economy

to the cooperation with the EU as a major partner. It should be emphasized that cooperation between Ukraine and the EU is enough intensive now, because Ukraine has signed more than 200 agreements only with the EU as a separate entity [16]. One of the latest is "Loan Agreement between Ukraine as a Borrower, the National Bank of Ukraine as an Agent of the Borrower and the European Union as a Creditor" signed on May 13, 2014, on providing Ukraine with EU loan in the amount of 1 billion Euros, which is evidence of the fact that European Union understands the principle of mutual benefit in a broad sense and complies with it in relations with Ukraine [16]. In the same 2014 was signed a political and economic part of the Association Agreement between Ukraine and the EU.

European integration in the modern understanding is a phenomenon of the 20th century. During this period, researchers J. Monnet, P.-A. Spaak, K. Adenauer and others noted that "Europeanism" for the Europeans is the most constructive idea of the century, and logic requires of them to join efforts, experience, energy and skills in common interests [17, p. 10]. According to L. Hoffman, the rapid development of integration processes in the European region is explained by regional enlargement of the EU to the Eastern Europe [18, p. 27–28].

Formation and development of the European Union is a complex, multistage process, in which the member states have to solve thorny economic, social, political and legal issues, search and find adequate responses to challenges of the time.

After the last wave of enlargement the EU includes 27 Member States, but now the enlargement process is not stopped, because there are intentions to provide the EU membership to the Western Balkan countries in the near future. However, some of the EU Member States are very reserved towards the future enlargement, until the organization can solve a number of internal problems.

Escalation of internal European conflicts has become especially notable after the accession of countries of Central and Eastern Europe (CEE) to the European Union. Only from May,

2004 till January, 2007, the number of the EU Member States has increased from 15 to 27, and their cumulative population is almost half a billion men. In connection with this, the current European Union has a fair amount of problems that increases in proportion to its size. First of all, this concerns the adaptation period of new Member States, the substantial internal improvement for foundations of the EU activity, the increase in economic efficiency under conditions of the global economic crisis and others [19, p. 21].

One of the problems caused by the deepening of European integration processes is the limitation of the sovereignty of the EU Member States.

So the problem of reforming the European Union continues to be relevant. The last stage of this process today is the signing and ratification of the Lisbon Treaty, which has taken effect dated 1 December 2009, by Member States. This Treaty is designed to help in settling of crisis that has begun in 2005, after France and the Netherlands have voted against the European Constitution in their national referendums. The Treaty of Lisbon has amended the EU law that directly influences on the accession of Ukraine [15, p. 189].

In accordance with the EU law, let's determine how beneficial for Ukraine and the EU could be a membership of our country in the European Union.

Firstly, the EU introduces posts of *the President and the High Representative for Common Foreign and Security Policy* with administrative powers, for the purpose of unitary representation and unanimity of the EU opinions in the international arena. At the same time, each Member State can block any foreign policy moves of the European Union according to the procedure of decision-making in foreign policy.

Such an indicator is beneficial for our country, provided that Ukraine takes hypothetical participation in the EU: this year, for example, Poland has used the veto right, having blocked the negotiation process between the EU and Russia, due to the export bans of Polish meat to the Russian Federation.

But this factor can become a barrier in the course of making a decision on Ukraine's membership in the EU, because the European Union can get

an additional problem in foreign policy with our country, taking into account the number of problems in Ukrainian-Romanian and Ukrainian-Russian relations, especially, in the energy sector. And the power industry for the EU is an important issue.

Secondly, *voting by a qualified majority* (it necessary to have 55% of Member States representing at least 65% of the EU population for decision-making) begins in 2014, taking into account the “Ioannina compromise”, which allows any group of the EU Member States (at least four) to require a new discussion of official document texts up to 2017.

Ukraine’s accession to the European Union would significantly affect the decision making process with Ukrainian almost 9% of the total population of the European Union.

Most of the new EU Member States are from the former socialist camp and have similar problems with the accession to the EU, but the number of citizens in these countries is mostly small. Ten former socialist countries with a population of 102,52 million people (21,2% of the EU population) represent 37% of all the EU Member States.

It is clear that, after 2014, the old Member States of the EU, especially, France, Germany, Italy, Spain, Great Britain will make all the decisions almost in their sole discretion, despite the approaches to these decisions from other new Member States. It is not surprising that Poland demanded to postpone the implementation deadline of voting system by a qualifying majority at the EU summit in June, 2007. She succeeded to use a veto and defer the beginning of its validity almost to 2017.

Factor of large number of the Ukraine’s population should be favorable for our country, if it accedes to the EU, and unfavorable for the old Member States, because the probability of blocking decisions by new Member States increases.

Thirdly, the role of *national parliaments* grows. Legislative proposals of the EU (“green books”, “white papers”, communications and legislative programs) will be sent to national parliaments for their detailed study, and

only then they will be submitted for adoption in the EU.

Ukraine, in the parliament of which there is no political majority with a clear ideology, is an additional factor for slowing down of the EU legislative process already extended by the new treaty.

Fourthly, *the number of Members of the European Parliament (MEPs)* should drop from 785 to 750, since 2009, i. e. after the elections to the European Parliament. The number of MEPs is determined by the ratio of the population in Member States.

Ukraine ranks № 5 by population after Germany (82,54 million people), France (59,9 million people), Great Britain (59,33 million people) and Italy (57,48 million people). Our state could get about 65 seats in the European Parliament, while today, Poland has 51 seats, and European leaders have respectively: Germany – 96 seats, France – 74 seats and the Great Britain and Italy – 73 each.

Of course, Ukraine would not have the possibility to determine decisions of the Parliament, but it would affect their decisions significantly. This indicator is rather an additional factor for reflections in the EU, whether Ukraine should join the EU or it should not join, especially taking into account the state of Ukrainian society’s democratization, the internal political crisis and recent events.

Fifthly, *the European Group* obtains the status of an official body of the EU, which will be conferred with powers to coordinate economic policies of Member States of the Euro area. On the one hand, Ukraine is still far from solving this issue, and on the other hand, in the new Ukraine – EU Agreement, our country wants to spell out the economic integration, which should be implemented in the free trade zone.

However, here are other problems. In particular, in the area of economic relations with the nearest neighbors. Members of European Parliament have repeatedly drawn attention of Ukrainian authorities to the fact that some provisions of the Single Economic Space (SES) Agreement may, if implemented, to hinder the intention of creating a free trade zone between Ukraine and the EU. And in this situation, Ukraine should

decide between two alternatives: the EU or the SES, because, in 2013, the EU share in total exports of Ukraine was 29,2%, and the SES share – 38,8%, as well as the EU share in total imports of Ukraine was 35,2%, and the SES share – 33,9%.

Sixthly, three additional posts of Advocates-General will be created in *the European Court*. One of them, at the request of Poland, will be hold by the Polish representative. This has created a precedent that can automatically move to Ukraine, provided that it is a member of the EU.

Seventhly, *the Charter of Fundamental Rights*, which enters into force in all the EU Member States, except the Great Britain and Poland, determines the bindingness to uphold human rights. Ukraine has here a number of serious shortcomings concerning equality before the law, intellectual property protection, and fight against corruption.

Eighthly, concerning *the immigration control*, the draft agreement states that the EU is developing a policy aimed at “ensuring the control of persons and effective surveillance over crossing of external borders”. Considering the above-mentioned, now it is of more benefit to the European Union to have Ukraine-neighbor, than Ukraine-member, because Ukraine as a neighbor can become a great filter for migration flows from the East that threaten the internal situation in the EU Member States.

Thus, big countries, the old EU members, insure themselves against negative consequences of further enlargement of the European Community by the institutional reform aimed at maintenance of the EU activity in the enlarged form, and by the new procedure of decision-making. At the same time, requirements and meticulous attitude to the new EU candidates will grow, as exemplified by the protracted negotiation process with Turkey.

Under these circumstances, Ukraine by following an irreversible way in deepening of European integration, shall direct its efforts to the preparation of homework on the implementation of domestic reforms, which, if they don’t result in the immediate membership in the EU, would significantly improve the activity of our country and will

bring it to the European standards [20, p. 110].

Another internal European contradictions are *the EU Member States' different views of rates and borders of organization enlargement*, which are based on their different interests. Proponents of future enlargement of the European Union are new Member States (Poland), among opponents there are old Member States (Austria, France). In this case, each country, when considering the international policy issues (enlargement), should have own interests at heart, rather than interests of the entire Union [21, p. 123]. Thus, the EU enlargement increases pragmatic tendencies within its borders due to the need to settle and accommodate more interests. Increase in the tendency to pragmatism leads to a potential reduction of consensus opportunities within the organization.

Based on the above, we can **conclude as follows**: the European Union declares that the observance of general principles of the law, including the principle of mutual benefit and principles of international law, with which the EU is closely associated in its internal and external relations. Integration of Ukraine into the EU is a long way, however, our state, passing it, is guided by the principle of mutual benefit, which is enshrined in national legislation, thus emphasizing its great importance as a basis of international cooperation. Today, the integration of Ukraine into the EU has been slow because of internal contradictions of European and domestic problems of our country, but this integration is based on the principle of mutual benefit.

References:

1. Mikichurova O.V. League of Nations and the principle of mutual benefit / O.V. Mikichurova // Current Problems of International Relations. – K., 2013. – № 112. – P. 56–64.
2. Carreau D. International Economic Law / D. Carreau, P. Juillard. – M. : International Relations, 2001. – 608 p.
3. Adaptation of Ukrainian legislation to European standards (principles of the EU law) / ed. S.G. Bilorusov. – H., 2009. – P. 4.
4. Treaty on the European Union, 1992 [Electronic resource]. – Access mode : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_029.
5. The Charter of Fundamental Rights of the European Union [Electronic resource]. – Access mode : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_524.
6. Chetverikov A.O. Treaty on the Functioning of the EU / A.O. Chetverikov [Electronic resource]. – Access mode : <http://eulaw.ru/treaties/tfeu>.
7. Voitovich S.A. Principles of International Legal Regulation of Interstate Economic Relations, learning guide / S.A. Voitovich. – K., 1988. – 127 p.
8. Minassian N.M. Equality of States as a principle of international law / N.M. Minassian // Yearbook of the International Law (1966–1967). – M., 1968. – P. 105.
9. Kucher B.I. International Economic law and order / B.I. Kucher. – K., 1988. – 226 p.
10. Declaration of State Sovereignty of Ukraine [Electronic resource]. – Access mode : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/55-12>.
11. Resolution of the Parliament of the main directions of the foreign policy of Ukraine [Electronic resource]. – Access mode : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3360-12>.
12. Law of Ukraine On the Foundations of Domestic and Foreign Policy [Electronic resource]. – Access mode : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2411-17>.
13. Mikichurova O.V. The principle of mutual benefit in the GATT (WTO) / O.V. Mikichurova // Center publications. – K., 2013. – P. 116–120.
14. Agreement Establishing the World Trade Organization, 1994. [Electronic resource]. – Access mode : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_342.
15. Zadorownij O.V. Ukrainian revolution esteem, aggression RF and international law / O.V. Zadorownij. – K. : K.I.S., 2014. – 1016 p.
16. International EU documents [Electronic resource]. – Access mode : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/main/c720>.
17. EU enlargement to the East: Prerequisites, Problems, Consequences / Institute of World Economy and Intern. relationship. – M. : Nauka, 2003. – 344 p.
18. Hoffman L. Ukraine toward Europe / L. Hoffman, F. Möllers. – K. : Publishing House “Phoenix”, 2001. – 343 p.
19. Khaladzi V. European swallow / V. Khaladzi // Foreign Affairs. – 2008. – March. – P. 21–22.
20. The new EU treaty: factors promoting and inhibition European integration of Ukraine // UCIPR. – 2007. – 29 October. – № 35/507. – P. 110.
21. The policy of European integration: a manual / ed. V.H. Voronkova. – K. : WA “Professional”, 2007. – 512 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЗАЩИТУ ВО ВРЕМЯ УТВЕРЖДЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ СУДОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Наталья НЕЛЕДВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Международного гуманитарного университета

Summary

Article contains a complex of the questions of theoretical and practical character devoted to problems of rendering high-quality legal aid at the approval by court of the agreement on recognition of fault between the prosecutor and the suspect (accused) and agreements on reconciliation between the victim and the suspect (accused). In research the special attention is paid to obligatory participation of the defender during the approval by court of agreements on reconciliation and recognition of fault. It is offered to allocate the reasons of a repeated appeal to the court with the agreement within one criminal proceedings that would help to achieve the objectives of recovery justice.

Key words: agreement on reconciliation, plea agreement, right to protection, procedural safeguards.

Аннотация

Статья содержит комплекс вопросов теоретического и практического характера, посвященных проблемам оказания качественной правовой помощи при утверждении судом соглашения о признании вины между прокурором и подозреваемым (обвиняемым) и соглашения о примирении между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым). В исследовании особое внимание уделяется обязательному участию защитника во время утверждения судом соглашений о примирении и признании вины. Предлагается выделить причины повторного обращения в суд с соглашением в рамках одного уголовного производства, что помогло бы достичь целей восстановительного правосудия.

Ключевые слова: соглашение о примирении, соглашение о признании вины, право на защиту, процессуальные гарантии.

Постановка проблемы. Процедура утверждения судом соглашений в уголовном производстве имеет некоторое несовершенство: на сегодня она не содержит достаточного количества процессуальных гарантий для участников процесса, что влечет ущемление прав обеих сторон, а также недостаточно реализуются судом функции по совершению правосудия на основании заключенных соглашений. Проблема обеспечения прав и законных интересов участников соглашений особенно остро ощущается при несовершенной процедуре утверждения соглашений судом. Обязательное участие защитника при процедуре утверждения соглашения гарантировало бы реализацию прав и свобод граждан.

Актуальность темы исследования. К проявлениям демократизации системы государственной власти относятся признание, надлежащее обеспечение и эффективная защита прав и свобод человека. Гарантией эффективной защиты прав человека является возможность обращаться к альтернативным способам разрешения споров в сфере уголовного процесса. Соглашение о примирении между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим, а также соглашение о признании вины – это относительно новые явления в уголовном процессе

Украины, которые не только привлекают интерес научных деятелей, но и постепенно становятся реальностью украинской судебной практики. Альтернативные способы разрешения конфликтов рассматриваются как важная часть зрелого гражданского общества, способствующая быстрому разрешению конфликта и восстановлению прав сторон конфликта.

Система правосудия Украины должна способствовать тому, чтобы большинство споров разрешалось сторонами добровольно до судебного рассмотрения. Только тогда будут достигнуты цели альтернативных способов разрешения конфликтов. Роль суда в уголовном процессе заключается не только в рассмотрении и разрешении возникших между участниками уголовных правоотношений конфликтов, но и в содействии сторонам в самостоятельном урегулировании споров. Такое содействие возможно только при оказании качественной правовой помощи, в том числе при утверждении судом соглашения о примирении.

Состояние исследования. В научной (а именно уголовно-процессуальной) литературе проблемы, связанные с утверждением соглашения о примирении и соглашения о признании вины, изучались известными украинскими учеными, такими как Ю. Баулин,

И. Войтюк, Ю. Грошевой, В. Землянская, В. Маляренко, Е. Повзык, Г. Серета, М. Хавронюк, Д. Филин и многие другие. Однако в научных работах этих авторов не затрагивался вопрос обязательного участия защитника при утверждении соглашения о примирении и соглашения о признании вины, что предоставляет нам возможность впервые изложить эту проблему.

Цель статьи – разработка научных рекомендаций, направленных на усовершенствование уголовного процессуального законодательства Украины в части регламентации порядка утверждения соглашений о примирении и о признании вины.

Изложение основного материала. Стремление Украины к европейским стандартам в сфере обеспечения обвиняемому права на защиту выражается в требованиях, которые закреплены в ст. ст. 3, 55, 59, 63, 129 Конституции Украины, соответствующих положениям ст. ст. 5, 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. В Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплено: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: защищать себя лично или через непосредственно выбранного им самим защитника либо, при недостатке у него средств для

оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия» (п. «С» ст. 6) [10].

«Право на защиту», по мнению Т. Барабаша, законодательно предусматривает возможность лица использовать с целью защиты прав разрешенные законом принудительные действия либо обращаться в компетентные органы или международные организации с требованием заставить обязанную сторону к должному правомерному поведению. Ученый считает, что право на защиту не является защитой. Защита означает реализацию права в конкретных жизненных ситуациях, в конкретных отношениях [1, с. 215].

В этом контексте право на защиту необходимо понимать как возможность использовать защиту либо защитника для охраны нарушаемого или для восстановления нарушенного права [2, с. 227].

Таким образом, правом на защиту является система легитимных средств и способов, использование которых дает возможность опровергнуть факт совершения уголовного правонарушения, виновность лица в его совершении (полностью или частично), защитить его права и законные интересы. Важной гарантией обеспечения права на защиту является участие защитника в уголовном производстве.

Пункт 13 ст. 7 «Обеспечение права на защиту» Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) Украины определяет, что подозреваемый, обвиняемый, оправданный, осужденный имеет право на защиту, которое заключается в предоставлении ему возможности предоставить устные или письменные объяснения по поводу подозрения или обвинения, право собирать и подавать доказательства, принимать непосредственное участие в уголовном производстве, пользоваться правовой помощью защитника, а также реализовывать другие процессуальные права, предусмотренные УПК Украины [3].

Реализация конституционного права на защиту во время заключения соглашений и во время их утверждения судом – это гарантия достижения целей примирительного правосудия, в частности, разрешение конфликта, сокращение сроков досудебного

расследования, восстановление прав участников соглашений. Разделом VI «Особые порядки уголовного производства» предусмотрен институт соглашений в уголовном процессе, который появился со вступлением в силу нового УПК Украины. Значительные преобразования в сфере уголовного процесса безусловно носят гуманистический характер, способствуют укреплению законности, усилению и восстановлению прав и свобод граждан. За последние годы возрос интерес к процедуре заключения соглашений в уголовном процессе. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Украины воплощает в жизнь ряд положений международно-правовых актов по вопросам медиации и восстановительного правосудия, а именно:

– Резолюцию № 1999/26 «Разработка и внедрение мер по медиации и восстановительного правосудия в уголовном производстве» Комиссии по предупреждению преступлений и уголовного производства от 28 июля 1999 года;

– Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года);

– Резолюцию Экономического и Социального Совета ООН № 2000/14 «Основные принципы применения программ восстановительного правосудия по уголовным делам» от 27 июля 2000 года;

– Рамочное решение Совета Европейского Союза «О положении жертв преступления в уголовном судопроизводстве» от 15 марта 2001 года;

– Рекомендацию № R(87)18 «Относительно упрощения уголовного судопроизводства» (принята Комитетом министров Совета Европы от 17 сентября 1987 года);

– Рекомендацию № R(99)19 «Посредничество в уголовных делах» (принята Комитетом министров Совета Европы от 15 сентября 1999 года).

Однако уголовно-процессуальное законодательство Украины все еще нуждается в совершенствовании.

Статья 474 УПК Украины определяет общий порядок судебного производства на основании соглашения: соглашения, заключенные на стадии

досудебного производства, рассматриваются судом во время подготовительного судебного заседания при обязательном участии сторон сделки. К сожалению, на сегодняшний день эта процедура не содержит достаточного количества процессуальных гарантий для участников процесса, что влечет ущемление прав обеих сторон, а также свидетельствует о недостаточной реализации судом своих функций по совершению правосудия на основании заключенных соглашений.

Особенно важна проблема обеспечения прав и законных интересов субъектов уголовного процесса на всех его стадиях. В этом контексте важнейшую часть процессуальных гарантий образуют установленные процессуальным законом средства и способы обеспечения прав и законных интересов личности, участвующей в уголовном процессе.

Раскрывая содержание уголовно-процессуальных гарантий как средств обеспечения прав личности, ученые высказывали различные суждения. По мнению Э. Куцовой, гарантии личности в уголовном процессе представляют собой конкретные права и обязанности участников процесса [4, с. 127]. По мнению других исследователей, к ним относятся также правовые нормы [5, с. 21–22], принципы уголовного процесса [6, с. 203], процессуальная форма [7, с. 3], а также содержание уголовного процесса [8, с. 65]. На наш взгляд, все вышеперечисленное следует рассматривать в качестве гарантий, поскольку и правовые нормы, и принципы, и процессуальная форма, и все содержание уголовного процесса так или иначе служит либо способствует обеспечению прав личности.

Пункт 19 ст. 3 УПК Украины определяет стороны уголовного производства: со стороны обвинения такими являются следователь, руководитель органа досудебного расследования, прокурор, а также потерпевший, его представитель и законный представитель; со стороны защиты – подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого предполагается применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера либо решался вопрос об их применении, их защитники и закон-

ные представители [2]. Конституционное право на получение правовой помощи (ст. 59 Конституции Украины) для подозреваемого, обвиняемого реализуется через предоставление возможности иметь защитника. Выступая в качестве защитника или представителя, адвокат располагает значительной совокупностью процессуальных прав (ст. ст. 42, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 58 УПК Украины). Это позволяет ему активно влиять на ход уголовного производства путем использования всех указанных в законе средств и способов защиты в целях оказания качественной правовой помощи подзащитному.

В соответствии с ч. 1 ст. 49 УПК Украины следователь, прокурор, следственный судья или суд обязаны обеспечить участие защитника в уголовном производстве в таких случаях: 1) в соответствии с требованиями ст. 52 УПК Украины участие защитника является обязательным, а подозреваемый, обвиняемый не привлеч защитника; 2) подозреваемый, обвиняемый заявил ходатайство о привлечении защитника, но из-за отсутствия средств или по другим объективным причинам не может привлечь его самостоятельно; 3) следователь, прокурор, следственный судья или суд решит, что обстоятельства уголовного производства требуют участия защитника, а подозреваемый, обвиняемый не привлеч его. В ст. 52 УПК Украины с целью реализации таких принципов, как обеспечение права на защиту и доступ к правосудию, установлены случаи, когда участие защитника является обязательным в уголовном производстве: в отношении особо тяжких преступлений; в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовного преступления, в возрасте до 18 лет; в отношении лиц, в отношении которых предполагается применение принудительных мер воспитательного характера; в отношении лиц, которые в силу психических или физических недостатков (немые, глухие, слепые и тому подобное) не способны в полной мере реализовать свои права; в отношении лиц, не владеющих языком, на котором ведется уголовное производство; в отношении лиц, для которых предполагается применение принудительных мер медицинского характера

или решается вопрос об их применении; по реабилитации умершего [3].

К сожалению, ст. 52 УПК Украины не содержит норму обязательного участия защитника при утверждении соглашения судом, хотя практика Европейского суда по правам человека требует обязательного участия защитника на этой стадии, чтобы суд или судья могли убедиться в недвусмысленности заявленного ходатайства, его действительности и добровольности, соответствии фактическим обстоятельствам дела. Тем более, что законодательство некоторых стран постсоветского пространства, стран англосаксонской и континентальной правовой семьи (например, США, Великобритании) предусматривает обязательное участие защитника в судебном разбирательстве, когда обвиняемый воспользовался правом заявления ходатайства о признании виновности на основании соглашения.

Также ст. 51 УПК Российской Федерации содержит перечень случаев обязательного участия защитника: 1) подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК Российской Федерации; 2) подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним; 3) подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту; судебное разбирательство проводится в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК Российской Федерации [9]; 4) подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу; 5) лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненного лишения свободы или смертной казни; 6) уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей; 7) обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40 УПК Российской Федерации; 8) подозреваемый заявил ходатайство о проведении по уголовному делу дознания в сокращенной форме в порядке, установленном главой 32.1 УПК Российской Федерации [9].

В этом перечне в контексте предмета исследования следует обратить внимание на седьмое условие, которое обуславливает обязательное участие защитника при особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением с момента заявления хотя бы одним из обвиняемых ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей или ходатайства о рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» УПК Российской Федерации, или с момента заявления подозреваемым ходатайства о производстве по уголовному делу в порядке, установленном главой 32.1 УПК Российской Федерации [3]. Участие защитника при утверждении соглашения в суде – это гарантия реализации прав обвиняемого в суде. Когда применяется особый порядок судебного решения в связи с ходатайством подозреваемого (обвиняемого) и его согласием с сообщенным подозрением, обязательное участие защитника обуславливается прежде всего тем, что при утверждении соглашения возникает много правовых моментов, на которые обвиняемый не может своевременно и качественно отреагировать, как это сделал бы защитник. А ч. 8 ст. 474 УПК Украины не позволяет повторное обращение с соглашением в одном уголовном производстве [3].

Выводы. Очевидно, мировая тенденция широкого применения процедур восстановительного правосудия значительно тормозится запретом повторного обращения с соглашением и невозможностью обжалования решений суда об отказе в утверждении сделки, в том числе в апелляционном порядке. На наш взгляд, п. 8 ст. 474 УПК Украины требует изменений: необходимо обозначить, в каком случае стороны имеют право заключить сделку повторно, если процедура заключения соглашения была проведена некачественно.

Таким образом, есть необходимость в совершенствовании ст. 52 УПК Украины, в частности, необходимо дополнить ее еще одним обстоятельством обязательного участия защитника: относительно обвиняемых в

судебном производстве на основании соглашений. Такие изменения должны положительно повлиять на количество утвержденных сделок, что будет способствовать реализации основных принципов восстановительного правосудия, а именно уменьшению нагрузки на досудебные органы, и решению уголовно-правового конфликта.

Список использованной литературы:

1. Барабаш Т. Правова регламентація інституту захисту у кримінально-процесуальному законодавстві України / Т. Барабаш // Забезпечення прав і свобод людини і громадянина в діяльності органів внутрішніх справ України за сучасних умов : матер. наук.-практ. конф. (м. Київ, 4 грудня 2009 р.). – Х. : ДНДІ МВС України, 2009. – С. 215.

2. Аракелян М. Институт адвокатуры в правозащитной системе Украины: теоретико-правовой аспект : [монография] / М. Аракелян. – О. : Феникс, 2014. – 282 с.

3. Уголовный процессуальный кодекс Украины / пер. Л. Фокина. – Х. : Одиссей, 2014. – 389 с.

4. Куцова Э. Гарантии прав личности в уголовном процессе / Э. Куцова. – М., 1973. – 227 с.

5. Цыпкин А. Право на защиту в советском уголовном процессе / А. Цыпкин. – Саратов, 1959. – 250 с.

6. Полянский Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Полянский. – М., 1956. – 300 с.

7. Рахунов Р. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р. Рахунов. – М., 1961. – 140 с.

8. Кондратов П. Гарантии интересов обвиняемого как фактор, определяющий формирование и осуществление советской уголовной политики / П. Кондратов // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном процессе. – Ярославль, 1981. – С. 65.

9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / [А. Смирнов, К. Калиновский] ; под ред. А. Смирнова. – СПб. : Питер, 2003. – 1008 с.

10. Конвенція про захист прав людини та основоположних свобод від 4 листопада 1950 року // Офіційний вісник України. – 1998. – № 13. – Ст. 270.

ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УКРАИНЫ

Оксана ОСАДЧАЯ,
соискатель

Государственного научно-исследовательского института МВД Украины

Summary

Research of principles of the scientific providing, that found the reflection in the legislation of Ukraine and scientific literature, is conducted in the article. Authorial looks are represented in relation to them. A necessity is argued fixing in the corresponding normatively-legal acts of principle of individual responsibility. Attention is accented on the necessity of development and realization of corresponding mechanisms of realization of control after the observance of principles of the scientific providing of activity of organs of internal affairs of Ukraine. On the basis of undertaken a study the concept of principles of the scientific providing of activity of organs of internal affairs of Ukraine is exposed, and also their system is built.

Key words: principle, scientific providing, organs of internal affairs of Ukraine, system, mechanism, structural subdivision.

Аннотация

В статье проводится исследование принципов научного обеспечения, которые нашли свое отражение в законодательстве Украины и научной литературе. Изложена авторская позиция относительно них. Аргументирована необходимость закрепления в соответствующих нормативно-правовых актах принципа индивидуальной ответственности. Акцентируется внимание на необходимости разработки и реализации соответствующих механизмов осуществления контроля за соблюдением принципов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины. На основе проведенного исследования раскрыто понятие принципов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины, а также построена их система.

Ключевые слова: принцип, научное обеспечение, органы внутренних дел Украины, система, механизм, структурное подразделение.

Постановка проблемы. Научное обеспечение является одновременно и деятельностью, направленной на всестороннее развитие всех сфер жизнедеятельности общества, и сферой управленческого воздействия должностных лиц, осуществляющих руководство указанным направлением деятельности через определенный объем должностных обязанностей, должностных запретов и прав для достижения конкретных целей. Не стало исключением также научное обеспечение в сфере деятельности органов внутренних дел Украины, направленное на получение научного результата, необходимого для эффективного конкурентного взаимодействия с преступными проявлениями по их предупреждению, расследованию и раскрытию. Одновременно управленческая деятельность указанной сферы должна базироваться на конкретно определенных и закреплённых в соответствующих нормативно-правовых актах основных идеях (принципах),

которые определяют и одновременно указывают вектор для управленческого воздействия на достижение целей.

На сегодня в законодательстве Украины, а также ведомственных нормативно-правовых актах Министерства внутренних дел Украины не закреплена система принципов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины, тогда как принципы осуществления отдельных видов научной деятельности, например в сфере образования, которые не учитывают специфику осуществления научного обеспечения в правоохранительном ведомстве, нашли свое отражение в законодательстве Украины. В то же время в сфере научного обеспечения органов внутренних дел Украины подавляющее большинство ученых имеют статус правоохранителей, поскольку фактически являются аттестованными по должностям и параллельно выполняют соответствующие обязанности. Указанное требует построения системы прин-

ципов научного обеспечения с учетом двойного статуса должностных лиц научных подразделений системы органов внутренних дел Украины, а также масштабного процесса реформирования органов милиции, и актуализирует указанную тему исследования.

Состояние исследования. Значительный вклад в изучение принципов деятельности милиции, а также принципов научной деятельности сделали такие ученые, как Г.А. Андрощук, А.Н. Бандурка, В.Т. Белоус, А.П. Гончаренко, В.И. Олефир, В.В. Кохан, А.Н. Ярмыш и другие. Однако результаты их исследований имеют четкую отраслевую направленность и не учитывают уникальность сочетания правоохранительной и научной функции в рамках деятельности Министерства внутренних дел (далее – МВД) Украины на этапе его широкомасштабного реформирования.

Целью и задачами статьи являются исследование принципов научного обеспечения, которые нашли свое отражение в законодательстве Украины и научной литературе; изложение авторской позиции относительно них; акцентирование внимания на построении системы принципов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины.

Изложение основного материала. Начиная непосредственное исследование принципов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины, следует проанализировать следующие принципы, которые нашли свое отражение в законодательстве Украины и касаются разновидностей деятельности, наполняющих структуру научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины: научную, научно-техническую, научно-педагогическую, научно-организационную, экспертно-криминалистическую и информационную деятельность.

В соответствии со статьей 6 Закона Украины «Об образовании» основными принципами образования в Украине являются такие: доступность для каждого гражданина всех форм и типов образовательных услуг, предоставляемых государством; равенство условий для полной реализации способностей, таланта, всестороннего развития каждого человека; гуманизм, демократизм,

приоритетность общечеловеческих духовных ценностей; органическая связь с мировой и национальной историей, культурой, традициями; независимость образования от политических партий, общественных и религиозных организаций; научный, светский характер образования; интеграция с наукой и производством; взаимосвязь с образованием других стран; гибкость и прогнозируемость системы образования; единство и преемственность системы образования; непрерывность и разнообразие образования; сочетание государственного управления и общественного самоуправления в образовании [1, ст. 6].

Исследование указанных принципов сквозь призму научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины дает возможность говорить о невозможности управления некоторыми из них в деятельности структурных подразделений, которые непосредственно осуществляют деятельность в системе научного обеспечения. Так, Национальная академия внутренних дел Украины, осуществляя научно-педагогическую деятельность, не в состоянии обеспечить доступность для каждого гражданина всех форм и типов образовательных услуг, предоставляемых государством, даже несмотря на принадлежность указанного вуза к государственной форме собственности. Невозможность управления в своей деятельности указанным принципом заключается в направлении, по которому осуществляется подготовка кадров, – правоохранительном. Дело в том, что указанное направление будущей подготовки выдвигает ряд специфических требований к кандидатам на вступление, которые находятся за пределами критериев для принятия в обычный вуз. В то же время эти критерии являются определяющими (например, физическая развитость), поэтому деятельность упомянутого ведомственного учебного заведения не может основываться на указанном принципе.

Другие принципы, определенные статьей 6 Закона Украины «Об образовании» [1], на наш взгляд, не имеют того значения, которое требовало бы их выделения и закрепления в законодательстве. Одновременно деятельность учебных заведений системы МВД Украины, особенно учитывая их право-

охранительный статус, по умолчанию должна основываться на указанных принципах.

В статье 4 Закона Украины «Об образовании» законодатель, характеризуя государственную политику в сфере образования, определяет ее приоритетной сферой социально-экономического, духовного и культурного развития общества [1, ст. 4].

Учитывая Рекомендации парламентских слушаний «О состоянии и законодательном обеспечении развития науки и научно-технической сферы государства», в Украине за годы независимости наука потеряла функции влияния на социально-экономическое развитие государства, до критического уровня снизился показатель отечественного научно-технического потенциала, создав угрозу национальной безопасности Украины. Проблема носит системный характер и обуславливается общими принципами организации социально-экономической деятельности Украины. В государстве не определены стратегические цели и задачи развития, не внедрено долгосрочное и среднесрочное прогнозирование и планирование социально-экономического развития, как это предусмотрено в развитых странах мира и государствах Европейского Союза [2].

Указанное обуславливает выделение и закрепление в законодательстве Украины и подзаконных нормативно-правовых актах МВД Украины принципов планирования и прогнозирования. Наряду с этим для обеспечения фактического действенного управления указанными принципами при осуществлении научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины необходимым представляется также закрепление положений по разработке и реализации соответствующих механизмов осуществления контроля за соблюдением указанных принципов. Непосредственная реализация указанных принципов может заключаться в издании ведомственного нормативно-правового акта об обязательном ежегодном предоставлении предложений от практических структурных подразделений органов внутренних дел Украины в ведомственные подразделения, осуществляющие научное обеспечение в системе МВД Украины, о потребностях, которые необходимо обеспечить

путем достижений в научной сфере (научного результата). Соответствующий механизм контроля может осуществляться, например, в рамках действующей системы контроля в МВД Украины за исполнением документов, поручений, распоряжений и так далее.

Среди других заслуживает внимания принцип международной интеграции и интеграции системы высшего образования Украины в европейское пространство высшего образования при условии сохранения и развития достижений и прогрессивных традиций национальной высшей школы, который определен в статье 3 Закона Украины «О высшем образовании» [3]. Названный принцип указывает именно на те требования, которые соответствуют современным реалиям в условиях адаптации государственной системы образования к европейским стандартам. На этом фоне не являются исключением также образовательные учреждения системы МВД Украины, которые предоставляют ведомственные образовательные услуги. В разработанном проекте Закона Украины «О полиции и полицейской деятельности» содержится норма, которая направлена на реализацию указанного выше принципа. Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 106 проекта Закона Украины «О полиции и полицейской деятельности» задача полицейских школ заключается в изучении международного опыта организации деятельности полиции [4, ст. 106].

В контексте решения задачи построения системы принципов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины интересным и полезным является исследование принципов деятельности полиции, которые определены в проекте Закона Украины «О полиции и полицейской деятельности» сквозь призму научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины.

Так, в пункте 7 статьи 7 проекта Закона Украины «О полиции и полицейской деятельности» указано, что полиция осуществляет свою деятельность на основе принципа единоначалия в сочетании с коллегиальностью решения отдельных вопросов деятельности [4, ст. 7]. В то же время указанный принцип полностью отсутствует в действующем Законе Украины «О ми-

лиции» [5]. Потребность в его закреплении актуальна как для системы научного обеспечения, так и для системы МВД Украины, ведь сегодня при осуществлении, например, экспертно-криминалистической деятельности (составляющей научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины) существуют случаи, когда решение научной задачи требует привлечения нескольких специалистов, обладающих специальными знаниями в различных отраслях науки. В рамках проведения экспертно-криминалистической деятельности указанное направление научного исследования получило название комплексной экспертизы.

В соответствии со статьей 84 Кодекса административного судопроизводства Украины комплексная экспертиза проводится не менее чем двумя экспертами разных сфер знаний или разных направлений в пределах одной отрасли знаний [6, ст. 84].

То есть речь идет о своеобразном сочетании коллегиального подхода для решения научной задачи в виде привлечения специалистов, обладающих специальными знаниями в различных сферах знаний, а также о принятии соответствующего управленческого решения специалистом на основе проведенного комплексного исследования.

Еще один аспект понимания коллегиальности – административный, который предполагает выработку и принятие коллективного решения на основе идей управленцев различного уровня, а также подчиненных исполнителей конкретных решений. То есть можно говорить об универсальности принципа единоначалия в сочетании с коллегиальностью решения отдельных вопросов деятельности как для научного обеспечения, так и для сферы управления в органах внутренних дел Украины.

Поэтому можно согласиться с мнением В.Д. Сушенко, что соблюдение правильного соотношения между единоначалием и коллегиальностью составляет одну из важнейших задач управления, от решения которой во многом зависит его эффективность и действенность [7, с. 63].

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, принцип единоначалия в сочетании с коллегиальностью решения отдельных вопросов деятельности имеет право на закрепление в содержании

нового Закона Украины «О полиции и полицейской деятельности».

Когда речь идет о неофициальных принципах, которые активно координируют деятельность практических подразделений органов внутренних дел Украины, в том числе в научной сфере, несмотря на отсутствие своего отражения в законодательстве Украины, а также ведомственных нормативно-правовых актах, на первое место выходит принцип коллективной ответственности.

Так, М.А. Скоробагатько утверждает: «Не секрет, что именно начальник структурного подразделения владеет полной и детальной информацией о состоянии дел в подразделении, а следовательно, именно он должен осуществлять немедленное реагирование на ситуации и действия подчиненных ему сотрудников, которые непосредственно влияют на снижение показателей работы». К сожалению, в некоторых случаях этого не происходит. По мнению автора, причина этого кроется в функционировании принципа коллективной ответственности. Поэтому значительное количество нарушений со стороны специалистов практических подразделений органов внутренних дел Украины остается без должного внимания руководителя подразделения, поскольку если виновен подчиненный, то виновен и руководитель [8, с. 162].

Эта причина препятствует объективному выявлению и освещению фактов нарушений со стороны сотрудников подразделения, наложению соответствующего дисциплинарного взыскания, создает негативный прецедент на будущее, ограничивает контрольно-ревизионную функцию руководителя подразделения относительно подчиненных, а также препятствует реализации нормы, указанной в пункте 4 Дисциплинарного устава органов внутренних дел: «Начальник несет ответственность за состояние дисциплины среди подчиненных» [9].

Полностью соглашаясь с мнением М.А. Скоробагатько, считаем целесообразным закрепление в соответствующих нормативно-правовых актах принципа индивидуальной ответственности, что, на наш взгляд, приведет к ликвидации имеющейся коллективной ответственности и усилит административно-контрольную функцию руково-

дителей практических подразделений органов внутренних дел Украины, в том числе тех, которые осуществляют научно-организационную деятельность в рамках научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины.

Учитывая факт осуществления научного обеспечения в системе МВД Украины «учеными в погонах», наряду с введением принципа индивидуальной ответственности, который относится к системе взысканий, актуальным представляется совершенствование действующей в органах внутренних дел Украины системы поощрений.

Как утверждает Т.А. Плугатарь, стабильность кадрового аппарата путем сохранения квалифицированного персонала должна обеспечиваться в первую очередь такими правовыми методами, как стимулирование и поощрение. Поэтому наличие эффективной системы стимулирования, с помощью которой можно своевременно и адекватно поощрять сотрудников органов внутренних дел, имеющих особые заслуги, добросовестно и безупречно работающих, проявляющих инициативу, решительность, остается действенным средством обеспечения добросовестной службы. Выработка современных подходов к совершенствованию системы поощрений, разработка новейших механизмов стимулирования позволит привести указанную отрасль в соответствие с европейскими стандартами, а также повысить служебно-трудовую активность личного состава органов внутренних дел Украины [10, с. 246].

Поэтому в рамках темы нашего исследования совершенствование системы поощрений должно основываться на выделении сферы научного обеспечения из других направлений деятельности путем, например, возвращения отличий, которые были ликвидированы действующим Приказом МВД Украины «О ведомственных наградах Министерства внутренних дел Украины» от 18.01.2013 г. № 38: в сфере научно-технической и научно-педагогической деятельности – «За развитие науки, техники и образования»; в научно-организационной сфере – «Закон, честь, профессионализм»; в экспертно-криминалистической деятельности – «За безупречную службу» [11 с. 246].

Кроме того, учитывая роль достигнутый образования и науки для развития правоохранительного ведомства, а также обеспечение его функционирования на должном, качественно желаемом уровне, считаем необходимым выделение среди основных принципов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины принципа стимулирования осуществляемой деятельности.

Выводы. Таким образом, необходимо построить систему принципов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины. Так, учитывая вышеизложенное, указанная система принципов должна включать в себя такие принципы: 1) планирования и прогнозирования; 2) международной интеграции и интеграции системы ведомственного высшего образования в европейское пространство высшего образования; 3) единоначалия в сочетании с коллегиальностью решения отдельных вопросов деятельности; 4) индивидуальной ответственности; 5) стимулирования осуществляемой деятельности.

В узком смысле принципы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Украины следует понимать как практические основы для реализации государственной политики в сферах научно-организационной, научно-технической, научно-педагогической, научно-информационной и экспертно-криминалистической деятельности, которые в своей совокупности выражают суть осуществляемого научного обеспечения в системе МВД Украины и обеспечивают получение научных результатов, необходимых для эффективного функционирования практических подразделений органов внутренних дел Украины в направлении предупреждения, расследования и раскрытия преступлений и обеспечения оптимального управления на всех уровнях.

Список использованной литературы:

1. Про освіту : Закон України від 23.05.1991 р. № 1060-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 34. – Ст. 451.
2. Про стан та законодавче забезпечення розвитку науки та науково-

технічної сфери держави : Рекомендації парламентських слухань, схвалені Постановою Верховної Ради України від 11.02.2015 р. № 182-VIII // Голос України. – 2015. – № 35.

3. Про вищу освіту : Закон України від 01.07.2014 р. № 1556-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 37–38. – Ст. 2004.

4. Про поліцію і поліцейську діяльність : проект Закону України від 27.01.2015 р. № 1692-1 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=53719.

5. Про міліцію : Закон України від 20.12.1990 р. № 565-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 4. – Ст. 20.

6. Кодекс адміністративного судочинства України : Закон України від 06.07.2005 р. № 2747-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2005. – № 35–36. – Ст. 446.

7. Сущенко В.Д. Сучасний процес управління в органах внутрішніх справ : [монографія] / В.Д. Сущенко, С.В. Присяжний, О.І. Коваленко. – К. : Нац. академія внутр. справ України, 1999. – 352 с.

8. Скоробагатко М.А. Адміністративно-правове регулювання управління експертно-криміналістичною службою органів внутрішніх справ України : дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Скоробагатко ; ДНДІ МВС України. – К., 2013. – 220 с.

9. Про Дисциплінарний статут органів внутрішніх справ України : Закон України від 22.02.2006 р. № 3460-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2006. – № 29. – Ст. 245.

10. Плугатарь Т.А. Заохочення особового складу органів внутрішніх справ України як мотивація до сумлінної служби / Т.А. Плугатарь // Наука і правоохорона. – 2012. – № 1(15). – С. 246–252.

11. Про відомчі заохочувальні відзнаки Міністерства внутрішніх справ України : Наказ Міністерства внутрішніх справ України від 18.01.2013 р. № 38. – К. : МВС України, 2013.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУР ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ И БАНКРОТСТВА СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДОЛЕЙ СОБСТВЕННОСТИ В УКРАИНЕ

Роман ПАРХОМЧУК,
старший юрист
ООО «Юридическая фирма «СИ.ТИ.АР»

Summary

Article is devoted to administrative and legal procedures regulating the reorganization and bankruptcy entities with the state share of ownership. The article analyzes the part of public authorities to regulate procedures reorganization and bankruptcy entities. Attention is paid to the individual powers of public authorities in this area, namely the Ministry of Justice of Ukraine, Ministry of Economic Development and Trade of Ukraine and State Property Fund of Ukraine. Also, the main powers and manner in which these bodies in court bankruptcy entities with the state share of ownership. Argued the need to amend the provisions of the current legislation of Ukraine improving administrative and legal regulation of bankruptcy proceedings of public enterprises.

Key words: bankruptcy case, public authority on bankruptcy, Ministry of Justice of Ukraine, entity with state ownership interest, body authorized to manage state property, State Property Fund of Ukraine.

Анотация

Статья посвящена вопросам административно-правового регулирования процедур восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования с государственной долей собственности. В статье проанализировано участие органов государственной власти в регулировании процедур восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования. Обращено внимание на полномочия отдельных органов государственной власти в этой сфере, а именно Министерства юстиции Украины, Министерства экономического развития и торговли Украины и Фонда государственного имущества Украины. Также определены основные полномочия и порядок участия этих органов в судебных делах о банкротстве субъектов хозяйствования с государственной долей собственности. Аргументирована необходимость внесения изменений в положения действующего законодательства Украины относительно усовершенствования административно-правового регулирования процедур банкротства государственных предприятий.

Ключевые слова: дело о банкротстве, государственный орган по вопросам банкротства, Министерство юстиции Украины, субъект хозяйствования с государственной долей собственности, орган, уполномоченный управлять государственным имуществом, Фонд государственного имущества Украины.

Постановка проблемы. Необходимым условием обеспечения экономической безопасности государства является надлежащий уровень правовой защиты предпринимательской деятельности субъектов хозяйствования. Правовое регулирование этого рода общественных отношений должно не только включать порядок создания и функционирования субъектов хозяйствования, но и детально определять процедуры восстановления их платежеспособности и прекращения (ликвидации) в случаях ухудшения их материально-финансового положения. Традиционно процедуры восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования относятся к сфере хозяйственного и хозяйственно-процессуального регулирования. В то же время значительная часть общественных отношений в данной сфере регулируется с помощью административно-правовых методов регулирования. В первую очередь это касается субъек-

тов хозяйствования с государственной долей собственности.

Актуальность темы. Недостаточность правового обеспечения такого рода регулирования и незначительный уровень изученности проблематики обуславливают значительный интерес и актуальность исследований в указанной сфере.

Основой исследования являются труды украинских ученых, освещающие вопросы полномочий органов административно-правового регулирования процедур восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования с государственной долей собственности.

Цель статьи заключается в обобщении существующей нормативно-правовой регламентации административно-правового регулирования процедур восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования с государственной долей собственности, выявлении недостатков правового регулирования в указанной

сфере и разработке рекомендаций по их устранению.

Изложение основного материала исследования. Восстановление платежеспособности предприятия, в том числе с государственной долей собственности, представляет собой комплекс досудебных и судебных мер, направленных на восстановление его способности выполнять свои денежные обязательства перед другими лицами. Целью этих мероприятий является погашение долгов хозяйствующего субъекта и восстановление его как полноценного контрагента и налогоплательщика. Банкротством предприятия, в свою очередь, является признанная хозяйственным судом неспособность должника восстановить свою платежеспособность и удовлетворить признанные судом требования кредиторов не иначе, как через применение ликвидационной процедуры. Целью ликвидационной процедуры предприятия является обеспечение максимального удовлетворения кредиторских требований

за счет имущественных активов предприятия-банкрота. Именно Закон Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» [1] устанавливает условия и порядок восстановления платежеспособности должника-субъекта предпринимательской деятельности либо признания его банкротом и применения ликвидационной процедуры, полного или частичного удовлетворения требований кредиторов. Субъектами хозяйствования с государственной долей собственности, к которым могут применяться процедуры восстановления платежеспособности и банкротства, могут выступать государственные предприятия и предприятия, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%. Особые категории субъектов процедур восстановления платежеспособности и банкротства составляют банковские и финансовые учреждения, компании по управлению активами, страховые компании, градообразующие, сельскохозяйственные предприятия и так далее. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 96 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» в новой редакции, вступившей в силу 18.01.2013 г. [2], Кабинет Министров Украины принимает меры для предотвращения банкротства государственных предприятий и предприятий, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%, определяет оптимальные пути восстановления их платежеспособности и координирует действия соответствующих органов исполнительной власти. Также согласно ч. 3 ст. 96 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» органы исполнительной власти принимают такие решения: о целесообразности предоставления государственной поддержки неплатежеспособным предприятиям; о разработке мероприятий, направленных на обеспечение защиты интересов и выбора оптимальных путей реструктуризации и погашения долговых обязательств; о проведении анализа финансового состояния должника, его санации и согласовании плана санации; о целесообразности исключения соответствующих субъектов хозяйствования

из перечня предприятий, являющихся объектами права государственной собственности, не подлежащими приватизации и применению к ним процедуры санации или ликвидации. Таким образом, на Кабинет Министров Украины как высший орган в системе органов исполнительной власти в соответствии с положениями ст. 1 Закона Украины «О Кабинете Министров Украины» [3] возложена обязанность принимать все действия, направленные на предотвращение признания банкротами субъектов хозяйствования с государственной долей собственности (государственных предприятий и предприятий, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%). При этом согласно ч. 2 ст. 3 Закона Украины «О Кабинете Министров Украины» Кабинет Министров Украины осуществляет исполнительную власть на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией и законами Украины. Действующее законодательство Украины, в том числе подзаконные нормативно-правовые акты, не закрепляет механизмы реализации Кабинетом Министров Украины своих полномочий в этой сфере. Поэтому вышеуказанная законодательная норма содержит декларативный характер. Использование в положениях ч. 3 ст. 96 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» понятия «органы исполнительной власти» без закрепления их перечня и конкретных полномочий делает неэффективными процедуры восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования с государственной долей собственности. А указанный в норме перечень решений, которые органы исполнительной власти могут принимать, носит скорее рекомендательный характер по отношению к реализации полномочий другими органами государственной власти. Так, положениями ч. 4 ст. 96 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» определено, что положения этого закона применяются к юридическим лицам – предприятиям, являющимся объектами права государственной собственности, не подлежащим приватизации, в части санации или ликвидации после

исключения их в установленном порядке из перечня таких объектов. Перечень объектов права государственной собственности, не подлежащих приватизации, закреплен положениями Закона Украины «О перечне объектов права государственной собственности, не подлежащих приватизации» [4]. Исключительно Верховная Рада Украины наделена полномочиями вносить изменения как в Закон Украины «О перечне объектов права государственной собственности, не подлежащих приватизации», так и в перечень субъектов хозяйствования с государственной долей собственности, на которых де-юре не распространяется действие Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» (кроме судебных процедур распоряжения имуществом и мирового соглашения). Таким образом, Верховная Рада Украины может «защитить» от банкротства любое государственное предприятие или субъект хозяйствования с государственной долей собственности исключительно путем внесения его в перечень объектов права государственной собственности, не подлежащих приватизации. Следует также отметить, что согласно ч. 6 ст. 5 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» санация государственных предприятий до возбуждения дела о банкротстве осуществляется за счет средств Государственного бюджета Украины, государственных предприятий и других источников финансирования. Объем средств для проведения санации государственных предприятий за счет средств Государственного бюджета Украины ежегодно устанавливается законом о Государственном бюджете Украины. Условия и порядок проведения санации государственных предприятий до возбуждения дела о банкротстве за счет других источников финансирования согласовываются с субъектом управления объектами государственной собственности в порядке, установленном Кабинетом Министров Украины. Санация государственных предприятий до возбуждения дела о банкротстве осуществляется в соответствии с Законом Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом». В этом случае речь идет о том,

что Кабинет Министров Украины, на который, как уже отмечалось, возложена обязанность принимать меры для предотвращения банкротства государственных предприятий и предприятий, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%, может предусмотреть в проекте Государственного бюджета Украины соответствующие средства на осуществление санации государственных предприятий до возбуждения дела о банкротстве. Однако решение об утверждении Государственного бюджета Украины на соответствующий календарный год принимается исключительно Верховной Радой Украины. Таким образом, реализация полномочий, в частности обязанностей, одних органов государственной власти в сфере восстановления платежеспособности предприятий-должников зависит от реализации своих полномочий другими органами государственной власти, в частности, законодательной. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» государственный орган по вопросам банкротства способствует созданию организационных, экономических и других условий, необходимых для реализации процедур восстановления платежеспособности должника или признания его банкротом, в том числе процедур банкротства государственных предприятий и предприятий, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%. Кроме того, государственный орган по вопросам банкротства устанавливает порядок проведения анализа финансово-хозяйственного состояния субъектов хозяйствования относительно наличия признаков фиктивного банкротства, доведения до банкротства, сокрытия стойкой финансовой несостоятельности, незаконных действий в случае банкротства, организует проведение такого анализа при возбуждении производства по делам о банкротстве государственных предприятий и предприятий, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%, а также готовит на запросы суда, прокуратуры или другого уполномоченного органа выводы о наличии признаков фиктивного банкротства, доведения до

банкротства, сокрытия стойкой финансовой несостоятельности, незаконных действий в случае банкротства. В соответствии с нормами ст. 3 Положения о Министерстве юстиции Украины, которое утверждено Постановлением Кабинета Министров Украины «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Украины» от 02.07.2014 г. № 228 [5] именно Министерство юстиции Украины способствует созданию организационных, экономических и других условий, необходимых для реализации процедур восстановления платежеспособности должника или признания его банкротом, в том числе процедур банкротства государственных предприятий и предприятий, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%, и реализует все другие задачи государственного органа по вопросам банкротства в соответствии с положениями Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом». Государственный орган по вопросам банкротства, которым является Министерство юстиции Украины, наделен исключительно организационными и нормотворческими полномочиями, поскольку указанный орган «способствует созданию организационных, экономических и других условий, необходимых для реализации процедур восстановления платежеспособности должника или признания его банкротом», «устанавливает порядок» проведения специальных процедур в рамках производства по делам о банкротстве субъектов хозяйствования, в том числе с государственной долей собственности, и готовит на запросы суда, прокуратуры или другого уполномоченного органа выводы о наличии признаков фиктивного банкротства, доведения до банкротства, сокрытия стойкой финансовой несостоятельности, незаконных действий в случае банкротства. Фактически государственный орган по вопросам банкротства не наделен полномочиями, а следовательно, и не осуществляет правовое регулирование и не принимает участие в процедурах восстановления платежеспособности и банкротства государственных предприятий и предприятий, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%. Со-

гласно положениям ч. ч. 7 и 8 ст. 96 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» в случае, если должник является государственным предприятием или предприятием, в уставном капитале которого доля государственной собственности превышает 50%, суд привлекает к участию в деле о банкротстве представителей органа, уполномоченного управлять государственным имуществом, с уведомлением о возбуждении производства по делу о банкротстве такого предприятия. В случае возбуждения производства по делу о банкротстве государственного предприятия или предприятия, в уставном капитале которого доля государственной собственности превышает 50%, участие в собрании кредиторов с правом совещательного голоса могут принимать представители органа, уполномоченного управлять государственным имуществом. В соответствии с положениями ч. 12 ст. 96 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» планы санации, мировые соглашения и перечни ликвидационных масс, изменения и дополнения к ним по делам о банкротстве государственных предприятий или предприятий, в уставном капитале которых доля государственной собственности превышает 50%, подлежат согласованию с органом, уполномоченным управлять государственным имуществом. В случае отсутствия такого согласования план санации и мировое соглашение не подлежат утверждению хозяйственным судом, а включенное в перечень ликвидационной массы имущество банкрота не может реализовываться. Положениями ч. ч. 18 и 19 ст. 11 Закона Украины «Об управлении объектами государственной собственности» [6] определяется, что мировые соглашения, планы санации и перечни ликвидационных масс, изменения и дополнения к ним по делам о банкротстве хозяйственных организаций с корпоративными правами государства более 50% их уставного капитала согласовываются с центральным органом исполнительной власти, обеспечивающим реализацию государственной политики в сфере управления объектами государственной собственности, и/или Фондом государственного

имущества Украины (относительно хозяйственной организации, находящейся в процессе приватизации). Отчуждение имущества государственных предприятий и хозяйственных обществ с корпоративными правами государства более 25% их уставного капитала в процедуре банкротства осуществляется в соответствии с законодательством по вопросам приватизации. При этом согласно положениям ч. 1 ст. 4 Закона Украины «Об управлении объектами государственной собственности» к субъектам управления объектами государственной собственности отнесены, в частности, центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий реализацию государственной политики в сфере управления объектами государственной собственности, министерства, другие органы исполнительной власти и государственные коллегияльные органы (уполномоченные органы). Согласно Положению о Министерстве экономического развития и торговли Украины, утвержденному Указом Президента Украины от 31.05.2011 г. № 634/2011 [7], одной из основных задач Министерства экономического развития и торговли Украины является формирование и обеспечение реализации государственной политики в сфере управления объектами государственной собственности, в том числе корпоративными правами государства. Таким образом, именно Министерство экономического развития и торговли Украины как центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий реализацию государственной политики в сфере управления объектами государственной собственности, и министерства, другие органы исполнительной власти и государственные коллегияльные органы (уполномоченные органы) наделены полномочиями по правовому регулированию осуществления процедур восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования с государственной долей собственности. Именно ими утверждаются подзаконные нормативно-правовые акты, которыми устанавливаются порядки согласования мировых соглашений, планов санации и перечней ликвидационных масс, изменения и дополнения к ним по делам о банкротстве хозяйственных организаций с корпоративными правами госу-

дарства более 50%, которые отнесены к их управлению; также они участвуют в соответствующих судебных процедурах банкротства.

Фонд государственного имущества Украины в соответствии с положениями Закона Украины «О Фонде государственного имущества Украины» [9] является центральным органом исполнительной власти со специальным статусом, реализующим государственную политику в сфере приватизации, аренды, использования и отчуждения государственного имущества, управления объектами государственной собственности, в том числе корпоративными правами государства относительно объектов государственной собственности, которые принадлежат к сфере его управления, а также в сфере государственного регулирования оценки имущества, имущественных прав и профессиональной оценочной деятельности. К полномочиям Фонда государственного имущества Украины в сфере управления корпоративными правами государства отнесены согласование мировых соглашений, планов санации и перечней ликвидационных масс, изменений и дополнений к ним по делам о банкротстве хозяйственных организаций с корпоративными правами государства более 50% их уставного капитала, которые находятся в процессе приватизации, а также участие в производстве дел о банкротстве хозяйственных обществ с корпоративными правами государства. Так, Приказом Фонда государственного имущества Украины «Об утверждении Порядка согласования планов санации, мировых соглашений и перечней ликвидационных масс» от 06.06.2007 г. № 895 [10] утвержден Порядок согласования планов санации, мировых соглашений и перечней ликвидационных масс, который определяет процедуру согласования Фондом государственного имущества Украины планов санации, мировых соглашений и перечней ликвидационных масс предприятий-должников (банкротов). Действие этого документа распространяется на государственные предприятия, в отношении которых принято решение о приватизации и которые принадлежат к сфере управления Фонда; хозяйственные организации с корпоративными правами государства более 50% их уставного капитала,

которые находятся в процессе приватизации; объекты государственной собственности, находящиеся в управлении министерств и других органов исполнительной власти, в случае создания с их участием новых субъектов хозяйствования. В этом случае именно Фондом государственного имущества Украины реализуются полномочия уполномоченного органа управления в отношении субъектов хозяйствования с государственной долей собственности.

Выводы. Таким образом, сегодня в Украине сложилась ситуация, при которой административно-правовое регулирование процедур восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования с государственной долей собственности осуществляется целым рядом органов государственной власти, что приводит к сложности и малоэффективности их реализации. В целях обеспечения эффективного осуществления процедур восстановления платежеспособности и банкротства необходимо сформировать единую систему органов регулирования с четким разграничением их компетенции и полномочий. В отдельных случаях с целью надлежащего осуществления процедур восстановления платежеспособности и банкротства субъектов хозяйствования с государственной долей собственности необходимым является создание совместных ведомств и рабочих групп, а также привлечение независимых специалистов.

Список использованной литературы:

1. Про відновлення платоспроможності боржника або визнання його банкрутом : Закон України від 14.05.1992 р. № 2343-ХІІ // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 31. – Ст. 440.
2. Про внесення змін до Закону України «Про відновлення платоспроможності боржника або визнання його банкрутом» : Закон України від 22.12.2011 р. № 4212-VI // Офіційний вісник України. – 2012. – № 5. – С. 11. – Ст. 164. – Код акта 60079/2012.
3. Про Кабінет Міністрів України : Закон України від 27.02.2014 р. № 794-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 13. – С. 828. – Ст. 222.

4. Про перелік об'єктів права державної власності, що не підлягають приватизації : Закон України від 07.07.1999 р. № 847-XIV // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 37. – Ст. 332.

5. Про затвердження Положення про Міністерство юстиції України : Постанова Кабінету Міністрів України від 02.07.2014 р. № 228 // Офіційний вісник України. – 2014. – № 54. – С. 88. – Ст. 1455. – Код акта 73125/2014.

6. Про управління об'єктами державної власності : Закон України від 21.09.2006 р. № 185-V // Відомості Верховної Ради України. – 2006. – № 46. – С. 1502. – Ст. 456.

7. Про Міністерство економічного розвитку і торгівлі України : Указ Президента України від 31.05.2011 р. № 634/2011 // Офіційний вісник України. – 2011. – № 41. – С. 20. – Ст. 1666. – Код акта 56862/2011.

8. Про Фонд державного майна України : Закон України від 09.12.2011 р. № 4107-VI // Офіційний вісник України. – 2012. – № 2. – С. 9. – Ст. 50. – Код акта 59960/2012.

9. Про затвердження Порядку погодження планів санації, мирових угод і переліків ліквідаційних мас : Наказ Фонду державного майна України від 06.06.2007 р. № 895 // Офіційний вісник України. – 2007. – № 54. – С. 207. – Ст. 2197. – Код акта 40506/2007.

ПАРАДИГМА НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА НОРМАТИВНОЕ И НЕНОРМАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Иванна ПОЛОНКА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
ПВНЗ «Буковинский университет»

Summary

The article is devoted to theoretical and legal analysis of classification peculiarities of differentiating human behavior in a legal context. It is proposed to divide it into two types: normative and not normative behavior. Normative behavior is divided according to social norms that governed it. Non-normative behavior, in turn, divided into useful (creative) and deviant (negative) behavior. Scientific views investigate as to the essential features of categories of normative and not normative behavior. We characterize the origins of the formation of legal behavior as one of the types of normative behavior.

Key words: human behavior, normative behavior, not normative behavior, helpful behavior, deviant behavior, legal behavior.

Аннотация

Статья посвящена теоретико-правовому анализу классификационных особенностей дифференциации поведения человека в правовом контексте. Предлагается делить его на два вида: нормативное и ненормативное поведение. Нормативное поведение делится в соответствии с социальными нормами, которыми оно регулируется. Ненормативное поведение делится на полезное (креативное, творческое) и девиантное (негативное) поведение. Исследуются научные взгляды, касающиеся существенных особенностей категорий нормативного и ненормативного поведения. Охарактеризованы истоки формирования правового поведения как одного из видов нормативного поведения.

Ключевые слова: поведение человека, нормативное поведение, ненормативное поведение, полезное поведение, девиантное поведение, правовое поведение.

Постановка проблемы. В связи с изменениями в общественной жизни возникает проблема формирования нового стиля мышления и просмотра новых подходов к формированию поведения человека. Самое важное благо настоящего – сохранение правопорядка в государстве и укрепление законности. А осуществит это возможно только тогда, когда инструмент научного познания соответствует его сути и требованиям.

Актуальность исследования поведения человека обуславливается прежде всего изучением его существенных особенностей и соответствием социальным нормам, которые характерны на конкретном этапе развития общества. Необходимо рядом с исследованием самой категории поведения человека охарактеризовать основные его виды, в частности, нормативное и ненормативное поведение.

Все негативные процессы, которые имеют место в украинском об-

ществе, происходят от ненормативного (отрицательного) поведения. Вследствие отклонений от нормативного поведения возникает хаос и беззаконие, разрушения спокойной жизни общества, человек становится на путь неопределенности, незащищенности, государство теряет свой авторитет. Более того, проблема нормативного и ненормативного поведения человека привлекала больше внимания политиков и журналистов, социологов и психологов, чем юристов и философов.

Несмотря на разноаспектные исследования проблемы поведения человека в контексте разделения на нормативное и ненормативное, не изученными до сих пор остаются еще многие аспекты этих социально-правовых явлений. Ведь каждая эпоха, каждый конкретный исторический период развития общества всегда характеризуются присущими только для них особенностями. Теоретико-правовое осмысление этих категорий позволит на теоретическом и прак-

тическом уровнях выявить возможности решения многих социальных проблем, связанных с правомерностью поведения человека.

Состояние исследования. Ученые разных отраслей знаний уделяли проблеме поведения человека достаточно много внимания. В частности, в правовом, социологическом, социально-психологическом контексте нормативное и ненормативное поведение личности анализировалось М.И. Бобневой, Т.Ю. Ваврик, С.А. Гарькавец, В.П. Казмиренко, В.М. Кудрявцевым, Н.Ю. Максимовой, Т.М. Малковой, П.В. Мельником, А.К. Пашенко, Е.В. Петровской, Г.М. Тигунцевой, Г.Ю. Чередник, Л.Б. Филоновым, Р. Адлам, Л.А. Беннет, Л. Ховард и другими авторами.

Целью статьи является исследование классификационных особенностей разделения поведения человека в правовом контексте, а также обоснование содержательных особенностей в правовой доктрине относительно нормативного и ненормативного поведения.

Изложение основного материала. Начнем наше исследование с видовой характеристики поведения человека. В научной литературе традиционно поведение человека в правовом контексте разделяют на нормативное и ненормативное. Родоначальником такого подхода является выдающийся теоретик права В.Н. Кудрявцев. Поддерживают эту позицию А.К. Пашенко, Н.А. Корзинкина, Д.В. Рукавишников, М.С. Шальмин. Однако существуют и другие подходы к классификации поведения.

Так, Т.С. Гарасимов разделяет поведение на социальное и девиантное, указывая, что это происходит в зависимости от состава и соотношения разрешительных и запретительных норм, а также социокультурных особенностей социума.

Согласно научной позиции Г.М. Тигунцевой, социальное поведение делится на четыре разновидности. Первый вариант поведения человека является нормативным, три других определяются как ненормативное (патологическое) поведение. К ненормативным видам исследователь

относит нестандартное поведение, которое может оказывать влияние на прогрессивное развитие общества. Мы его соотносим с положительным ненормативным поведением. Следующим видом ненормативного поведения является антиобщественное (его еще называют девиантным) поведение, которое носит непродуктивный, маргинальный и деструктивный характер. Последний вид – патологическое поведение [1, с. 161].

Переплетаются с данной позицией научные мысли Г.Ю. Чередник. Она определяет следующие основные варианты социального поведения: 1) нормативное (стандартное) поведение, которое соответствует социальным нормам и является характерным для большинства членов общества; 2) маргинальное (крайнее) поведение, которое находится на самой крайней границе социальных норм и вызывает напряжение окружающих; 3) нестандартное (ненормативное) поведение, которое выходит за рамки принятых в обществе норм; оно делится на креативное (продуктивное и самобытное, которое реализует новые идеи) и девиантное поведение (отклоняющееся от норм); 4) патологическое поведение, характеризующееся каким-либо отклонением от норм, которое отражает ненормальное состояние, при котором правильное функционирование становится невозможным [2, с. 51].

Е.В. Петровская считает, что, противопоставляя асоциальное поведение социальному, целесообразнее говорить о нормативном и ненормативном, поскольку нормы – это явление общественного сознания в виде требований, которые разделяют большинство членов общества и которые создают оптимальные условия существования отдельного индивида с учетом его социальной роли [3, с. 211].

Мы поддерживаем мнение большинства ученых при разделении поведения человека на нормативное и ненормативное. Однако считаем, что ненормативное поведение может проявляться в двух основных формах: полезном и девиантном. Полезное (креативное, творческое) по-

ведение может распространиться и даже стать социальной нормой. Оно способствует движению вперед, решению актуальных задач и демократическому строительству насыщенных общественных отношений. Девиантное (отрицательное) поведение вызывает неодобрение окружающих и социальную дезадаптацию. Оно определяется вредной для общества формой действия, препятствуя его развитию.

Продолжим наше исследование с рассмотрения одного из видов поведения человека – ненормативного. Отметим, что в юридической литературе ненормативное поведение остается малоисследованным, ученые рассматривают только социальное регулирование, используют нормативные и ненормативные регуляторы. Вопрос ненормативного поведения интересует психологов и социологов, однако данная категория наряду с психологическим и социологическим имеет также правовой смысл.

Большинство представителей научного сообщества рассматривают ненормативное поведение как антипод поведения нормативного. Первоначально такую позицию занял В.Н. Кудрявцев, который четко указал, что в действительности многие человеческие деяния не являются нормативными не только потому, что они осуществляются вопреки нормам, а в основном из-за того, что нормы поведения существуют не для каждого конкретного вопроса человеческих взаимоотношений. По его мнению, понятие ненормативного поведения включает две разновидности: поведение, не урегулированное нормой, и поведение, противоречащее норме. Их объединяет то обстоятельство, что в обоих случаях лицо руководствуется несуществующей нормой поведения, действует согласно самостоятельно принятым решениям [4, с. 45].

На диссертационном уровне этот вопрос рассматривал Т.Ю. Ваврик, который ненормативное поведение отождествлял с девиантным поведением. Однако ученый придерживался позиции, что ненормативное поведение не является обязательно негативным, то есть антисоциаль-

ным явлением. Однако в своей работе он рассматривал его лишь в негативном контексте. Ученый отмечает, что девиантное (ненормативное) поведение – это система поступков личности, выходящих за общепринятое представление о нормальном (нормативном) поведении в определенной сфере общественных отношений [5, с. 96]. Поддерживает в общем виде данную концепцию С.А. Гарькавец, одновременно отмечая, что своевременная, как можно более ранняя психологическая диагностика склонности лица к ненормативному поведению, разработка и применение комплекса мер по его психологической коррекции являются особенно актуальными для нашего государства [6, с. 65].

Е.В. Петровская утверждает, что говорить о нормативном поведении можно лишь на фоне какого-то другого, ненормативного, такого, которое отклоняется от нормы, следовательно, является социально нежелательным, неодобряемым. На сегодняшний день наблюдается создание все более агрессивных группировок и объединений, для которых характерен вызов нормам морали, канонам, правилам; то есть возникают первые проявления ненормативного поведения [3, с. 213].

Норма, по мнению Д.А. Александрова, осознается человеком как целесообразное, выгодное и желательное поведение, а отклонение от социальной нормы – как несоблюдение ее требований, что характеризует выбор другого варианта поведения, то есть ненормативного поведения.

М.С. Шальмин также указывает на нормативную и ненормативную сферу управления социальной жизни. Ненормативные факторы, определяющие поведение, помогают глубже и всестороннее раскрыть содержание взаимных социальных норм в будущем [7, с. 89].

Остановимся на нормативном поведении, которое, как уже отмечалось, соответствует социальным нормам и ими регулируется.

Большинство ученых (например, Г.С. Абрамова, С.В. Беличева, И.Н. Дубровина, В.В. Оржиховский, Е.В. Петровская, К.С. Платонов и

другие) указывают, что понятие нормы имплицитно содержит в себе возможность отклонения от нее. А значит, говорить о нормативном поведении можно лишь на фоне какого-то другого, ненормативного, такого, которое отклоняется от нормы.

В своей научной работе Л.С. Бенько трактует нормативное поведение как совокупность правил, обязанностей и шаблонов, которые формируются в процессе взаимосвязи членов одной группы, тем самым побуждая своими действиями и поступками личность, принадлежащую к группе, воспринимать или отвергать эти образцы, соответственно создавая себе определенный авторитет. Научно взвешенным является обоснование ученого, что благоприятной для формирования нормативного поведения является положительная, слаженная атмосфера совместного взаимодействия, в ходе которого формируется эмоциональная взаимозависимость, привлекательность, моральная ответственность, групповая сплоченность, эмоциональная удовлетворенность совместной деятельностью [8, с. 101].

С.А. Гарькавец социально-нормативное поведение рассматривает как такое, которое присуще личности, является включенным в систему социально-нормативных отношений. Оно имеет различные проявления и различные определения, а также свою внутреннюю дифференциацию, которая заключается в разграничении по степени его значимости и в зависимости от мотивов, его обуславливающих. Социально-нормативное поведение личности – это ее активность в социально-нормативной плоскости существования, которую обуславливает взаимодействие многочисленных факторов, определенных условий и психологических механизмов регуляции. Социально-нормативное поведение не является чем-то универсальным. Благодаря тому, что нормы постоянно меняются, люди вынуждены к ним приспосабливаться, но настолько, насколько позволяют это сделать их личные потребности и социальное положение, в котором они находятся [6, с. 70].

Вышеуказанные позиции понимания нормативного поведения в общих чертах существенно не отличаются друг от друга. Однако бывают и более неординарные позиции относительно проблемы изучения нормативного поведения. Например, подробнее этот вопрос рассматривает Г.Ю. Чередник. По ее мнению, социальное поведение по определению является интерактивным процессом. Поведение любого участника этого взаимодействия видоизменяет поведение другого человека, как и его собственное поведение меняется в ответ на реакцию другого. Нормативность поведения как свойство ученый характеризует как способность человека определять и соблюдать социальные нормы. Поэтому нормативность поведения человека может связываться с уровнем развития в нем социального интеллекта как способности правильно понимать поведение людей, что является необходимым для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации. А само нормативное поведение Г.Ю. Чередник рассматривает как социальную установку личности; в таком случае ему присущи основные свойства аттитюды, прежде всего это касается трехкомпонентной структуры.

Первым элементом является когнитивная составляющая нормативного поведения, которая обеспечивает познавательную функцию и содержит знания о конкретных нормах социального и группового поведения, правила поведения. Следующий элемент – аффективная составляющая, содержащая оценку норм, правил, моделей поведения, обозначаемых категориями «хорошо», «плохо» и так далее. Она обеспечивает приспособленную и защитную функции аттитюды. Последний элемент – конативная составляющая, которая проявляется в тех моделях и паттернах поведения, которые личность не только демонстрирует в реальной жизни, но и к которым выражает готовность, обеспечивая таким образом функцию самовыражения [2, с. 58]. Мы полностью согласны с этой позицией, так как данные составляющие элементы отражают

движение нормативного поведения от познания норм, предоставления им оценки до ее реализации в реальной жизни.

Поэтому в соответствии с общепринятым пониманием нормативного поведения следует, что оно регулируется какими-либо социальными нормами. С помощью данной трактовки мы можем выделить такие виды нормативного поведения: поведение, построенное на обычаях; поведение, построенное на традициях; поведение, возникающее на основании корпоративных норм; поведение, построенное на нормах морали; поведение, построенное на религиозных нормах; поведение, которое регулируется нормами права (правовое поведение).

Выводы. Таким образом, был проведен анализ классификации поведения человека в правовом контексте. Научная доктрина этого вопроса является весьма разнообразной. Ученые разных отраслей права по-разному трактуют видовую характеристику поведения человека. Общепринятым является разделение на два вида: нормативное и ненормативное. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что ненормативное поведение может проявляться в двух основных формах: полезного (креативного, творческого) и девиантного (отрицательного) поведения. В свою очередь нормативное поведение делится в соответствии с социальными нормами, которыми оно регулируется. Из вышеизложенного следует, что один из видов нормативного поведения – это правовое поведение, которое является одной из важнейших категорий теории права.

В качестве дальнейших перспектив исследования в сфере нормативного поведения считаем целесообразным рассмотреть понятие правового поведения, исследовать его сущность, роль и назначение.

Список использованной литературы:

1. Тигунцева Г.Н. Девиантное поведение в подростковом возрасте: теория и практика : [учеб. пособие] / Г.Н. Тигунцева ; ред. Е.А. Кедярова. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2013. – 143 с.
2. Чередник Г.Ю. Конспект лекций по курсу «Социальная психология» / Г.Ю. Чередник, А.А. Лоза. – Д. : РИО ДНУ, 2009. – 76 с.
3. Петровская К.В. Проблема нормативного и ненормативного поведения молодежи в неформальных молодежных объединениях / К.В. Петровская // Вестник Запорожского национального университета : сб. науч. ст. Серия «Педагогические науки». – 2011. – № 1. – С. 211–214.
4. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 288 с.
5. Ваврик Т.Ю. Психологическая диагностика и коррекция склонности к девиантному поведению работников органов внутренних дел Украины : дисс. ... канд. психол. наук : спец. 19.00.06 / Т.Ю. Ваврик ; Нац. академия внутр. дел Украины МВД Украины. – К., 2004. – 217 с.
6. Гарькавец С.А. Природа и генезис социально-нормативного поведения личности / С.А. Гарькавец // Актуальные проблемы психологии : сб. науч. трудов Института психологии имени Г.С. Костюка АПН Украины. – Серия «Социальная психология». – Вып. 30. – Житомир : Изд-во ЖДУ им. И. Франко, 2012. – С. 67–73.
7. Шальмин М.С. Нормы права в системе соционормативного регулирования: проблемы соотношения и взаимодействия : дисс. ... канд. юрид. наук. / М.С. Шальмин ; Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2006. – 143 с.
8. Бенько Л.С. Социально-психологические особенности генезиса поведения в студенческой группе : дисс. ... канд. психол. наук : спец. 19.00.05 / Л.С. Бенько ; Прикарпатский нац. ун-т им. В. Стефаника. – Ивано-Франковск, 2007. – 262 с.
9. Гарасимов Т.С. Природные и социальные детерминанты формирования девиантного поведения человека: философско-правовое измерение : [монография] / Т.С. Гарасимов. – Львов : Львовский гос. ун-т внутр. дел, 2012. – 420 с.
10. Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / И.М. Максимова. – Тамбов, 2005. – 161 с.
11. Пащенко А.К. Структурно-диалектический подход к пониманию проблемы нормативного поведения личности / А.К. Пащенко // Филология и культура = Philology and Culture. – 2012. – № 3(29). – С. 299–304.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛИШЕНИЯ ЗВАНИЯ КАК ВИДА НАКАЗАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ УКРАИНЫ

Юрий ПОНОМАРЕНКО,

кандидат юридической наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article deals with concept and content of deprivation of rank as a type of punishment according to criminal law of Ukraine. A number of ranks are depicted, which a person can be deprived of while applying such punishment, and also a number of ranks, which are not covered by it. Besides, peculiarities of applying such punishment are defined. Because its application is a right, not a duty of a court, the author defines grounds and order of court's realization of its right to deprive a rank. As a result of the research several propositions are formed, directed at improvement of this type of punishment.

Key words: types of punishment, deprivation of rank, content of punishment, applying of punishment.

Аннотация

В статье рассмотрены понятие и содержание лишения звания как вида наказания согласно уголовному праву Украины. Очерчен перечень званий, которых лицо может быть лишено при применении данного вида наказания, а также перечень званий, на которые оно не распространяется. Кроме того, определены особенности назначения исследуемого вида наказания. Поскольку его назначение является правом, а не обязанностью суда, установлены основания и порядок реализации судом права на назначение лишения звания. По итогам исследования сформулирован ряд предложений, направленных на совершенствование данного вида наказания.

Ключевые слова: виды наказания, лишение звания, содержание наказания, назначение наказания.

Постановка проблемы. Одним из видов наказания, включенным в систему наказаний, установленную Уголовным кодексом Украины (далее – УК Украины), является лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса (далее – лишение звания). В ст. 54 УК Украины указано: «Осужденное за тяжкое или особо тяжкое преступление лицо, имеющее воинское, специальное звание, ранг, чин или квалификационный класс, может быть лишено по приговору суда этого звания, ранга, чина или квалификационного класса». Согласно ст. 51 УК Украины данное наказание находится на втором месте с начала системы наказаний по степени строгости: менее строгим, чем оно, законодатель считает только штраф (что в настоящий момент весьма спорно), все иные виды наказаний считаются более строгими. В соответствии с ч. 2 ст. 52 УК Украины этот вид наказания может применяться только в качестве дополнительного.

К сожалению, изложенным исчерпываются все законодательные положения о лишении звания как виде наказания. Закон не определяет содержание этого вида наказания, не очерчивает перечень тех званий, которых лицо может быть лишено,

не устанавливает особенности назначения данного вида наказания, возможности освобождения от него либо его замены и многие другие проблемные вопросы.

Анализ степени исследованности проблемы. Этот вид наказания является одним из наименее исследованных в уголовно-правовой науке Украины. Кроме параграфов в учебниках и научно-практических комментариях УК Украины, ему специально посвящены лишь отдельные статьи В.А. Бугаева, Б.А. Кырсыя, Ю.А. Клевцова, Н.В. Марченко и некоторых других авторов. Именно поэтому многие из названных проблемных вопросов остаются неразрешенными, а некоторые даже не ставились в отечественной доктрине уголовного права.

Целью статьи является выяснение содержания лишения звания как вида наказания путем определения его понятия и уточнения перечня званий, которых можно лишить при его применении, а также некоторых особенностей его назначения.

Изложение основного материала. Содержание правоограничений данного вида наказания до настоящего времени относится к недостаточно описанным в науке. Однако некоторые разработки в направлении их описания все же имеются. Так,

например, С.С. Яценко указывает: «Это наказание состоит в аннулировании юридически закрепленных заслуг лица <...> Оно связано с причинением моральных переживаний и неблагоприятных для осужденного последствий в виде утраты определенных прав, увольнения со службы или отстранения от должности» [1, с. 111]. Полностью согласиться с таким подходом не представляется возможным. Не вызывает сомнения тот факт, что данное наказание сопряжено с утратой определенных прав, увольнением со службы или с должности, на которых лицо могло находиться только в связи с наличием у него определенного звания. Вместе с тем вряд ли можно утверждать, что это наказание состоит в аннулировании юридически закрепленных заслуг лица, поскольку лицо лишается звания на будущее, в то время как его заслуги, в том числе юридически закрепленные, принадлежат прошлому. Кроме того, на наш взгляд, нельзя относить к сущности этого наказания причинение осужденному моральных переживаний, поскольку такие переживания в той или иной мере причиняет любой вид наказания, некоторые даже в значительно большем объеме, чем лишение звания. В связи с этим более предпочтительным считаем суж-

дение А.А. Пинаева: «Карательная сторона этого наказания заключается в профессиональных ограничениях осужденного, поскольку в результате этого он может лишиться работы или права поступить на определенную работу, доплат к заработной плате, профессиональной пенсии и так далее» [2, с. 358].

Таким образом, главным среди правоограничений, входящих в содержание лишения звания, является ограничение права на труд, проявляющееся в том, что лицо, лишенное звания, утрачивает возможность занимать должность или заниматься деятельностью, для которой наличие такого звания является обязательным. Следует отметить, что в отдельных случаях данное правоограничение может быть несколько условным, когда звания лишается лицо, уже не занимающееся тем видом деятельности, для которого такое звание необходимо, и не могущее им заниматься (например, в силу достижения определенного возраста). В подобных случаях на первое место выходят иные правоограничения, которые содержит в себе данный вид наказания.

В частности, существенное место в содержании этого наказания занимает ограничение права собственности, которое может проявляться как в лишении осужденного возможности получать доходы, которые он получал в связи с наличием звания (заработная плата, денежное довольствие, пенсия, доплаты и тому подобное), так и в появлении у него необходимости нести дополнительные расходы, от которых он ранее был освобожден (льготы по налогам, бесплатное медицинское или иное обслуживание и тому подобное). Это в свою очередь способно повлечь за собой целый комплекс иных правоограничений.

С учетом изложенного *лишение звания можно определить как наказание, состоящее в ограничении права осужденного на пользование благами, предоставляемыми лицу, имеющему определенное воинское, специальное звание, ранг, чин или квалификационный класс.*

Уникальность данного вида наказания состоит в том, что оно не

имеет четко выраженного в законе размера. Суд лишает осужденного звания, не устанавливая какой-либо срок, по истечении которого он будет восстановлен в прежнем воинском, специальном звании, ранге чине или квалификационном классе. В связи с этим часто полагают, что лишение звания относится к бессрочным наказаниям, поэтому, очевидно, следует сделать вывод, что оно (наказание) отбывается лицом пожизненно. Однако этот не так. Лишение звания является одноактным наказанием, которое отбывается (реализуется) самим фактом снятия с осужденного воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса, которым он обладал до осуждения. Если считать, что лишение звания исполняется бессрочно, то следует признать, что лицо, осужденное к нему, подобно осужденному к пожизненному лишению свободы, пожизненно находится в состоянии судимости, поскольку сроки погашения судимости в силу ч. 1 ст. 90 УК Украины не могут начаться до полного исполнения основного и дополнительного наказания. Лишение же звания по своей природе подобно штрафу и конфискации имущества: они исполняются одноактно.

Поэтому точно так же, как лицо на законных основаниях может вновь приобрести ранее конфискованное у него имущество, так и после исполнения лишения звания лицо может претендовать на восстановление его в том же звании при условии выполнения всех требований, установленных законодательством для получения соответствующего звания. Например, если в мирное время офицер по приговору суда лишен воинского звания, это отнюдь не препятствует ему в военное время при выполнении всех установленных требований и при соблюдении надлежащей процедуры вновь претендовать на присвоение соответствующего звания.

Круг лиц, к которым применяется лишение звания, прямо назван в ст. 54 УК Украины: данное наказание применимо лишь к лицам, имеющим воинское, специальное звание, ранг, чин или квалификационный класс.

Таким образом, это специальный вид наказания, применимый только к лицу, которое «на момент постановления приговора имело воинское, специальное звание, ранг, чин или квалификационный класс, которые были присвоены ему в установленном законом порядке» [3, с. 197].

В соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 92 Конституции Украины воинские звания, дипломатические ранги и иные специальные звания определяются исключительно законами Украины. Несмотря на отсутствие в этом конституционном положении указания на чины и квалификационные классы, есть основания полагать, что они также должны устанавливаться исключительно законами Украины. Этот вывод объясняется прежде всего тем, что по своему существу чины и квалификационные классы близки к упомянутым в Конституции Украины воинским, специальным званиям и дипломатическим рангам. Кроме того, слова Конституции Украины «дипломатические ранги и иные специальные звания» дают основания для вывода о широком понимании в ней «специальных званий», которыми охватывается также категория «дипломатических рангов». Продолжая такую логику Конституции Украины, вполне можно предположить, что под «иными специальными званиями» ее создатели понимали и чины, и квалификационные классы.

Однако реальное состояние действующего законодательства Украины не в полной мере соответствует конституционным требованиям о том, что все звания должны устанавливаться исключительно законами Украины, поскольку специальные звания сотрудников органов внутренних дел установлены постановлением Кабинета Министров Украинской ССР, квалификационные классы судебных экспертов – приказами Министерства охраны здоровья Украины и Министерства юстиции Украины. В связи с этим возникают два вопроса: о конституционности присвоения званий сотрудникам милиции и квалификационных классов судебным экспертам и о возможности лишения данных лиц их специальных званий и квалификационных

классов, присвоенных им не на основании закона. Оставляя первый вопрос для разрешения компетентными государственными органами, в отношении второго отметим, что, на наш взгляд, лишать таких званий в порядке применения анализируемого вида наказания можно.

Таким образом, лишение звания как вид наказания может применяться только к лицу, имеющему воинское или специальное звание, ранг, чин или квалификационный класс, установленный законом Украины (как того требует Конституция Украины) либо законодательством Украины (как оно есть на самом деле). К таковым, в частности, относятся охарактеризованные далее лица, имеющие звания и чины.

1. Воинские звания, то есть военнотрудовые Вооруженных Сил Украины и иных созданных в соответствии с законами Украины воинских формирований, а также правоохранительных органов специального назначения и Государственной специальной службы транспорта Украины.

2. Специальные звания, которые присваиваются сотрудникам некоторых органов государственной власти на основании специальных актов законодательства. Нормативного акта, который устанавливал бы полный перечень органов, сотрудникам которых присваиваются специальные звания, в настоящий момент в Украине нет. На основе анализа всей системы законодательства нам удалось установить, что специальные звания присваиваются таким категориям сотрудников:

а) лицам, состоящим на службе в органах внутренних дел, в том числе в милиции;

б) должностным лицам органов Государственной фискальной службы Украины, в том числе лицам, принятым на службу в налоговую милицию;

в) лицам начальствующего состава Национального антикоррупционного бюро Украины;

г) лицам рядового и начальственного состава уголовно-исполнительной службы;

д) лицам, проходящим службу гражданской защиты.

Не имеют специальных званий сотрудники отдельных государственных органов и учреждений, которые носят форменную одежду со знаками различия (кокарды, погоны, петлицы, шевроны и тому подобное), *отражающими занимаемую лицом должность*. К таким относятся сотрудники органов охраны природно-заповедного фонда, лесной охраны, рыбного хозяйства, угольной промышленности, гражданской авиации, морского, речного и железнодорожного транспорта, метрополитена и некоторые другие. Соответственно, лишить их отсутствующего специального звания невозможно.

3. *Ранги* государственных служащих, лиц, проходящих службу в органах местного самоуправления, а также дипломатические ранги лиц, находящихся на дипломатической службе.

4. *Классные чины* сотрудников прокуратуры.

5. *Квалификационные классы*, которые присваиваются судебным экспертам.

Таким образом, данное наказание подлежит применению только к лицам, находящимся в одном или нескольких из перечисленных выше воинских или специальных званиях, рангах, чинах или квалификационных классах. Суд имеет полномочия лишить даже тех высших званий, рангов или чинов, которые в соответствии с п. 24 ч. 1 ст. 106 Конституции Украины может присвоить только Президент Украины. Неоднозначным является вопрос о возможности лишения лица самых низших из этих званий (например, воинских званий «солдат» и «матрос», специального звания «рядовой милиции», прокурорского чина «юрист 3 класса» и так далее). На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть дифференцированным. В отношении специальных званий, рангов, чинов и квалификационных классов следует допускать возможность лишения, в том числе и низших из них, поскольку даже низшие специальные звания, ранги, чины и квалификационные классы уже дают возможность на занятие соответствующей должности и получение полагаемых согласно ей льгот и привиле-

гий. Низшие же воинские звания («солдат» и «матрос») никаких прав, льгот и привилегий не дают. Поэтому и лишать их нет необходимости.

Не являются воинскими или специальными званиями, рангами, чинами либо квалификационными классами (следовательно, лица, имеющие их, не могут быть их лишены в порядке уголовного наказания) такие звания и классы:

1) звания, являющиеся государственными наградами Украины: Герой Украины, Мать-героиня, звания «Народного» и «Заслуженного» деятелей в определенных отраслях (например, Народный художник Украины, Заслуженный юрист Украины и тому подобное);

2) звания, являющиеся государственными наградами иных государств, в том числе бывшего СССР: Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, Народный артист Республики Беларусь и тому подобное;

3) научные степени доктора философии (кандидата наук) и доктора наук;

4) ученые звания старшего исследователя, доцента и профессора;

5) академические звания действительного члена (академика) и члена-корреспондента академий наук, причем как украинских, так и зарубежных, как государственных, так и негосударственных;

6) спортивные разряды (первый, второй, третий) и звания (мастер спорта, мастер спорта международного класса, заслуженный мастер спорта, гроссмейстер и тому подобное);

7) звания, классы и разряды, подтверждающие уровень профессионального мастерства человека (например, учитель высшей категории, водитель первого класса, слесарь шестого разряда и тому подобное);

8) «звания», устанавливаемые в частных охранных предприятиях и подразделениях и подобных структурах.

Поскольку лишением воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса может быть только лицо, которому они были присвоены в установленном законодательством порядке, то не

могут быть приговорены к данному наказанию такие лица:

1) лица, которым звание было присвоено с нарушением установленного законом порядка. Если в ходе рассмотрения уголовного дела будет установлено, что звание было присвоено подсудимому с нарушением законодательства, суд должен обратить внимание компетентного государственного органа на необходимость аннулирования решения о присвоении звания как незаконного;

2) лица, которые присвоили себе звания самовольно. При установлении в судебном заседании данного факта прокурор должен решать вопрос об открытии уголовного производства по ст. 353 УК Украины.

Особенности назначения лишения звания обуславливаются тем, что этот вид наказания в санкциях не предусматривается. Поэтому он всегда назначается исключительно на основании ст. 54 УК Украины, в соответствии с которой суд имеет право (но не обязан) при осуждении лица за тяжкое или особо тяжкое преступление назначить ему лишение звания как дополнительное наказание. В то же время законодатель не обязал суд лишать звания всякого, совершившего любое тяжкое или особо тяжкое преступление, а лишь предоставил ему такое право. В связи с этим возникает вопрос: что же должен принять во внимание суд и чем он должен руководствоваться, назначая или не назначая это наказание? По мнению некоторых исследователей, лишение звания может назначаться судом независимо от того, связано ли совершенное преступление с использованием осужденным своего звания [4, с. 394]. На наш взгляд, суд, решая вопрос о возможности назначения данного вида наказания, должен учитывать индивидуальные особенности личности виновного и то, как повлияло совершенное им преступление на авторитет имеющегося у него звания. Если виновный фактом совершения преступления продемонстрировал свою недостойность тому званию, которое он имеет, подорвал авторитет службы, которую он проходит, суд должен склоняться к выводу о необходимости лишения его

звания. В любом случае решение суда о применении этого вида наказания должно отдельно мотивироваться в приговоре с изложением аргументов, свидетельствующих о необходимости лишения виновного соответствующего звания.

Возможность назначения лишения звания не зависит от вида основного наказания, которое назначается осужденному. Исключение из этого правила составляет лишь назначение такого наказания, отбывать которое лицо может, только находясь в определенном звании. Фактически к такому относятся лишь служебные ограничения, назначаемые лицу, имеющему звание не ниже старшего солдата (старшего матроса). В таких случаях эти наказания сочетать нельзя, поскольку они будут отрицать друг друга: отбывать служебные ограничения лицо должно в той же должности и в том же звании, в которых оно находилось на момент осуждения. Не исключено назначение лишения звания как дополнительного наказания к содержанию в дисциплинарном батальоне, если к нему осуждается военнослужащий срочной службы в звании не ниже старшего солдата (старшего матроса). В таком случае данное лицо будет отбывать основное наказание в звании солдата (матроса).

Выводы. Изложенное позволяет заключить, что лишение звания как вид наказания согласно уголовному праву Украины охватывает своим содержанием возможность аннулирования судом имеющегося у виновного воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса, которое было присвоено ему в соответствии с законодательством Украины. Поскольку данный вид наказания не устанавливается в санкциях статей Особенной части УК Украины, его назначение должно иметь особую мотивировку в приговоре суда.

Список использованной литературы:

1. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / [Ю.В. Александров, П.П. Андрушко, В.І. Антипов та ін.] ; відп. ред.

С.С. Яценко. – 4-те вид., перероб. і доп. – К. : А.С.К., 2005. – 848 с.

2. Пинаев А.А. Курс лекцій по Общій часті уголовного права України / А.А. Пинаев. – Х. : Харьков юридический, 2002. – 358 с.

3. Кримінальний кодекс України : [наук.-практ. коментар] / [Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, С.Б. Гавриш та ін.] ; за заг. ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – 4-те вид., доп. – Х. : Одіссей, 2008. – 1208 с.

4. Марченко Н.В. Про практику призначення додаткових видів покарань / Н.В. Марченко // Від громадянського суспільства – до правової держави : тези II Міжнар. наук.-практ. конф. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. – С. 390–394.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ (ОБВИНЯЕМЫЙ) КАК СУБЪЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена РОМЦИВ,

соискатель кафедры уголовного права и процесса
Учебно-научного института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

Summary

The article explores the complex of the personal, professional and other characteristics of the suspect as the most interested and active subject of counteraction to investigation of crimes in the area of performance management, set a goal and motives of such illegal behavior, as well as conditions for the realization of the subject of countering opportunities to implement actions aimed at achieving its objectives. Reasonably partial formal and declarative adversarial principle in criminal proceedings in Ukraine, in particular equality of the parties of criminal proceedings. Analyzed the practical activities of law enforcement agencies in the investigation of crimes of this category and the main types of counteraction to investigation by the suspect, analyzed the goals, motives such unlawful activities, the basic types of counteraction to investigation by the suspect.

Key words: fight against the suspect, performance management, investigation, criminal proceedings.

Аннотация

В статье подробно проанализированы личностные, профессиональные и другие характеристики подозреваемого как наиболее заинтересованного и активного субъекта противодействия расследованию преступлений в сфере служебной деятельности, установлено цель и мотивы такого противоправного поведения, а также условия реализации возможностей субъекта противодействия по осуществлению действий, направленных на достижение его целей. Обосновано частичную формальность и декларативность принципа состязательности в уголовном процессе Украины, в частности равноправия сторон уголовного производства. Проанализирована практическая деятельность правоохранительных органов по вопросам расследования преступлений данной категории, и определены основные виды противодействия расследованию со стороны подозреваемого.

Ключевые слова: противодействие, подозреваемый, служебная деятельность, расследование, уголовное производство.

Постановка проблемы. В последние годы правоохранительные органы Украины при расследовании преступлений в сфере служебной деятельности все чаще сталкиваются с целенаправленным, заранее спланированным противодействием со стороны различных участников уголовного процесса, особенно со стороны подозреваемого (обвиняемого). Возможность применения самых разнообразных видов противодействия благодаря своему служебному положению, использование коррумпированных связей с должностными лицами в правоохранительных органах, а также отсутствие практики применения нововведений Уголовного процессуально кодекса Украины (далее – УПК Украины) создают существенные проблемы во время досудебного расследования преступлений данной категории. Поэтому существует теоретическая и практическая необходимость тщательного изучения данного вопроса.

Состояние исследования. Анализ литературных источников свидетельствует о том, что различные аспекты противодействия расследованию преступлений были предметом научных

исследований многих украинских и зарубежных ученых: Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, С.Ю. Журавлева, Г.Г. Зуйкова, В.М. Карагодина, А.М. Кустова, А.В. Дульная, Э.У. Бабаевой, В.А. Образцова, А.В. Александренко, М.В. Данышина, Р.М. Шехавцова, А.Ф. Волобуева, В.П. Корж, В.Ю. Шепитько, Ю. А. Федоренко, А.В. Александренко, В.Б. Щура и др. Этими авторами проведены важные теоретические исследования, собрано и проанализировано большое количество эмпирического материала. Однако, принимая во внимание важность и сложность исследуемой проблемы, следует отметить, что она остается очень актуальной.

Целью статьи является определение характерных особенностей статуса подозреваемого (обвиняемого) в служебных преступлениях и их значения для предупреждения и нейтрализации мер противодействия расследованию со стороны данных субъектов.

Изложение основного материала. Степень активности каждого субъекта противодействия напрямую зависит от его заинтересованности в результатах расследования. Логично, что лица,

наиболее заинтересованные в смягчении наказания или уклонении от ответственности, будут более активно противодействовать следствию, чем лица, не имеющие интереса в данном уголовном деле. Учитывая это, вполне понятно, что «главным субъектом, препятствующим быстрому, полному и беспристрастному расследованию, прежде всего является личность преступника – центральный фигурант всех наук криминального профиля» [1, с. 81]. Ведь подозреваемые (обвиняемые) – это лица, которые обладают наиболее полной и достоверной информацией о событии преступления и как никто другой заинтересованы в уклонении от уголовной ответственности. Они также обладают наиболее сильной мотивационной базой, а следовательно, проявляют особую активность в противодействии расследованию преступлений [2, с. 47].

Расследуя преступления в сфере служебной деятельности, для эффективного преодоления противодействия со стороны подозреваемого (обвиняемого) следователю необходимо учитывать определенные особенности субъекта этих преступлений. В частности,

данные лица, являясь представителями власти, выполняя организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных органах и учреждениях, очень часто имеют возможность в целях воздействия на органы следствия и суда использовать не только подчиненный административный ресурс, но и вверенные в их распоряжение материальные средства. Кроме того, наличие влиятельных квалифицированных защитников и широкий круг связей среди чиновников разных уровней позволяет беспрепятственно осуществлять противодействие расследованию преступлений.

Как метко заметил А.Н. Халиков, органы власти, в первую очередь правоохранительные органы, располагают большими властными, оперативноразведывательными, техническими и информационными возможностями, с помощью которых они могут быть в курсе всех проводимых следователем и оперативными работниками действий по разоблачению виновных лиц, оказывая на них противоправное влияние. Знание оперативной и следственной тактики сослуживцами преступника, имеющиеся у них личные и служебные связи среди оперативных, следственных и судебных работников позволяют оказывать непосредственное давление на самого следователя, оперативных работников, а в последующем и на суд [3, с. 336].

Важными для процесса расследования вообще и преодоления противодействия в частности являются также сведения, характеризующие личные качества должностного лица. Несмотря на то, что данные о личности преступника – предмет изучения криминологической науки, «они имеют и криминалистическое значение, поскольку криминалистика изучает те стороны личности преступника, которые полезны для получения необходимых данных для успешного раскрытия преступления, выбора и применения наиболее эффективных тактических приемов, а также для осуществления на преступника нужного воспитательного воздействия» [4, с. 12].

Анализируя уголовные дела о преступлениях в сфере служебной деятельности, можно сделать вывод, что большая часть лиц, совершающих

данные преступления – это мужчины, так как подавляющее большинство ответственных должностей занимают именно они. Однако удельный вес преступлений, совершённых женщинами, также велик. Их доля в 4–6 раз превышает общие тенденции этого показателя среди других видов преступлений. Это связано с подавляющим количеством женщин среди работников сферы хозяйственного управления, торговли, образования, медицинского и бытового обслуживания, где как раз и совершается большое количество преступлений данной категории.

Особенностью должностных преступлений является то, что их совершают лица в более зрелом возрасте, преимущественно старше 30 лет. Это люди с достаточно высоким образовательным и интеллектуальным уровнем, что объясняется характером служебной деятельности и особенностями должностей, которые они занимают [5, с. 67–68]. Как видим, спорным является тезис о том, что чем выше образовательный и культурный уровень населения, тем ниже уровень преступности. Кроме того, во многих случаях повышение профессионального уровня, которое требуется для эффективного выполнения должностных обязанностей, может иметь также негативные последствия: совершенствование способов совершения должностных преступлений, повышение характера и степени их общественной опасности. При этом в зависимости от должности, сферы деятельности, характера полномочий, уровня органа, в котором работает лицо, совершившее должностное преступление, напрямую зависит характер преступного деяния и его последствия, а также реальная возможность привлечения лица к ответственности. Ведь наличие властных полномочий даёт возможность не только злоупотреблять ими для удовлетворения личных потребностей, но и использовать их для защиты от действия закона, применения правоохранительными органами антикоррупционного законодательства в отношении него или других лиц. При этом чем выше занимаемая должность, тем больше возможностей у преступника для нейтрализации мер социального контроля [6].

А.К. Квициния выделяет три категории должностных лиц, которые

совершают преступления. Для первого типа служебного преступника характерно наличие, с одной стороны, социально полезной установки (субъективно на первый план выдвигаются действительно интересы дела), а с другой – объективно такие действия совершаются при несоблюдении норм законодательства, неоправданном риске, недобросовестном исполнении своих обязанностей. Второй тип – служащий-карьерист, которому важно только удержаться на занимаемой должности, а по возможности еще и продвинуться выше по служебной лестнице. Третий тип преступников имеет установку на получение от своей должности личной незаконной выгоды. Эти должностные лица стремятся создать для себя особые льготы и преимущества, заводят нужные для них личные «деловые» связи и совершают преступления, исходя из полезной или иной личной заинтересованности [7, с. 206].

Изучив судебно-следственную практику, приходим к выводу, что в сфере служебной деятельности совершаются преступления должностными лицами всех трех типов, но преобладают нарушители первой и третьей категорий.

Согласно отчету Министерства юстиции Украины в 2014 г. к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений всего было привлечено такое количество должностных лиц: должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления – 900 чел., органов внутренних дел – 380 чел., налоговых органов – 104 чел., таможенных органов – 86 чел., прокуратуры – 9 чел., СБУ – 12 чел., судебной ветви власти – 83 чел., а также 237 лиц, исполнявших должностные обязанности в других государственных органах [8]. Характерной особенностью является то, что большинство из них (55,6%) привлечены за взяточничество.

Всем им присущи высокий уровень приспособленности к различным социальным ситуациям и их изменениям; они лучше ориентируются в правовых нормах и требованиях, хорошо контролируют свое поведение. Им не свойственна агрессивность и импульсивность поведения, они коммуникабельны, способны эффективно устанавливать социальные контакты, у многих из

них наблюдаются стремление к лидерству, потребность в общественном признании. Их личностный профиль существенно не отличается от законопослушных граждан [5, с. 69–70]. Такие лица положительно характеризуются в обществе, ведут «достойный» образ жизни, занимаются благотворительностью, пользуются уважением граждан. Но, несмотря на это, они часто злоупотребляют предоставленными им полномочиями, принимают и сами дают взятки, а затем активно препятствуют расследованию с целью избежать уголовной ответственности.

По мнению Р.М. Шехавцова, потребность в противодействии расследованию – это психологическое состояние лица, выражающее его зависимость от конкретных условий и результатов совершения и расследования преступления, что побуждает его к активности [9, с. 46]. Существует мнение, что доминирующим мотивом противодействия расследованию преступлений, присущим всем субъектам, является страх во всех его проявлениях. Так, чувство страха у подозреваемого (обвиняемого) могут вызывать следующие обстоятельства:

- угроза уголовного наказания (особенно в виде лишения свободы);
- избрание меры пресечения заключения под стражу, в результате чего резко ухудшается уровень жизненного комфорта при специфических условиях содержания;
- угроза потери социальных позиций (репутация, принадлежность к определенной социальной группе, самооценка, жизненные планы и другие значительные ценности);
- привлечение к ответственности других соучастников;
- раскрытие других, еще не известных следствию преступлений подозреваемого, связанных с расследуемым преступлением и т. п.

Кроме страха, мотивами, вызывающими противодействие, могут быть польза и другие потребности, рассуждения [10, с. 33–34]:

- ставка на материальные выгоды после отбытия наказания или материальную поддержку семьи со стороны неразоблаченных соучастников;
- сокрытие похищенного, сохранение для себя и своей семьи материальных ценностей, полученных преступным путем;

– надежда на опровержение доказательств в ходе расследования дела и особенно при судебном разбирательстве;

– уверенность в том, что следствие не сможет доказать факт совершения преступления и вину и т. п.

Возможности субъекта противодействия по осуществлению действий, направленных на достижение его целей, предусматривают наличие следующих условий [2, с. 37]:

1) обладание информацией об обстоятельствах совершенного преступления, о психологических и моральных качествах объектов предполагаемого воздействия (свидетеля, потерпевшего, эксперта, оперативного работника и др.), о профессионализме и морально-психологических качествах следователя или лица, производящего дознание, о ходе расследования и дальнейших действиях лиц, его осуществляющих (не случайно противодействие расследованию рассматривается как борьба за информацию);

2) доступ к следам преступления, материалам уголовного дела, вещественным доказательствам (как непосредственно, так и через других лиц);

3) наличие различного рода связей с лицами, способными повлиять на ход и результаты расследования преступления (следователем, оперативным работником, прокурором, главой местной администрации, депутатами различного уровня и другими должностными лицами органов власти и управления), а также с их родственниками или близкими.

При расследовании преступлений в сфере служебной деятельности названные положения являются весьма актуальными, ведь совершенно ясно, что возможностей для осуществления противодействия расследованию у должностных лиц (особенно у руководителей) значительно больше, чем у преступников других категорий. Очень часто должностные лица, противодействуя следствию, рассчитывают на уклонение от наказания благодаря своему служебному положению и коррумпированным связям. То, что обычные преступники не могут осуществить без помощи членов преступной организации и коррумпированных представителей органов государственной власти, должностные лица имеют возмож-

ность осуществить самостоятельно, ведь сами часто являются представителями этих органов с соответствующими социальными связями. При этом у них есть широкие возможности использования для противодействия расследованию собственных служебных полномочий и разного рода личных связей (в том числе и коррупционного характера) с другими высокопоставленными должностными лицами [11, с. 215]. Также довольно часто в противодействие расследованию руководители пытаются «втянуть» все подчиненные им органы и должностных лиц, подконтрольные финансовые структуры, СМИ, а иногда и преступные группы. Осложняет ситуацию еще и то, что в данной категории уголовных производств к обвиняемым редко применяются меры, связанные с заключением под стражу, то есть они продолжают занимать свои должности, а следовательно, и противодействовать в течение всего процесса расследования дела.

Противодействие расследованию со стороны подозреваемого (обвиняемого) может выражаться как в неправомерных (незаконных), так и в правомерных (законных) действиях, которые одинаково препятствуют полному, быстрому и объективному расследованию преступления. К действиям неправомерного характера можно отнести фальсификацию и уничтожение документов, осуществление различного рода физического и психологического воздействия на потерпевших, их родственников, свидетелей, следователя и др. Правомерными считаются действия, которые осуществляются в рамках уголовно-процессуального законодательства, а именно: отказ от дачи показаний, дача ложных показаний, изменение показаний, подачи жалоб и ходатайств и тому подобное.

Как видим, подозреваемые (обвиняемые) – особая категория лиц, которые наделены правом вообще не давать показания в порядке самозащиты от уголовного преследования. И такие действия субъектов, если они не противоречат уголовно-процессуальному законодательству, не считаются противоправными, поскольку являются гарантией их права на защиту.

Такая позиция законодателя обусловлена тем, что перестройка уголовного процесса Украины в соответ-

ствии с европейскими стандартами требует не только совершенствования деятельности органов следствия, прокуратуры, адвокатуры, суда, но и расширения, соблюдения и защиты процессуальных прав участников процесса, в том числе и подозреваемых (обвиняемых). Именно поэтому УПК Украины одним из основных принципов уголовного производства определил принцип состязательности, согласно которому стороны пользуются равными правами и свободой в предоставлении доказательств, их исследовании и доказательстве их убедительности перед судом. Так, ст. 22 УПК Украины указывает на самостоятельное отстаивание стороной обвинения и стороной защиты их правовых позиций, прав, свобод и законных интересов средствами, предусмотренными УПК. Стороны уголовного производства имеют равные права на сбор и представление суду вещей, документов, других доказательств, ходатайств, жалоб, а также на реализацию других процессуальных прав, предусмотренных УПК Украины. В ходе уголовного производства функции государственного обвинения, защиты и судебного разбирательства не могут полагаться на один и тот же орган или должностное лицо [12].

Таким образом, разделив функции обвинения, защиты и правосудия, законодатель предоставил сторонам равные процессуальные права для отстаивания своей позиции и оспаривания позиции противоположной стороны, а также определил руководящее положение суда в уголовном процессе, предоставляя ему исключительное право принимать решения по делу, обязав при этом сохранять объективность и беспристрастность, создавать необходимые условия для реализации сторонами их уголовно-процессуального статуса.

Однако на сегодняшний день можно говорить лишь о формальном закреплении принципа состязательности и частичной декларативности его постулатов, ведь на практике отсутствуют реальные механизмы обеспечения равноправия сторон уголовного производства. Существенно отличаются по объему и содержанию возможности и способы получения доказательств каждой из них. Объем

полномочий участников процесса, их реальные процессуальные возможности влияния на ход расследования, участие в доказывании и отстаивании собственного процессуального интереса значительно преобладают в сторону обвинения.

Стороны не могут пользоваться равными процессуальными правами и выполнять те же процессуальные обязанности, иначе деятельность сторон была бы тождественной и дублировала друг друга, что противоречило бы самой сути состязательного производства. Однако недопустима и противоположная ситуация, когда одна из сторон имеет явные процессуальные преимущества, таким образом «обезоруживая» другую. Поэтому должен быть соблюден разумный баланс полномочий, когда сторона, не имея реального права осуществить по своему усмотрению определенное процессуальное действие, может компенсировать такой недостаток путём применения другого процессуального механизма [13].

Учитывая это, мы не поддерживаем мнение некоторых ученых (О.Л. Стулин, М.Г. Бушинская, В.П. Шыбики и др.), считающих, что расширение процессуальных возможностей стороны защиты при расследовании уголовного производства значительно затрудняет работу следователя, что следственная практика испытывает нарастающий дисбаланс в пользу обвиняемых, поскольку по мере расширения их прав сужается спектр возможностей следствия. Как отмечает А.Г. Яновская, в соответствии с ч. 2 ст. 22 УПК Украины соревновательное построение уголовного производства обеспечивает сторонам равные права на сбор и представление в суд доказательств. Однако на практике сторона защиты не будет находиться в равных условиях со стороной обвинения. Прямая зависимость стороны защиты от решения стороны обвинения о целесообразности проведения тех или иных процессуальных действий и явное несоответствие сроков реагирования судебного органа на обращение двух сторон при решении идентичных вопросов в процессе досудебного расследования свидетельствует об отсутствии равенства сторон и недостаточной процессуальной обеспеченности

основы состязательности в уголовном производстве [14]. То есть следователь, прокурор обладают более широким объемом полномочий, что дает им возможность контролировать и определять направленность производства, а реализация некоторых полномочий стороны защиты вообще зависит от процессуального усмотрения следователя, прокурора.

С другой стороны, то, что законодатель предоставил широкий круг правовых средств по защите прав и интересов, в частности, подозреваемого, обвиняемого, во многих случаях даже не ограничивая эти возможности, стало обратной стороной уголовного-процессуального принципа состязательности. У стороны защиты, которая руководствуется установкой «разрешено все то, что не запрещено законом», появились законные основания для деятельности, направленной на препятствование расследованию преступлений [15, с. 159–160]. Вследствие этого в научной литературе даже возникло такое понятие, как «правомерное, законное, легальное противодействие расследованию», которое, несмотря на определенную свою нелогичность, используется многими учеными (Э.У. Бабаева, О.Я. Баев, Ю.П. Гармаев и др.) и основывается на том, что в настоящее время уже нет необходимости применять «грязные» способы противодействия расследованию (шантаж, угрозы, физическое устранение свидетелей и потерпевших и т. д.). Избегать ответственности или смягчить наказание за совершенное преступление вполне возможно законными способами, особенно с помощью квалифицированного адвоката.

Действия подозреваемого (обвиняемого) по препятствованию расследованию преступления в сфере служебной деятельности характеризуются прежде всего сокрытием преступления и часто находят свое выражение в активном воздействии на всех участников уголовного процесса.

Согласно результатам исследований, проведенных Э.У. Бабаевой, П.В. Ильиным, В.В. Крюковым, Р.М. Шехавцовым, а также на основании анкетирования, проведенного нами, можно сделать вывод, что наиболее распространенными видами

противодействия расследованию преступлений в сфере служебной деятельности, осуществляемых подозреваемым (обвиняемым), являются такие: отказ давать показания, отказ от прежних показаний, в которых подозреваемый признает свою вину, изменение показаний, дача заведомо ложных показаний, фальсификация документов, сокрытие документов, преклонение потерпевшего, свидетелей к отказу от предыдущих показаний или к даче ложных показаний (отметили 52% респондентов); склонение следователя к принятию незаконного решения или законного, но более мягкого решения (34%); предоставление в различные инстанции необоснованных жалоб, заявлений и ходатайств (62%); невыполнение требований следователя (21%) и др.

Следует отметить, что подозреваемые (обвиняемые) в служебных преступлениях, как правило, являются лицами с достаточно высоким уровнем профессионального опыта и интеллекта, а также широким кругом служебных коррумпированных связей и в зависимости от конкретной ситуации способны применять самые разнообразные приемы и способы препятствования следствию. На наш взгляд, приведенный перечень видов противодействия не является исчерпывающим, и в практике расследования встречаются и другие виды препятствования расследованию преступлений в сфере служебной деятельности со стороны подозреваемого, что станет предметом наших дальнейших исследований.

Выводы. Подозреваемый (обвиняемый) в должностных преступлениях является наиболее заинтересованным лицом, а следовательно, и активным субъектом противодействия. Поэтому изучение присущих ему особенностей и характеристик позволяет следователю своевременно и адекватно реагировать на поведение данного субъекта, в том числе и относительно препятствования расследованию и раскрытию преступлений. Выяснение возможностей подозреваемого (обвиняемого) в противодействии следствию имеет важное значение для разработки комплекса мер по их предупреждению и нейтрализации, что в свою очередь является научной основой разработки

тактики их преодоления и соответствующих методических рекомендаций по прекращению и профилактике противоправного влияния на процесс расследования преступлений в сфере служебной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Давиденко В.С. Проблемы преодоления протидії розкриттю та розслідуванню протиправного заволодіння військовим майном військовими службовими особами / В.С. Давиденко // Наше право. – 2013. – № 10. – С. 81–85.

2. Федоренко А.Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / А.Ю. Федоренко – М., 2001. – 213 с.

3. Халиков А.Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений (криминалистический аспект) : дисс. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.09 / А.Н. Халиков. – Уфа, 2011. – 538 с.

4. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий / Ф.В. Глазырин. – Свердловск : Свердлов. юрид. ин-т, 1973. – 156 с.

5. Ромців О.І. Характеристика осіб, що вчиняють посадові злочини / О.І. Ромців // Митна справа. – 2013. – № 5. – Ч. 2. – Кн. 2. – С. 66–72.

6. Мельник М.М. Кримінологічна характеристика особи корупціонера / М.М. Мельник [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.naiu.kiev.ua/tslc/pages/biblio/visnik/2002_2/melnik.htm.

7. Квициния А.К. Должностные преступления / А.К. Квициния. – М. : Рос. право, 1992. – 221 с.

8. Звіт про результати проведення заходів щодо запобігання і протидії корупції у 2013 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.minjust.gov.ua/file/36531>.

9. Шехавцов Р.М. Форми та способи протидії розслідуванню злочинів і засоби їх подолання (за матеріалами кримінальних справ про вимагання, вчинені організованими групами, злочинними організаціями) : дисс. ... канд.

юрид. наук : спец. 12.00.09 / Р.М. Шехавцов – Луганськ, 2003. – 238 с.

10. Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / О.Л. Стулин. – СПб., 1999. – 170 с.

11. Степанюк Р.Л. Подолання протидії розслідуванню злочинів, пов'язаних з порушеннями бюджетного законодавства / Р.Л. Степанюк // Вісник Запорізького юридичного інституту. – Запоріжжя, 2002. – № 2(19). – С. 213–221.

12. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/page2>.

13. Крикливец Д.Є. Втілення змагальної моделі кримінального судочинства у Кримінальному процесуальному кодексі України / Д.Є. Крикливец [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pap.in.ua/3-1_2013/9/Krykluvets%20D.Ye.pdf.

14. Яновська О.Г. Змагальність як засада кримінального провадження за новим Кримінальним процесуальним кодексом України / О.Г. Яновська [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nsj.gov.ua/training/judges/kpk4>.

15. Крюков В.В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / В.В. Крюков. – Челябинск, 2011. – 208 с.

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА КАК ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Михаил СЕРЕБРО,

аспирант кафедры теории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The role of image in the perception of the state was studied at the article. Special attention was paid to the process of constructing of the image of the modern state, which can be introduced as a legitimate form of its perception at the social level. The image of the modern state was proposed to consider as the value-normative model, which consists of corresponding values. The person was established as the central value in this system. Value content of base ideas of the modern state was analyzed: human rights, rule of law and institutional organization, they are associated with the image of the modern state. Modern declaration of the supremacy of the individual value was evaluated as pessimistically, the need of understanding the critical role of collectivity as the basis and the part of essence of the state was noted.

Key words: image, image of the modern state, value, value normative model.

Аннотация

Статья посвящена исследованию образного восприятия государства. Акцентируется внимание на конструировании образа современного государства как определенной легитимизированной формы его восприятия на уровне сознания общества. Предлагается рассматривать образ современного государства как ценностно-нормативную модель, которая несет в себе соответствующие ей ценности, при этом центральной в этой системе определена именно личность. Анализируется ценностное содержание идей прав человека и правозаконности, а также институциональной организации современного государства, которые ассоциируются в первую очередь с исследуемым образом. Пессимистически оценивается верховенство ценности индивида в государстве, указывается на необходимость понимания важнейшей роли коллективности как основы и части сущности государства.

Ключевые слова: образ, образ современного государства, ценность, ценностно-нормативная модель.

Постановка проблемы. Государство является одним из древнейших и самых развитых институтов общества и вместе с тем отдельной философской и научной проблемой, которая в течение нескольких тысячелетий вызывает интерес у мыслителей, ученых и общественно-политических деятелей. Именно многогранность, неразрывная связь с жизнью каждого отдельного индивида и всего общества, динамическое развитие и изменение ставят ее на одно из ведущих мест в сфере общественных наук.

Современное развитие общетеоретической юриспруденции характеризуется тенденциями юридизации смежных научных сфер. Так, глубоко эвристическими в сфере государствоведения оказываются исследования, граничащие с социологией, политологией и даже психологией. Именно в рамках такого сотрудничества государство рассматривается не только как эмпирическая данность в форме единства территории, населения и власти, но и как определенный образ на уровне индивидуального или даже группового сознания. В свою очередь образ современного государства несет в себе те ценностные характеристики, которые соответствуют вызовам времени, что

требует систематического научного осмысления для лучшего понимания путей преодоления кризиса государства и повышения уровня его легитимности.

Состояние исследования. Первенство в использовании категории «образ» по отношению к государству принадлежит К. Боулдингу, который применил ее при анализе международных отношений для объяснения причин враждебности между государствами. Исследованию образа современного государства были посвящены работы М.В. Елизарова, И.Ю. Киселева, Ю.М. Оборотова, В.Е. Чиркина и др. Также к анализу ценностной стороны современной государственности обращались Л.С. Мамут, М.М. Марченко, П.М. Рабинович и др. Однако, несмотря на наличие наработок в этой сфере, без внимания остается проблема системного понимания сферы ценностей, которую несет в себе образ современного государства.

Целью статьи является исследование образа современного государства и сферы базовых ценностей, соответствующей ему.

Изложение основного материала. Образное мышление – один из важнейших и древнейших способов человеческого познания. В отличие от

логического, которое представляет мир с позиций объективного содержания, образно-символическое мышление отражает его с позиций оценочного отношения к нему, которое формируется, проходя сквозь призму ценностных ориентаций личности.

Конструирование образа является результатом активного и целенаправленного процесса решения определенной познавательной задачи, что позволяет констатировать особую значимость образного мышления для юридической науки, в особенности для теоретического государствоведения, ведь взаимоотношения личности и государства неразрывно связаны с существующим в сознании людей образом государства, элементами которого является представление о целях его существования, основных направлениях внутренней и внешней политики, условиях функционирования, оптимальных моделях взаимодействия с гражданами и т. д.

По сути любая конкретная теория государства – это сложный рациональный образ феномена, называемого государством, который в свою очередь представляет собой совокупность ассоциативных суждений и оценочных характеристик, дающих

возможность на идеологическом уровне связать социально-политическую сущность государства с его формально-юридическими параметрами. Так, Ю.Н. Оборотов утверждает, что «категория образа государства уже достаточно давно проникла в отечественную юриспруденцию именно из марксистско-ленинского учения о типах государства (рабовладельческом, феодальном, буржуазном, социалистическом), где вся конструкция образов государства выстроена для обозначения, с одной стороны, прогресса в развитии государства, а с другой – его движения к безгосударственному обществу» [9, с. 4].

Также в таком ключе следует вспомнить о распространенности образов государства не только в сфере рационального (научного) его восприятия, но и эмоционального (эстетического). Хрестоматийным примером здесь может выступать труд Т. Гоббса «Левиафан», также интересными являются образ Города Солнца Т. Кампанеллы и образ Единого Государства Е. Замятин, которые отражают общие представления и отношение авторов к институту государства.

Однако следует заметить, что образное мышление в государствоведении имеет свои специфические пределы, в этой связи следует согласиться с рядом замечаний, сделанных Л.С. Мамутом, который отмечает, что образ государства был и остается значимым феноменом как в индивидуальном, так и массовом политическом сознании и этот феномен должен рассматриваться в разумных измерениях и соответствующих пространственно-временных координатах [7, с. 85]. В свою очередь М.М. Марченко акцентирует внимание на том, что «неоднозначность восприятия государства обусловлена прежде всего самим временем, в рамках которого оно возникает и развивается, а соответственно, уровнем развития общества, общественного сознания и мышления» [8, с. 124].

Учитывая такое большое значение именно темпоральных характеристик в содержательном наполнении образа, нужно обратиться к категории «современности». Традиция ее использования имеет два направления: во-первых, это временная характеристика, а во-вторых, это характеристика качества, то есть соответствия требованиям кон-

кретной эпохи. Так, сегодня достаточно распространенным оказывается образ современного государства, который не только пассивно формируется в сознании индивида и общества в целом, но и активно выстраивается самим государством, которое для этого в первую очередь использует средства массовой информации.

Исторически понятие современного государства состоит и эволюционирует неразрывно с понятием государства как такового. С представлениями мыслителей об идеальных формах государственной организации меняется и понимание феномена «современное государство». Но данная концепция является своего рода собирательным образом, так как каждое политико-правовое учение стремится создать идеальную теоретическую модель современной государственности.

Этот образ рассматривается в рамках процесса течения времени и способствует яркому представлению в нем соответствующих ценностей прошлого, настоящего и будущего. Как отмечает Ю.Н. Оборотов, «именно с помощью образа современного государства преодолеваются и систематизируются уже долгие годы используемые идеалы демократического, правового и социального государства» [9, с. 5]. Именно в этом образе заметно стремление подчеркнуть соответствие существующего государства определенным нормативам, принятым сегодня мировым сообществом, в качестве которых выступают так называемые общечеловеческие ценности [13, с. 7].

Интересным оказывается и сам процесс формирования образа современного государства, ведь, бесспорно, в силу различных ментальных, исторических, географических особенностей все государства разные, но, по словам В.Ф. Ломова, который изучал образное мышление в сфере представлений о сложных инженерных машинах (с которыми часто ассоциируется государство), при переходе от восприятия к представлению структура образа меняется в сторону обобщения и систематизации, в представлении одни признаки редуцируются или вообще отвергаются как избыточные, другие же, выделенные в результате различия и отбора, а также те, что несут наиболее значимую информацию, сохраняются и даже под-

черкиваются. В этом заключается «экономный способ сохранения максимума информации о воспринятом объекте» [6, с. 243]. Такой процесс обобщения в образе современного государства ведет к формированию систематизированной ценностно-нормативной модели, подходящей именно данному образу, который по своей сути постулирует ценности классической либеральной доктрины: индивидуализм, подчиненность интересов государства интересам личности, доминирование частного блага над общим и др. Теоретики либерализма, например И. Бентам и Г. Спенсер, выходят из положения о том, что в проблеме «человек – государство» ведущее место занимает человек, а государство существует именно для человека. Иначе говоря, человек – это высшая самодостаточная ценность, а государство – механизм ее реализации, а поэтому сугубо инструментальная ценность.

В последние два десятилетия складывается новое общество, создается новое государство. Вместо прежних принципов тоталитарного социализма (огосударствление экономики, руководящая роль коммунистической партии, обязательная идеология и др.) утвердились общечеловеческие ценности. В книгах, статьях, выступлениях публицистов, некоторых общественных и государственных деятелей говорится о священной неприкосновенности частной собственности, о невмешательстве современного государства в дела общества, о свободной рыночной экономике, гражданском обществе, приоритете личных прав человека и др. [12, с. 5]. В таких тенденциях прослеживается так называемое человеческое измерение бытия образа современной государственности [10, с. 13]. Целесообразно здесь вспомнить и стремление Украины соответствовать такому образу. Так, в ст. 3 Конституции Украины указывается на то, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине высшей социальной ценностью [4].

Постановка индивида в центр ценностной сферы в образе современного государства – это необходимость, вызванная тотальной потерей государствами своего авторитета. Конечно, провозглашение индивидуального ин-

тереса выше коллективного является иллюзией, которую современные государства должны поддерживать для сохранения легитимности своей власти, ведь времена изменились: глобализация бросила вызов неподвижному до сих пор постулату о всемогуществе государства и необходимости служения ему, ведь появилось главное – право выбора. По словам Р. Инглхарта, ценностный сдвиг обозначен как синдром человеческого развития; ключевым здесь становится рост возможностей человеческого выбора в силу гарантий прав именно индивидуального выбора, которые предоставляет современная демократия [3, с. 28]. Возможность выбирать все сегодня становится возможностью выбора даже Родины, идея которой, кстати, является ключевой в образе национального государства, которое сегодня является скорее частью прошлого, чем настоящего.

Увеличение внешней миграции в сторону так называемых «западных стран» говорит о привлекательности именно ценностей их образца, которые становятся доминирующими и находят свое выражение в государственно-правовых проявлениях. Ключевым в этом процессе является активный рост консьюмеристских взглядов на все, в том числе и на государство: современный человек противопоставляет собственный суверенитет суверенитету государства, и следует признать, что государство здесь проигрывает и вынуждено объявлять ценность интересов личности как цель своего существования. Только путем таких уступок оно может сохранять свою власть и ее легитимность, которая, кстати, по утверждению А. Г. Данильяна, является определяющей при характеристике ценностного содержания государства, «поскольку государственная власть воспринимается как справедливая и правомерная, то признание легитимности власти – не что иное, как свидетельство ценностного содержания государства для населения» [11, ч. 302].

Кроме индивида как концептуального элемента аксиосферы, которую несет в себе образ современного государства, содержатся и другие ценности, направленные по сути своей на «обслуживание» вышеназванной. Такими ценностями в первую очередь являются права и свободы человека,

правозаконность, а также наличие ответствующих институтов, направленных на их реализацию.

Центрирование индивидуальности в ценностной системе образа современного государства требует обеспечения такого путем предоставления личности определенной свободы действий, которая и обеспечивается наличием соответствующих прав. Сама эта идея является не новой, достаточно вспомнить Декларацию прав и свобод человека и гражданина 1789 г., но в образе современного государства они приобретают свое новое развитие. Так, базовые три поколения прав человека получают свое продолжение в развертывании системы прав человека четвертого поколения. Интересным представляется и тот факт, что права человека как концепция, которая должна противостоять произволу государства, в образе современного государства становится неотделимой от него же, ведь развитие современных представлений о них сталкивается с необходимым участием государства, которое должно их обеспечивать, какими бы «естественными» они не были бы. Здесь в данном образе прослеживается стремление получить роль не руководителя, против которого надо бороться, обращаясь к идеалистическим концепциям, а партнера, к которому стоит лишь обратиться и получить гораздо больше возможностей, чем только те, которые гарантированы природой.

Формирование ценности следующего порядка в образе современного государства также является необходимостью и залогом его выживания. Длительный период борьбы с неконтролируемостью, произволом и непредсказуемостью государственного механизма привел к формированию идеи законности как основы его деятельности, но в последующем оказалось, что сам по себе закон далеко не всегда может быть справедливым, а следовательно, и правовым. Образ современного государства пытается убедить человека в том, что все принятые законы являются взвешенными не только с формально-процедурной точки зрения, но и с правовой, когда они оцениваются в первую очередь сквозь призму прав человека и всеобщей справедливости. По утверждению А.Ф. Крыжановского, в современном государстве закон по от-

ношению к праву выступает в качестве наиболее адекватной формы его выражения, правозаконность же является наиболее адекватной формой установления правопорядка. Автор подчеркивает, что правозаконность в полном объеме может существовать только при демократических правовых режимах, которые могут обеспечить принятие законов, адекватных сущности права [5, с. 301].

Большое значение для формирования рассматриваемого нами образа имеет и соответствующая институциональная организация государства. Прошли те времена, когда составляющая государства ограничивалась правителем, армией и аппаратом для сбора налогов. Современное государство в центр своей деятельности поставило личность, а для этого оно должно состоять из гораздо большего количества институтов, деятельность которых должна быть в первую очередь направлена на реализацию прав и свобод человека, которые она провозглашает.

Вопрос наличия собственного интереса у государства в исследуемом нами образе однозначно снимается в пользу социального. Для реализации этой цели необходим организованный процесс функционирования его институтов. Так, провозглашаются принципы профессионализма и карьерного роста как основные в деятельности государственного аппарата. Бюрократизм становится не тормозом в реализации провозглашенных прав, а помощником, который использует инновационные технологии в своей деятельности. Если переходить к характеристике самих институтов, которые ассоциируются с образом современного государства, то нужно упомянуть в первую очередь такие организационные институты, как парламент, конституционный суд, омбудсмен, местное самоуправление и функциональные институты, в частности институты выборов, референдума и др. [1, с. 288]. Нетрадиционным для современного государства является активное содействие развитию гражданского общества, что культивирует негосударственные формы организации и взаимодействия, это же в свою очередь способствует не отказу от государства, а активному взаимодействию такого общества с ним, а также его развитию.

В таком ключе невозможно не упомянуть и об активной роли современного государства на международной арене: добровольная передача части своего суверенитета международным организациям для решения как региональных, так и глобальных проблем, признание негосударственных судебных органов, решения которых обязательны для выполнения, особенно Европейского суд по правам человека, только способствуют конструированию такого положительного образа.

Выводы. Итак, образ современного государства можно рассматривать не только как форму его отображения в сознании личности или даже всего общества, но и как некую ценностно-нормативную модель, при этом такой образ несет в себе преимущественно ценности так называемого «западного образца», а если говорить именно о сфере внесенных юридических ценностей, то это ценности либерализма. Центральным элементом здесь оказывается индивид, который провозглашается высшей ценностью государства. Для реализации такой заявленной позиции государство включает в свою модель и другие ценности, которые «обслуживают» и подчиняются вышеописанной концептуальной. Основными такими ценностями являются права человека, правозаконность и соответствующая институциональная организация государства. Конструирование такого образа является необходимым условием стабильного легитимированного бытия современного государства.

Именно в силу того, что государство всегда требует от человека постоянных жертв и ограничений, необходимыми становятся идеологические мотивы и психологические стимулы, чтобы при выполнении своих гражданских обязанностей (платить налоги, служить в армии, воевать и т. д.) сохранялась иллюзия, будто гражданин способен контролировать и изменять государство [2, с. 149]. Поэтому провозглашение индивида высшей ценностью – это обман, к которому прибегают в поисках стабильности современные государства, но в этом кроется и большая опасность, ведь постоянное убеждение в превалировании индивидуализма в государственно-правовой жизни неизбежно ведет к эгоистическому обществу, где каждый одновременно претен-

дует на все, что только больше ведет к неустойчивому бытию государства. Нужно всегда помнить, что крайности плохи, и если повсеместные ценности этатизма и коллективизма в советском государстве не привели ни к чему хорошему, то и крайности индивидуализма, по всей видимости, тоже могут завести общество в очередной тупик. Хочется обратить внимание на то, что государство – это в первую очередь коллективность и общность, поэтому современные переигрывания с индивидуализмом могут привести далеко не к тем горизонтам, которые рисует нам образ так называемого современного государства. Представляется, что подобные аксиологические разведки являются весьма перспективными и требуют дальнейших исследований.

Список использованной литературы:

1. Актуальні грані загально-теоретичної юриспруденції : [монографія] / [Ю.М. Оборотов, В.В. Завальнюк, В.В. Дудченко та ін.] ; за ред. Ю.М. Оборотова. – О. : Фенікс, 2012. – 492 с.
2. Гуревич П. В. Политическая иллюзия / П. В. Гуревич // Право и политика. – 2002. – № 5. – С. 144–151.
3. Инглхарт Р.Ф. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р.Ф. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–32.
4. Конституція України : прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. – К. : Вікар, 2014. – 64 с.
5. Крижанівський А.Ф. Правовий порядок в Україні: витоки, концептуальні засади, інфраструктура : [монографія] / А.Ф. Крижанівський. – О. : Фенікс, 2009. – 504 с.
6. Ломов В.Ф. Человек и техника (очерки инженерной психологии) / В.Ф. Ломов. – М. : Сов. радио., 1966. – 463 с.
7. Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения / Л.С. Мамут // Общественные науки и современность. – 1998. – № 6. – С. 85.
8. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : [учебник] / М.Н. Марченко. – М. : Юрист, 2001. – 656 с.
9. Оборотов Ю.Н. Образы государств в глобализирующемся мире /

Ю.Н. Оборотов // Закон и жизнь : международный научно-практический правовой журнал. – 2004. – № 8. – С. 4–8.

10. Орзіх М.П. Людський вимір сучасної державності / М.П. Орзіх // Актуальні проблеми політики : зб. наук. праць. – 2001. – Вип. 12. – С. 13–18.

11. Философия права : [учебник] / под ред. О.Г. Данильяна. – М. : Эксмо, 2006. – 412 с.

12. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5–13.

13. Чиркин В.Е. Современное государство / В.Е. Чиркин. – М. : Межд. отн., 2001. – 416 с.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УКРАИНЕ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ К ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Артур СТАЦЕНКО,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Summary

The article deals with criminal liability of the absolutely new subject of crime in Ukrainian criminal law – the legal entity. Much attention is given to practical introduction of such type of liability. The author analyzes experience existing in the European countries and the USA. The need is stressed to eliminate legislative discrepancies and problems which arise in the course of criminal prosecution of the legal entities.

Key words: criminal liability of legal entities, legal entities in criminal law, criminal responsibility, criminal liability, legal entity, functionary of legal entity, legal responsibility.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос привлечения к уголовной ответственности абсолютно нового субъекта преступления для украинского уголовного права – юридического лица. Рассматриваются наиболее важные вопросы относительно практического внедрения такого вида ответственности, проводится анализ опыта европейских стран и США. Предлагаются варианты устранения законодательных коллизий и проблем, которые возникают в процессе привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, юридические лица в уголовном праве, уголовная ответственность, юридическое лицо, должностные лица юридических лиц, юридическая ответственность.

Постановка проблемы. В условиях развития мировой экономики, с одной стороны, и мирового финансового кризиса, с другой стороны, у международного уголовного права возникают новые проблемы и задачи, которые обусловлены экономической составляющей. Украина сегодня находится в процессе интеграции в европейское сообщество, что вызывает необходимость упорядочения всей системы отечественного законодательства с учетом всех мировых и европейских тенденций, а также в связи с выполнением Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины, в том числе в сфере уголовного права.

Так, 1 сентября 2014 г. вступили в силу изменения в Уголовный кодекс Украины, а именно положения, касающиеся уголовной ответственности юридических лиц. В результате этих изменений в Уголовный кодекс Украины [8] был внесен дополнительный раздел XIV-1 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», который содержит 9 статей (от 96-3 до 96-11) и регулирует основные положения привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Состояние исследования. Отношение к вопросу уголовной ответственно-

сти юридических лиц в отечественной науке неоднозначно. Отдельные ученые активно критикуют нововведения и выступают против них, опираясь на историческое отсутствие и непригодность к нашей правовой системе такого института в отечественной правовой науке.

Этому вопросу были посвящены немало научных трудов. В частности, эту тему в своих трудах освещали такие ученые, как А.Ю. Антонова, П.Н. Бирюков, Б.В. Волженкин, П.П. Иванцов, С.И. Келина, И.В. Красницкий, Н.Е. Крылова, В.Н. Кудрявцев, В.М. Смитиенко, но по большей части они рассматривали уголовную ответственность юридических лиц в зарубежных странах. К сожалению, отечественными учеными этому вопросу уделено недостаточно внимания. Обращаясь к зарубежной законодательной практике, можно проследить, что в некоторых странах с развитой рыночной экономикой (Англия, США, Франция, Нидерланды, Италия и др.) сегодня вместе с личной уголовной ответственностью предполагается корпоративная уголовная ответственность. Вопрос о целесообразности введения такой ответственности обсуждался в странах Европы еще в 70-х гг., когда Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы

вынес рекомендацию признать юридических лиц ответственными за экологические преступления [6].

Сама идея введения уголовной ответственности юридических лиц также не является новой для уголовного права Украины. Подобные положения предлагались еще в 1993–1997 гг. в проекте Уголовного кодекса Украины, который рассматривался Верховной Радой Украины I и II созывов. По результатам длительного обсуждения эти положения не были поддержаны ни представителями науки уголовного права, ни юристами-практиками, ни народными депутатами Украины, которые не проголосовали за законопроект, содержащий положение об уголовной ответственности юридических лиц, и приняли проект кодекса, в котором этот институт был отсутствующим [13].

Целью статьи является теоретическое исследование действующего украинского уголовного законодательства, а также законодательства стран мира в части внедрения принципиально нового вида уголовной ответственности – уголовной ответственности юридических лиц.

Изложение основного материала. На практике такой вид уголовной ответственности является новеллой для украинского уголовного законода-

тельства, хотя во многих странах мира уголовная ответственность юридических лиц применяется уже достаточно эффективно длительный промежуток времени.

Как уже было отмечено, уголовная ответственность юридических лиц широко применяется в странах общего права (Канада, Австралия, Шотландия, Ирландия, Индия и т. д.), а также в ряде стран романо-германской правовой семьи (Австрия, Нидерланды, Франция, Бельгия, Португалия, Люксембург, Япония и др.); скандинавской правовой семьи (Дания, Норвегия, Финляндия, Исландия), в странах мусульманской системы права (Иордания, Ливан, Сирия), социалистической (КНР) и пост-социалистической правовой семьи (Словения, Венгрия, Румыния, Литве, Эстония, Молдове и др.), а также смешанных правовых систем (Израиль).

В некоторых странах, в частности ФРГ, Швеции, Италии, Испании, Швейцарии, установлена так называемая квазиуголовная (административно-уголовная) ответственность юридических лиц, признаком которой является то, что законодательство не признает юридических лиц субъектами преступления, но в ряде случаев, в частности предусмотренных отдельными нормативными актами, к ним могут применяться различные уголовные санкции.

Особого внимания при рассмотрении этого вопроса заслуживает институт уголовной ответственности юридических лиц в Соединенных Штатах Америки, где в соответствии с федеральным законодательством юридические лица могут отвечать за преступные деяния своих агентов. Свод законов США применяет термин «личность» (persona) или «кто бы ни» (whoever), которые включают также и юридических лиц. Юридическое лицо подлежит уголовной ответственности в случае отсутствия или ненадлежащего контроля за индивидами, совершившими преступление (активное взяточничество, торговлю влиянием, отмывание денег) [9].

Свод Законов США в параграфе 18 (преступления и уголовный процесс) определяет понятие «юридическое лицо» как любое лицо, кроме физического лица, а ст. 10 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк определяет, что под понятием «личность» понимается человек, а в некоторых случаях – публичная

или частная корпорация, неинкорпорированное товарищество, правительство или правительственное учреждение. Законодательство США признало субъектом преступления даже государство, поскольку прямо предусмотрело такую возможность в приведенном выше определении [5]. В соответствии с законодательством США корпорации наравне с гражданами США признаются полноправными субъектами правоотношений, а следовательно, они могут выступать истцами и ответчиками в гражданских судебных процессах, а также подвергаться преследованию в рамках уголовного судопроизводства. Согласно положениям известной американскому праву доктрины respondeat superior (с лат. ответственность вышестоящего), корпорация может нести уголовную ответственность за незаконные действия своих руководителей, других должностных лиц, работников, а также других агентов. Обобщающий термин «агент» (англ. agent) означает любых представителей корпорации, имеющих соответствующие полномочия и действующих (в том числе противоправно) от имени и в интересах корпорации. Если все элементы установлены, корпорация и ее агент становятся потенциальными обвиняемыми в совершении федерального налогового преступления [7]. Юридические лица признаются субъектами уголовной ответственности также в соответствии с международно-правовыми актами. Одним из первых международных документов, фактически создавшим прецедент применения уголовного закона к коллективным субъектам, стали решения Международного трибунала в ходе Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками, который признал, что государство и его организации могут быть субъектами международных преступлений.

Уголовная конвенция о борьбе с коррупцией 1999 г. содержит перечень из 14 составов преступлений, по которым стороны государства, которые являются сторонами Конвенции, должны бороться для преодоления коррупции. В 2000 г. в Конвенции ООН против транснациональной преступности были определены новые подходы в борьбе с организованной преступностью, где прямо рекомендуется странам-участницам (среди которых и Украина) введение уголов-

ной ответственности юридических лиц за определенные преступные деяния.

Например, в Российской Федерации принятие 25 декабря 2008 г. Федерального закона № 237-ФЗ «О противодействии коррупции» усилило интерес к этому вопросу именно в свете ответственности за коррупционные преступления. Этот закон обязал ввести ответственность юридических лиц за коррупционные деяния.

Однако большая часть ученых придерживаются позиции нецелесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления в Российской Федерации [11]. С другой стороны, некоторые ученые отмечают, что вскоре российский законодатель отреагирует на заметную тенденцию в зарубежном законодательстве относительно расширения ответственности корпораций [3].

Например, в Великобритании ответственность юридических лиц существует с середины 19 века, а в Соединенных Штатах Америки была признана в 1909 г. Несмотря на то, что в романо-германской правовой семье в целом применяется принцип личной ответственности виновного лица, в последнее время институт такой ответственности прилагается к большинству уголовных законодательств, относящихся к этой правовой семье [5, с. 167–168].

В рамках мировой экономики и в связи с развитием трансконтинентальных корпораций, холдингов и других мировых субъектов хозяйствования вопросы уголовной ответственности юридических лиц выходят на мировой уровень и все чаще получают поддержку и закрепление на международном уровне. Так, еще в 1929 г. Международный конгресс по уголовному праву в Бухаресте выразил мнение о необходимости введения такого вида ответственности. А в 1978 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы предоставил рекомендации законодателям стран-участниц признать юридические лица субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Одним из важнейших документов по этому вопросу стала рекомендация № 8818 Комитета Министров стран-членов Совета Европы об ответственности юридических лиц за правонарушения, совершенные ими в ходе их хозяйственной деятельности [5, с. 168].

Однако наряду с положительными моментами нельзя игнорировать множество проблем, которые возникают в связи с введением уголовной ответственности юридических лиц в уголовное законодательство Украины.

В первую очередь нужно отметить, что, анализируя законопроект № 2990, эксперты научно-экспертного управления Верховной Рады Украины пришли к выводу о несоответствии института «меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц» (а именно штрафа, конфискации имущества и ликвидации) основным принципам уголовного права.

Положения данного законопроекта предусматривают создание в уголовном законодательстве Украины юридической фикции, согласно которой к юридическому лицу будут применяться санкции, если имело место совершения преступления со стороны руководителя, учредителя, участника или другого уполномоченного лица. Таким образом, указанная конструкция уголовно-правовой нормы определяет юридическое лицо как совершившее преступление, когда сам факт совершения им общественно опасного деяния, предусмотренного ст. ст. 209, 258–258-5, 306, 368–369-2 Уголовного кодекса Украины, фактически не установлен [14]. Некоторые ученые подвергают сомнению концепцию разделения понятий «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», поскольку ретроспективная уголовная ответственность должна пониматься как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть государственное осуждение, что выражается в отрицательной оценке судом самой личности и ее действий, а также понести соответствующее наказание, а такая обязанность ни при каких условиях не должна быть переложена с лица, совершившего преступление, на третье лицо, следовательно, уголовная ответственность должна быть возложена не на юридическое, а на физическое лицо, непосредственно совершившее преступление [6].

На наш взгляд, самая большая сложность заключается в решении проблемы с субъективной стороной состава преступления, так как одним из неотъемлемых и важнейших признаков состава преступления является вина.

Вина является обязательным признаком субъективной стороны, потому что это психическое отношение лица к совершенному действию или бездействию, предусмотренного Уголовным кодексом Украины, и его последствий, которые выражается в форме умысла или неосторожности [8]. Однако понятно, что к юридическому лицу это положение нельзя применить, потому что юридическое лицо не имеет психики и психического отношения к ситуации.

Таким образом, анализируя изменения в Уголовный кодекс Украины [8], которые вводят уголовную ответственность юридических лиц, а именно ст. 93-3, мы можем сделать вывод, что применение уголовной ответственности к юридическим лицам возможно только при наличии двух условий:

1) совершение преступления от имени юридического лица или уполномоченным лицом юридического лица (под уполномоченными лицами юридического лица следует понимать должностных лиц юридического лица, а также других лиц, которые в соответствии с законом, учредительными документами юридического лица или договора вправе действовать от имени юридического лица) [1; 8, ст. 96-3];

2) совершение преступления должно состояться в пользу юридического лица (преступление считается совершенным в интересах юридического лица, если оно направлено на получение им неправомерной выгоды или создание условий для получения такой выгоды, а также на уклонение от предусмотренной законом ответственности).

Такая формулировка основ уголовной ответственности юридических лиц закреплена в большинстве уголовных законодательств мира, которые знают такой вид ответственности.

Уголовная ответственность юридических лиц, в соответствии со ст. 96-3 Уголовного кодекса Украины [1; 8; 10], может заключаться в применении следующих мер уголовно-правового характера: 1) штрафа; 2) конфискации имущества; 3) ликвидации.

Обращаем внимание на то, что указанная в ст. ст. 96-3–96-11 ответственность юридических лиц не является наказанием в понимании Уголовного кодекса Украины, законодатель вводит понятие «меры уголовно-правового характера в отношении юридических

лиц». Также статьи 96-3, 96-6 Уголовного кодекса Украины в редакции от 1 сентября 2014 г. предусматривают, что к юридическим лицам штраф и ликвидация могут применяться только как основные меры уголовно-правового характера, а конфискация имущества – лишь как дополнительная [1; 10]. Необходимо отметить, что конфискация и ликвидация юридического лица в Украине может применяться как мера уголовно-правового характера за совершение преступления юридическим лицом только в случае участия юридического лица в террористической деятельности, что является одним из ключевых моментов в мировой борьбе с террористической деятельностью.

Введение уголовной ответственности юридических лиц в Украине является важным шагом на пути к успеху юридического противодействия терроризму и во многом зависит от согласованности международного и внутригосударственного права в этой сфере регулирования.

Приоритеты по предмету регулирования международного и внутригосударственного права в антитеррористической сфере обусловлены объектом преступления и признаками субъективной стороны: для международного права это наличие виновного умысла в посягательстве на международные отношения и миропорядок, который определяется в рамках международного преступления «терроризм», а для национального – наличие умысла в посягательстве на целостность и конституционный строй государства, которое определяется нормой, предусматривающей ответственность за совершение террористического акта [2].

Это очень актуальный вопрос в современной Украине в условиях повышенной террористической активности в восточных регионах и оккупации части украинских территорий на востоке и юге Украины.

Еще одной проблемой такого нововведения, как отмечалось ранее, является то, что новые положения противоречат основам уголовного права Украины: во-первых, принципу личной ответственности, во-вторых, принципу вины лица, совершившего преступление.

В мировой практике уголовная ответственность юридических лиц не исключает принципа личной ответ-

ственности, а существует рядом с ним, совершенствует и дополняет его. То есть если раньше к ответственности привлекался только руководитель юридического лица, то сейчас также может быть привлечено к уголовной ответственности непосредственно само юридическое лицо. В большинстве стран мира, имеющих такой вид уголовной ответственности, такие виды, как личная ответственность и ответственность юридического лица, существуют рядом, одновременно и не заменяют, не исключают друг друга.

Однако, например, П.П. Иванцов считает, что наказание юридического лица, по сути, не достигает никакой цели из определенных в уголовном законодательстве. Кроме того, введение института уголовной ответственности юридических лиц создаст реальную возможность действительно виновному в преступлении физическому лицу избежать заслуженной ответственности и наказания. Основным противоречием наказания корпораций является проблема причинения вреда этим наказанием тем служащим организаций, которые не принимали никакого участия в совершении преступления [6].

Относительно субъектного состава можно выделить тот факт, что субъектами, в соответствии с изменениями в Уголовный кодекс Украины, могут выступать предприятия, учреждения или организации, кроме государственных органов, органов власти Автономной Республики Крым, органов местного самоуправления, организаций, созданных ими в установленном порядке, которые полностью содержатся за счет, соответственно, государственного или местного бюджетов, фондов общеобязательного государственного социального страхования, Фонда гарантирования вкладов физических лиц, а также международных организаций [1; 8].

Считаем нужным отметить, что отечественный законодатель ограничил круг субъектов такой ответственности только организациями частного права, исключив все предприятия государственной собственности, что, на наш взгляд, является несправедливым, так как большинство преступлений совершаются именно с участием юридических лиц государственной формы собственности.

Многие практики и ученые пришли к выводу, что новые положения

Уголовного кодекса Украины являются довольно сырыми и нуждаются в серьезной доработке, без которой эти нововведения могут привести больше вреда, чем пользы [7; 12].

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод, что внесенные изменения в уголовное законодательство Украины являются новеллой и, с одной стороны, безусловно, благоприятно влияют на обеспечение законности в экономической и международной сферах, однако введение такого вида уголовной ответственности требует более детального изучения и внесения значительного количества изменений в законодательные акты с целью устранения противоречий. Также остается нерешенным вопрос уголовной ответственности юридических лиц государственной формы собственности. Поэтому многие вопросы о привлечении юридических лиц к ответственности остаются открытыми и будут рассмотрены в следующих публикациях.

Список использованной литературы:

1. Відомості Верховної Ради [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon.nau.ua/?uid=1067.1.130&title=%C2%B2%C4%CE%CC%CE%D1%D2%B2%20%D0%D5%CE%C2%CD%CE%AF%20%D0% C 0 % C 4 % C 8 % 2 0 %D3%CA%D0%C0%AF%CD%C8>.

2. Антипенко В.Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом : дисс. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.10 / В.Ф. Антипенко. – М., 2004. – 435 с.

3. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б.В. Волженкин // Серия Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. – СПб. : Редакционно-издательский отдел Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 40 с.

4. Гришук В.К. Глобалізація і проблеми кримінальної відповідальності юридичних осіб / В.К. Гришук, А.М. Цюра // Вісник Львівського університету. Серія «Міжнародні відносини». – 2002. – Вип. 7. – С. 49–58.

5. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть : [мо-

нография] / В.Н. Додонов ; под ред. С.П. Щербы. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 448 с.

6. Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / П.П. Иванцов. – СПб., 2000. – 194 с.

7. Каменський Д.В. Кримінальна відповідальність корпорацій за вчинення федеральних злочинів у США: вихідні засади / Д.В. Каменський // ХУУП Університетські наукові записки. – 2006. – № 1(17). – С. 238–244.

8. Кримінальний кодекс України : Закон України від 8 червня 2001 р. № 2341-III (у редакції від 8 лютого 2015 р.) // Офіційний вісник України. – 2001. – № 21. – С. 920.

9. Пасека О.Ф. Кримінальна відповідальність юридичних осіб за законодавством США та Англії / О.Ф. Пасека // ЛДУВС. Університетські наукові записки. – 2009. – № 3(31). – С. 195–200.

10. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України стосовно відповідальності юридичних осіб : Закон України від 23 травня 2013 р. № 314-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 12. – С. 183.

11. Семёнов И.А. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные деяния / И.А. Семёнов, Е.А. Чуличкова // Научный вестник УрАГС. – 2009. – № 3(8). – С. 6.

12. Сицко А.А. Фирменная уголовная статья. За что будут наказывать юрлиц / А.А. Сицко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.liga.net/opinion/112844_firmennaya-ugolovnaya-statya-za-chto-budut-nakazyvat-yurlits.htm.

13. Щеглов Є.С. Щодо кримінальної відповідальності юридичних осіб / Є.С. Щеглов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravotoday.in.ua/ua/press-centre/publications/pub-923>.

14. Уголовная ответственность юрлиц: изменение философии уголовного права? // Судебно-юридическая газета. – 2013. – № 21(189). – С. 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sud.ua/newspaper/2013/06/10/50478-ygolovnaya-otvetstvennost-yurlits-izmenenie-filosofii-ygolovnogo-prava>.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ В СООТВЕТСТВИИ С НАЦИОНАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Ольга СУШИК,

кандидат юридических наук, ассистент кафедры экологического права
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article examines the legal regulation of radiation safety in the sphere of nuclear energy according to the national legislation of the EU Member States. Special attention is given to the European experience of the legal regulation of radiation safety in the sphere of nuclear energy in accordance with the requirements of the European Atomic Energy Community and examples of relevant legislation transposition into national legislation of the Member States. The peculiarities of the legal regulation of radiation safety in such countries as Britain, France, Germany, Norway, Sweden, Czech Republic, Slovakia and Poland are specified.

Key words: European Atomic Energy Community, nuclear energy, radiation safety, radiation sources.

Аннотация

В статье исследуется правовое регулирование обеспечения радиационной безопасности в сфере использования ядерной энергии в соответствии с национальным законодательством государств-членов ЕС. Большое внимание уделяется европейскому опыту правового регулирования обеспечения безопасности в сфере использования ядерной энергии в соответствии с требованиями Европейского сообщества по атомной энергии и примерам транспозиции соответствующего законодательства в национальное законодательство государств-членов Европейского Союза. Раскрыты особенности правового регулирования обеспечения радиационной безопасности в сфере использования ядерной энергии таких стран: Великобритания, Франция, Германия, Норвегия, Швеция, Чехия, Словакия, Польша.

Ключевые слова: Европейское сообщество по атомной энергии, использование ядерной энергии, радиационная безопасность, источник ионизирующего излучения.

Постановка проблемы. Вопросы обеспечения безопасности населения от негативного воздействия ионизирующего излучения и охраны окружающей природной среды от радиоактивного загрязнения всегда будут приоритетными во всем мире и для Украины в частности. Другого, по нашему мнению, просто не может себе позволить страна, пережившая Чернобыльскую катастрофу. К тому же, несмотря на катастрофические события в ядерной энергетике Японии, которые возникли в результате землетрясения, мы должны сделать соответствующие выводы для неповторения второго Чернобыля в Украине. В первую очередь это возможно путем уделения повышенного внимания европейскому опыту правового регулирования обеспечения безопасности в сфере использования ядерной энергии и примерам транспозиции соответствующего законодательства в национальное законодательство государств-членов Европейского Союза (далее – ЕС).

Состояние исследования. В научно-правовой доктрине экологического и ядерного права сегодня отсутствуют научные труды по правовому регулированию обеспечения радиационной

безопасности в области использования ядерной энергии в государствах-членах ЕС. В свое время отдельные аспекты данного вопроса освещались в работах таких ученых: Л.А. Афанасьева, Г.И. Балюк, А.И. Йойриш, О.Ю. Кронда, Ю.М. Крупка, А.Б. Чопорняк и других. На сегодня с учетом новых политических, эколого-экономических реалий, по нашему мнению, изучение и анализ практики правового регулирования обеспечения радиационной безопасности в государствах-членах ЕС, а также исследования особенностей правового обеспечения радиационной безопасности в указанных странах позволят выявить основные пути и механизмы совершенствования правового режима обеспечения радиационной безопасности в Украине.

Изложение основного материала.

Единые стандарты безопасности для защиты здоровья работников и населения от негативного воздействия ионизирующего излучения для Европейского сообщества на сегодня устанавливает Европейское сообщество по атомной энергии. Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии был подписан в Риме еще 25 марта 1957 г. (далее – Договор о Евратом) [1],

что является источником первичного права Европейского Союза и порождает вторичное право.

Вопросы обеспечения радиационной безопасности освещены в главе III Договора о Евратоме под названием «Здоровье и безопасность» (ст. ст. 30–39). В частности, ст. 30 Договора о Евратоме определяет «основные стандарты» для защиты здоровья работников и населения от опасности, возникающей в результате ионизирующего излучения, в частности речь идет о: а) максимально разрешенных дозах, которые являются соответствующими адекватному уровню безопасности; б) максимально допустимых уровнях облучения и загрязнения; в) фундаментальных принципах, регулирующих медицинский контроль за здоровьем работников.

В соответствии с Договором о Евратоме от государств-членов ЕС требуется создание установок системы, используемых для непрерывного мониторинга уровня радиоактивности в воздухе, воде и почве, обеспечения соблюдения основных стандартов и периодическая передача Европейской комиссии результатов этого наблюдения (ст. ст. 35, 36).

Статья 33 Договора о Евратоме требует от каждого государства-члена принимать соответствующие положения, в том числе законы, подзаконные акты, или административные действия, направленные на обеспечение соблюдения основных стандартов, которые были установлены, и осуществлять необходимые меры, направленные на обучение, образование и профессиональную подготовку работников.

Нормативным актом ЕС, который сегодня определяет «основные стандарты» безопасности для защиты здоровья рабочих и населения от опасности, возникающей от ионизирующего излучения, является Директива 96/29/Евратом от 13 мая 1996 г. [2]. Директива 96/29/Евратома устанавливает: 1) разрешительную систему деятельности, связанной с негативным ионизирующим воздействием, включая выдачу разрешений и регистрацию деятельности; 2) основные принципы радиационной безопасности (обоснование, оптимизация и ограничение доз); 3) оценку эффективной дозы ионизирующего излучения; 4) фундаментальные принципы, которыми руководствуются при эксплуатационной защите облученных работников, стажеров и студентов при осуществлении деятельности (включая медицинский контроль); 5) требования по повышению уровня облучения в результате действия природных источников ионизирующего излучения; 6) требования к радиационной защите населения при нормальных условиях; 7) принципы вмешательства в случаях возникновения радиационных аварий или в случаях длительного облучения.

Следует отметить, что на сегодняшний день действует также Директива 2013/59/Евратом от 5 декабря 2013 г. об установлении основных норм безопасности для защиты от опасностей, возникающих от действия ионизирующего излучения и отмены Директивы 89/618/Евратом, 90/641/Евратом, 96/29/Евратом, 97/43/Евратом и 2003/122/Евратом [3]. Она представляет собой определенный кодифицированный акт, объединяющий требования по обеспечению радиационной безопасности в различных сферах человеческой деятельности как в нормальном состоянии, так и в чрезвычайных ситуациях. Однако в соответствии со ст. 106 Ди-

рективы 2013/59/Евратом государства-члены ЕС должны ввести в действие законы, постановления и административные положения, необходимые для выполнения указанной Директивы, не позднее 6 февраля 2018 г. Это означает, что на сегодня основной Директивой ЕС, реализованной на уровне национального законодательства государств-членов ЕС, которая отражает основные стандарты безопасности по защите здоровья рабочих и населения от опасности, исходящей от воздействия ионизирующего излучения, продолжает быть Директива 96/29/Евратом, на базе которой выстроено национальное законодательство государств-членов ЕС в сфере использования ядерной энергии и обеспечение радиационной безопасности.

Страны ЕС по-разному подходят к имплементации в национальное законодательство нормативных документов Евратома, в которых содержатся требования по обеспечению радиационной безопасности.

Транспозиция директив Евратом в законодательство Франции, например, осуществляется путем включения норм обеспечения радиационной безопасности в Трудовой кодекс Франции и Кодекс здравоохранения Франции. Так, Трудовой кодекс Франции 1910 г. [4] (ст. L.12-37-1) устанавливает: 1) принципы радиационной безопасности; 2) технические правила для оснащения рабочих помещений; 3) правила, которых должны придерживаться работники, которые испытывают негативное влияние ионизирующего излучения; 4) медицинское наблюдение за персоналом, которое подвержено воздействию ионизирующего облучения; 5) правила, касающиеся чрезвычайных ситуаций и тому подобное.

В Кодексе здравоохранения Франции (последние изменения внесено 5 марта 2015 г.) (разделы 1–7) [5] выделены требования в отношении: а) основных мер радиационной защиты населения; б) воздействия ионизирующего излучения; в) генеральной лицензии и систем сообщений; г) радиационной безопасности пациентов; д) чрезвычайных ситуаций и длительного воздействия негативного ионизирующего излучения; е) надзора в сфере обеспечения радиационной безопасности; е) обращение с радиоактивными веществами и тому подобное.

Несмотря на широкое использование ядерной энергии во Франции, Закон Франции «О прозрачности и обеспечении безопасности в сфере ядерной энергии» № 2006-686 (далее – Ядерный закон) вступил в силу только 13 июня 2006 г. [6]. Он установил условия использования ядерной энергии при гарантии обеспечения безопасности населения от вредного воздействия источника ионизации и закрепил основы государственного контроля за обеспечением безопасности объектов использования атомной энергии. В частности, Ядерный закон имеет разделы, которые содержат: 1) общие положения, включая определение; 2) регулирование безопасности, включая порядок образования, состав и полномочия государственного регулирующего органа по ядерной и радиационной безопасности; 3) информирование общественности о состоянии безопасности; 4) основные принципы получения лицензии (процедурные вопросы); 5) штрафные санкции и тому подобное.

В Федеративной Республике Германии правовую основу обеспечения радиационной безопасности составляют Закон «О мирном использовании ядерной энергии и защиты от ее опасности» (Закон об атомной энергии) от 23 декабря 1959 г. (последние изменения внесены 28 августа 2013 г.) [7] и Закон «О защите населения от радиационного облучения» (Закон по радиационной защите) от 19 декабря 1986 г. (последние изменения внесены 8 апреля 2008 г.) [8]. На подзаконном уровне в Германии вопрос обеспечения радиационной безопасности определяется Постановлением Федерального ведомства по радиационной защите «О защите от повреждений и травм, вызванных ионизирующим излучением» (постановление радиационной защиты) от 20 июля 2001 г. (последние изменения внесены 11 декабря 2014 г.) [9].

Правовое регулирование обеспечения радиационной безопасности в Великобритании, по нашему мнению, состоит из трех уровней. К первому уровню относится законодательство, устанавливающее правовые требования, касающиеся сферы применения источников ионизирующего излучения, их регистрации и выдачи разрешений: законы «О радиоактивных

веществах» 1993 г. [10], «Об охране окружающей среды» 1990 г. [11]. Вторым уровнем составляют руководства правительства Великобритании, среди которых выделяем «Правила использования радиоактивных веществ и освобождения их от регулирования в законодательстве Великобритании» 2011 г. [12]. К третьему уровню относятся руководящие положения (процедурные положения), содержащие более детальные требования к обеспечению радиационной безопасности в отношении конкретных промышленных секторов, где используются источники ионизирующего излучения.

Правовую основу обеспечения радиационной безопасности в Норвегии составляют следующие законы: «О ядерной энергетической деятельности» от 28 мая 1972 г. [13], «О радиационной защите и использовании ионизирующего излучения» от 12 мая 2000 г. [14] и «Об ограничении радиоактивного загрязнения и радиоактивных отходов» от 13 марта 1981 г. (последние изменения внесены 1 января 2011 г.) [15]. Так, Закон Норвегии «О защите от радиации и использовании ионизирующего излучения» содержит общие положения, специальные положения о применении ионизирующего излучения в медицинских целях, положение об аварийном планировании и тому подобное.

Правовой режим обеспечения радиационной безопасности в Швеции зафиксирован в трех законодательных актах: а) Законе Швеции «О ядерной деятельности» (SFS 1984:3) [16], который касается вопросов обеспечения общей безопасности операций ядерного топливного цикла и контроля за ними; б) Законе Швеции «О радиационной безопасности» (SFS 1988:220) [17], который направлен на защиту человека от вредного воздействия ионизирующего излучения и окружающей среды от радиоактивного загрязнения; в) Экологическом кодексе Швеции (SFS 1998:808) [18], в котором предусмотрен перечень видов деятельности в сфере использования ядерной энергии (среди других опасных для окружающей среды), относящихся к понятию «ядерной деятельности», и экологические требования к ней.

В наших ближайших соседей, которые являются членами ЕС (Чехия, Словакия, Польша), в национальном

законодательстве также отражены нормы Директива 96/29/Евратом.

В Чехии с 24 января 1997 г. действует Закон «О мирном использовании ядерной энергии и ионизирующего излучения» [19], основной целью которого является создание правовых основ для регулирования всех видов деятельности в сфере использования ядерной энергии и защиты населения от влияния ионизирующего излучения и окружающей среды от радиоактивного загрязнения. Вышеприведенный нормативно-правовой акт имеет несколько подразделов, в которых непосредственно содержатся нормы по обеспечению радиационной безопасности: а) общие условия осуществления деятельности, связанной с использованием ядерной энергии; б) требования к деятельности с источниками ионизирующего излучения и меры по снижению их возможного негативного воздействия; в) при использовании источников ионизирующего излучения для атомной энергетики; г) при управлении радиоактивными отходами и тому подобное.

Правовые основы обеспечения радиационной безопасности в Словацкой Республике содержатся в законодательстве об охране здоровья. В частности, Закон Словацкой Республики «Об охране здоровья населения» от 5 декабря 2000 г. [20] определяет основные положения в области обеспечения радиационной безопасности: меры по профилактике, в том числе в сфере радиационной безопасности; радиационная защита населения; требования к медицинскому облучению; нормы по регулированию естественного ионизирующего воздействия; лицензирования деятельности в сфере использования ядерной энергии; осуществление индивидуального дозиметрического контроля и тому подобное.

Непосредственно требования по обеспечению радиационной безопасности в Словацкой Республике содержатся в Приказе Министерства здравоохранения Словацкой Республики «О требованиях радиационной безопасности» от 13 декабря 2000 г. [21]. В этом нормативно-правовом акте определено следующее: 1) основные сроки; 2) требования по оптимизации радиационной безопасности; 3) предельно допустимые концентрации радиоактивных веществ; 4) уровни ионизирующего

излучения для медицинского облучения; 4) принципы оценки негативного ионизирующего воздействия и индивидуальные дозы; 5) классификации источников ионизирующего излучения; 6) принципы ограничения естественного радиационного воздействия; 7) квалификационные требования к работникам; 8) специальные требования к практической деятельности в сфере использования ядерной энергии.

В Республике Польша действует Закон «Об атомной энергии» от 27 августа 1997 г. (последние изменения 25 июля 2014 г.) [22], в котором есть несколько разделов, непосредственно регулирующих отношения по обеспечению радиационной безопасности. Так, вышеприведенным нормативно-правовым актом определены требования по: 1) разрешительной системе в сфере использования ядерной энергии и обеспечения радиационной безопасности; 2) радиационной защите и охране здоровья рабочих; 3) использованию ионизирующего излучения в медицинских целях; 4) надзору за соблюдением условий радиационной безопасности; 5) оценке радиологической ситуации; 6) действиям в случае радиационных аварий; 7) применению административных санкций и уголовных предписаний.

Некоторые из требований по обеспечению радиационной безопасности рабочих в Республике Польша регулируются Кодексом законов о труде от 26 июня 1974 г. [23]. В соответствии со ст. 215 этого кодекса машины и другое техническое оборудование должны быть сконструированы и построены для обеспечения безопасных условий труда, в том числе защиты работников от радиационных эффектов производственной среды. Работодатель обязан предоставить работнику средства индивидуальной защиты от ионизирующего излучения и должен обеспечить надлежащие условия их хранения (ст. ст. 237(7), 237(10) Кодекс законов о труде Республики Польша).

Выводы. Обобщая вышеизложенное, отметим, что государства-члены ЕС имплементировали требования нормативных документов по обеспечению радиационной безопасности в свое национальное законодательство по-разному. Одни (например, Германия, Великобритания, Норвегия,

Швеция, Чехия) внесли изменения в специальные нормативно-правовые акты национального законодательства, касающиеся исключительно сферы использования ядерной энергии и обеспечения радиационной безопасности, а другие (например, Франция, Словакия, Польша) включили требования по обеспечению радиационной безопасности в национальное санитарное и трудовое законодательство. Приобретенный опыт правового регулирования обеспечения радиационной безопасности в странах Европейского Союза может быть использован в процессе имплементации норм законодательства ЕС в национальное законодательство в определенной сфере.

Список использованной литературы:

1. Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии от 25 марта 1957 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_027.
2. Об установлении базовых стандартов безопасности для защиты здоровья рабочих и общественности от опасностей, вызванных ионизирующим излучением : Директива Совета Европейского Союза 96/29/Евратом от 13 мая 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_491.
3. Об установлении основных норм безопасности для защиты от опасностей, возникающих от действия ионизирующего излучения и отмены Директивы 89/618/Евратом, 90/641/Евратом, 96/29/Евратом, 97/43/Евратом и 2003/122/Евратом : Директива 2013/59/Евратом от 5 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_2014.013.01.0001.01.ENG.
4. Трудовой кодекс Франции 1910 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEX000006072050>.
5. Кодекс здравоохранения Франции (с изменениями, внесенными 5 марта 2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEX000006072665>.
6. О прозрачности и обеспечении безопасности в сфере ядерной энергии : Закон Франции № 2006-686 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEX000006053843&dateTexte=20110902>.
7. О мирном использовании ядерной энергии и защиты от ее опасности : Закон Германии (Закон об атомной энергии) от 23 декабря 1959 г. (последние изменения внесены 28 августа 2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bfs.de/de/bfs/recht/rsh/volltext/A1_Englisch/A1_08_13_AtG_0115.pdf.
8. О защите населения от радиационного облучения (Закон по радиационной защите) : Закон Германии от 19 декабря 1986 г. (последние изменения внесены 8 апреля 2008 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bfs.de/de/bfs/recht/rsh/volltext/A1_Englisch/A1_04_08.pdf.
9. О защите от повреждений и травм, вызванных ионизирующим излучением : Постановление Федерального ведомства по радиационной защите Германии (постановление радиационной защиты) от 20 июля 2001 г. (последние изменения внесены 11 декабря 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bfs.de/de/bfs/recht/rsh/volltext/A1_Englisch/1A_12_14_StrlSchV.pdf.
10. О радиоактивных веществах : Закон Британии 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/12/introduction>.
11. Об охране окружающей среды 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/43/introduction>.
12. Guidance on the scope of and exemptions from the radioactive substances legislation in the UK [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/69357/pb13624-rsl-guidance-110914.pdf.
13. О ядерной энергетической деятельности : Закон Норвегии от 28 мая 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nrpa.no/dav/2b03ed71ba.pdf>.
14. О радиационной защите и использовании ионизирующего излучения : Закон Норвегии от 12 мая 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nrpa.no/dav/6cb7606703.pdf>.
15. Об ограничении радиоактивного загрязнения и радиоактивных отходов : Закон Норвегии от 13 марта 1981 г. (последние изменения внесено 1 января 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nrpa.no/dav/6fc64d6013.pdf>.
16. О ядерной деятельности : Закон Швеции (SFS 1984: 3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.stralsakerhetsmyndigheten.se/Global/IRRS/Act%20on%20Nuclear%20Activities.pdf>.
17. О радиационной безопасности : Закон Швеции (SFS 1988: 220) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.regeringen.se/content/1/c4/13/48/385ef12a.pdf>.
18. Экологический кодекс Швеции (SFS 1998: 808) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.sujb.cz/fileadmin/sujb/docs/legislativa/zakony/SUJB_CR_Atomic_Act.pdf.
19. О мирном использовании ядерной энергии и ионизирующего излучения : Закон Чехии от 24 января 1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.sujb.cz/fileadmin/sujb/docs/legislativa/zakony/SUJB_CR_Atomic_Act.pdf.
20. Об охране здоровья населения : Закон Словацкой Республики от 5 декабря 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hlukovamara.sk/files/94-z272.pdf>.
21. О требованиях радиационной безопасности : Приказ Министерства здравоохранения Словацкой Республики от 13 декабря 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/SERIAL/59397/63991/F1029606930/SVK59397.PDF>.
22. Об атомной энергии : Закон Республики Польша от 27 августа 1997 г. (последние изменения 25 июля 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kcor.gov.pl/images/stories/prawo/Prawo_atomowe.pdf.
23. Кодекс Законов о труде Польши от 26 июня 1974 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pip.gov.pl/html/pl/doc/kodeks_gracy_2013_2.pdf#page=1.

СРАВНЕНИЕ ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УКРАИНЕ, МОЛДОВЕ И ФРАНЦИИ

Ксения ТОКАРЕВА,

аспирант

Юридического института

Национального авиационного университета

Summary

The article is devoted to the comparative study of modern understanding of the essence and significance of limitation periods in administrative law of Ukraine, Moldova and criminal law of minor offenses in France. Similar and distinctive law enforcement features are described. Legal terminology, concepts, duration of terms for imposition of administrative penalties, prescriptions, legal consequences of the expiry of limitation terms are compared. The author draws attention to the comparison of calculation procedure of limitation periods, fact of establishing of person's guilt in the judgment, law enforcement peculiarities and describes the prospects for further development.

Key words: term, prescription, time restrictions, administrative liability, administrative penalty, termination of the case, exclusion of the proceedings, expiry of term for imposition of an administrative penalty.

Аннотация

Статья посвящается сравнительному исследованию современного понимания сущности и значения давности привлечения к ответственности в сфере административно-деликтного права Украины, Молдовы, а также уголовного права касательно незначительных правонарушений во Франции. Выделяются похожие и отличительные признаки праворегулирования. Проводится сравнение терминологии, понятий, длительности и правовых последствий окончания сроков наложения административных взысканий, давности привлечения к ответственности исследуемых стран. Обращено внимание на сравнение порядков исчисления сроков давности, на факт установления вины лица в постановлении суда. Анализируются особенности правоприменения и указываются перспективы дальнейших разработок.

Ключевые слова: срок, давность, сроки ограничения, административная ответственность, административное взыскание, закрытие дела, исключение производства, окончание срока наложения административного взыскания.

Постановка проблемы. Давность привлечения к ответственности является актуальным вопросом для большинства стран мира, которые предусматривают существование этого правового института. Предусматривая давность как временный предел, законодательство разных стран защищает лицо от неограниченной во времени угрозы публичного преследования с целью охраны его личной неприкосновенности и утверждения принципа главенства права.

Но не все государства одинаково устанавливают формы этих временных границ и предусматривают суть правовых последствий их окончания, что предопределяет постановку проблемы в общем виде. Ее связь с важными научными и практическими задачами обосновывается побуждением исследовать законодательство различных государств в связи с ростом международного сотрудничества [1, с. 249] и стремлением Украины стать полноправным членом Европейского Союза. Это требует анализа опыта европейских государств по рассмотрению дел об административных правонарушениях [2, с. 55].

Состояние исследования. Проблемам административно-деликтной и

уголовной ответственности зарубежных государств, давности к их привлечению посвящали свои научные труды такие учёные: А.В. Заросыло, А.С. Зубов, О.В. Каплина, Т.О. Коломоец, В.В. Молдован, О.И. Орехов, П.В. Панталиенко, С.В. Петков, В.Б. Русанова, Е.О. Сушко, В.Я. Тацкий, В.И. Тютюгин, А.В. Фазикош и другие. Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение поставленного вопроса, показал, что сравнению сроков давности привлечения к ответственности за совершение административных правонарушений в Украине, Молдове и Франции не уделялось внимание со стороны ученых. Нерешенной ранее частью общей проблемы остается выяснение наличия общих и отличительных признаков правового регулирования избранных для исследования государств.

Это стало поводом проведения данного сравнения с целью объяснить на примерах постсоциалистических стран (Украины и Молдовы) и стран устоявшейся демократии (Франции) суть установления давности привлечения к ответственности, ее продолжительности и правовых последствий окончания.

Изложение основного материала.

Учитывая значительную дифференциацию правовых норм, прежде чем начать сравнительный анализ, следует отметить об особенностях понимания сути правонарушения в законодательстве исследуемых стран.

В отличие от Украины, большинство стран мира, в том числе и Франция, под административными определяют правонарушения, совершенные представителями администрации в отношении граждан при предоставлении последним административных услуг и выполнении административных мер [3, с. 27]. Во Франции аналогичного Украине института административной ответственности не существует. Привлечение к ответственности за правонарушения, которые в Украине входят в состав Кодекса Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП), в этих странах осуществляется по правилам уголовного закона [3, с. 27].

С.С. Петков отмечает, что «в советском праве <...> чтобы упростить жизнь социалистическим органам, все проступки были названы правонарушениями и размещены в одном кодексе – Кодексе Украины об административных правонарушениях» [4, с. 43]. Такой же подход

был применен и в других постсоциалистических государствах.

Молдова же перешла от старого Кодекса об административных правонарушениях к созданию собственной законодательной базы. В результате был принят новый Кодекс о правонарушениях Республики Молдовы от 24.10.2008 г. № 218 (далее – КоП РМ) [5]. Административные правонарушения потеряли свой статус «административности», однако продолжают быть отделенными от уголовных преступлений. В этой стране они имеют название «правонарушения» и обозначают легкие деликты, которые не имеют признаков большой общественной опасности.

Из анализа правовых положений Франции, в том числе Уголовного кодекса Франции (далее – УК Франции) и Уголовно-процессуального кодекса Франции (далее – УК Франции), установлено, что правонарушения, которые в Украине отнесены к КВоАП, во Франции являются частью уголовного права и могут относиться к большинству мелких, но уголовных нарушений (*contraventions*), часто к проступкам (*delits*), а иногда даже к преступлениям (*crimes*) [6], которые все наказуемы и квалифицируемы согласно Уголовному кодексу и Декретам Государственного совета Франции.

Обозначение давности привлечения к ответственности исследуемых стран характеризуется вариативностью употребления терминологических выражений:

1) «сроки наложения административных взысканий» характерны для Украины [7];

2) «сроки давности привлечения к ответственности» предусмотрены в Молдове [5];

3) «*prescription*» (в пер. с франц. – временные ограничения), «*statutes of limitations*» (сроки исковой давности как общий термин для гражданских и уголовных дел), «*limitation periods*» (сроковые ограничения, сроки давности) – во Франции [8]. Употребление такого единого обозначения для гражданских и уголовных дел Франции, как «исковая давность», обусловлено тем, что истечение давности, в соответствии со ст. 6 УПК Франции, является одним из оснований для прекращения (погашения) публичного преследования, которое обозначается термином «*l'action publique*» [8]. В переводе «*l'action publique*» – это «начало уголовного или публичного пре-

следования», буквально с французского переводится как «публичный иск». Поэтому употребление термина «исковая давность» в уголовных делах Франции является характерным и целесообразным правоприменительным определением.

Что касается сравнения сути исследуемых понятий, то в Украине согласно ст. 38 Кодекса Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 г. № 8073-Х сказано, что административное взыскание может быть наложено на физическое лицо не позднее, чем по истечении установленных этой статьей сроков [7]. Таким образом, срок наложения административного взыскания в Украине подразумевает время для принятия уполномоченным органом решения о наложении административного взыскания.

Характерные для Украины сроки наложения административных взысканий известны законодательству Молдовы под названием «сроки давности привлечения к ответственности» (ст. 30 КоП РМ) в качестве основания для «освобождения от ответственности» (ст. 26 КоП РМ) за совершение деяния, имеющего признаки состава правонарушения [5]. То есть уполномоченные лица государственной власти Молдовы имеют временные ограничения для реализации такого юридически значимого действия, как принятие постановления о применении административного наказания. По достижении этой цели давность привлечения к административной ответственности заканчивает своё предназначение.

Согласно ст. 6 УПК Франции истечение давности (обозначается словом «*prescription*») является одним из оснований для прекращения (погашения) публичного преследования, которое осуществляется с целью применения наказания [8]. Следует отметить, что понимание предусмотренной законами Франции давности привлечения к уголовной ответственности составляет существенное отличие по сравнению с правом Украины и Молдовы.

Если в Украине и Молдове это непрерывающийся срок от момента совершения, обнаружения правонарушения или со дня совершения последнего действия или бездействия, в течении которого уполномоченный орган или суд должны наложить взыскание (применить наказание) путем вынесения законного постановления (решения), то во Франции под

предусмотренной законом давностью подразумевается время, в течении которого уполномоченный орган или суд должны совершить юридическое действие (шаг), который был бы направлен на осуществление расследования или реализацию публичного обвинения [8].

Например, если в течение года с момента совершения нарушения во Франции не начато уголовное преследование, оно прекращается (является погашенным). Если уполномоченным лицом начато публичное преследование в пределах года и сделан определённый юридически значимый шаг (например, составлен протокол, вынесено постановление и т. п.), то давность прерывается. Пройденный до этого срок ликвидируется, и один год начинает считаться сначала – уже с даты совершения последнего юридически значимого шага. И так происходит до момента вступления решения суда о назначении наказания в законную силу [8].

Юридически значимыми шагами, которые являются основаниями для прерывания течения давности привлечения к уголовной ответственности во Франции, считаются акты судебного производства и следствия (например, следственное действие, отложения рассмотрения дела, обжалование решения и т. д.). Давность привлечения к уголовной ответственности во Франции не является абсолютной [9], ведь может быть приостановлена на основании неограниченного перечня обстоятельств, который постоянно расширяется новыми прецедентными судебными решениями.

То есть давность во Франции, в отличие от Украины и Молдовы, имеет иной смысл: хотя цель ее существования остается общей для всех исследуемых стран, это предел целесообразности преследования за совершение правонарушения.

Рассматривая вопрос давности, необходимо иметь в виду, что аналогично Украине и Молдове во Франции существует разница между давностью осуществления публичного преследования (продолжение которого невозможно после окончания указанного периода времени) и давностью исполнения наказания (вынесенные приговоры остаются невыполненными полностью или частично за счёт истечения времени, прошедшего с момента их вынесения) [8].

Принимая во внимание положительный опыт Франции, который предусма-

тривает возможность прерывания давности, все же стоит учитывать негативную сторону неисчерпаемости оснований приостановления течения исследуемых сроков, которые могут поставить человека в состояние неопределённости, непредсказуемости и длительного затягивания производства.

Считаем, что существование многих оснований приостановления течения давности во Франции, которые не имеют исключительного перечня и учреждаются каждый раз на новых прецедентных решениях, дают возможность неограниченного оттягивания времени, что можно расценивать как предлог к правовому своеволию. Юридический комитет Сената Франции в Информационном докладе под председательством господина Ж.-Ж. Иест пришёл к выводам о том, что нынешняя ситуация во Франции по этому вопросу является источником путаницы и правовой неопределённости [9].

Что касается сравнения продолжительности течения давности привлечения к административной ответственности, то следует отметить, что Украина и Молдова характеризуются наличием значительной идентичности законотворческой техники, которая влечёт соответствующие правоприменительные процессы. В первую очередь аналогия проходит с продолжительностью общих сроков (классификация наша – К.Т.), которые в Украине составляют по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьёй, три месяца [7], а в Молдове – три месяца вне зависимости от органа, уполномоченного на рассмотрение дело [5].

По уголовным делам Франции течение давности привлечения к ответственности исчисляется по принципу характера совершенного деяния: один год – для нарушений, три года – для проступков (деликтов) [8].

Такого минимального срока, как два месяца, для наложения административного взыскания, характерного для Украины, не предусматривает ни одна из исследуемых стран.

Сходство Украины, Молдовы и Франции состоит в порядке исчисления сроков для разовых правонарушений; отсчёт начинается со дня его совершения. Отличительным между странами является порядок исчисления срока в случае совершения длящегося и продолжаемого правонарушений. В Молдове в случае длящегося и продолжаемого правона-

рушений срок давности рассчитывается со дня совершения последнего действия или бездействия (ст. 12 КоП РМ) [5], в то время как в Украине только для длящегося правонарушения отсчет времени совершается со дня его обнаружения [7]. Во Франции если противоправная деятельность продолжается (в случае длящегося правонарушения), давность начинает свой отсчет со дня, когда противоправное действие заканчивается [8].

Специальные сроки давности во всех странах отличаются. В Украине основаниями их применения является совершение коррупционного правонарушения (три месяца со дня обнаружения, но не позднее одного года со дня совершения), правонарушения порядка государственных закупок (три месяца со дня обнаружения, но не позднее двух лет со дня совершения), прекращение уголовного производства по делу и начало рассмотрения дела в порядке КУоАП (месяц со дня принятия решения о закрытии уголовного производства) [7].

В Молдове специальные сроки применяются в области предпринимательской, налоговой, таможенной деятельности, ценных бумаг и составляют 12 месяцев [5].

Франции присуща нестабильность правовых норм, частые изменения длительности общей давности. Для проступков (деликтов) устанавливаются все новые исключения из общего трёхлетнего срока, которые колеблются от 3-х месяцев (за определённые нарушения в сфере средств массовой информации) до 30 лет [9].

Правовые последствия окончания исследуемых сроков во всех трех странах одинаковые: в Украине – основание исключения производства и закрытия дела; в Молдове – основание освобождения от ответственности, что имеет правовым последствием исключения производства; во Франции – основание для прекращения преследования.

Особенностью закона Молдовы является то, что согласно ч. 6 ст. 30 КоП РМ в случае окончания срока давности считается, что лицо не привлекалось к ответственности за правонарушение. Кроме того, формулировка ст. 441 КоП Молдовы такая же, как в Украине, и предусматривает «обстоятельства, исключающие производство о правонарушении» [5].

Интересным является подход в Молдове к правильности практики призна-

ния уполномоченными органами (должностными лицами) вины лица, которое привлекается к административной ответственности в постановлении о прекращении дела по истечению сроков давности.

Прекращение производства в Молдове предусматривает восстановление в правах лица, в отношении которого оно было начато. Учитывая опыт этой страны, уместно указать на то, что согласно ч. 5 ст. 462 КоП Молдовы резолютивная часть решения по делу должна содержать решение о прекращении производства о правонарушении или решение о виновности лица в совершении деяния, которое относится ему в вину [5]. То есть признание вины и прекращение производства по истечении сроков давности привлечения к ответственности невозможно совместить в одном решении. К сожалению, практика украинских судов является полностью противоположной.

Как показали результаты практического исследования, прекращение (закрытие) производства по делу во всех странах (Украине, Молдове и Франции) вызвано чаще всего затягиванием его рассмотрения (умышленным или таким, что возникло по объективным причинам, в том числе из-за несовершенства правовых конструкций). Это приводит к уклонению от административной ответственности виновных лиц, что дает основания для проведения дальнейших исследований в этом направлении.

Выводы. Таким образом, сравнение подходов к пониманию сущности и значения давности привлечения физических лиц к ответственности в сфере административно-деликтного права Украины и Молдовы показало, что более целесообразно говорить об общности ее понимания, чем о различиях, которые заключаются в отдельных терминологических расхождениях, большей детализации и вариативности исследуемых сроков, модернизации правил законодательства к современному состоянию развития общества в Молдове.

Наличие во Франции таких оснований для приостановления течения давности, как совершение юридически значимых актов (действий) и порядок ее отсчёта, свидетельствуют об ином подходе законодателя к пониманию срока, который вкладывается в понятие исследуемой давности этой страны. Но при всех отличиях суть установления рассматриваемых временных пределов для Укра-

ины, Молдовы и Франции одинаковая: запретить государству неограниченное во времени преследование лица путём установления условия-требования прекращения производства по делу.

Список использованной литературы:

1. Сушко Є.О. Важливість принципу комплексного підходу під час порівняння законів різних держав / Є.О. Сушко // Ча-сопис Київського ун-ту права. – 2012. – № 3. – С. 249–251.

2. Зубов А.А. Зарубежный опыт судебного рассмотрения дел о нарушениях в сфере предпринимательской деятельности / А.А. Зубов // Национальный юридический журнал: теория и практика. – 2014. – № 5/12. – С. 54–61.

3. Заросило В.О. Порівняльний аналіз діяльності міліції України та поліції зарубіжних країн в питаннях виявлення та припинення адміністративних правопорушень / В.О. Заросило // Зовнішня торгівля: економіка, фінанси, право. Серія «Правознавство». – 2012. – № 1. – С. 26–29.

4. Петков С.С. Адміністративна деліктологія – наріжний камінь адміністративно-правової реформи в країнах Східної Європи / С.С. Петков // Публічне право : наук.-практ. юрид. журнал. – 2011. – № 3. – С. 42–48.

5. О Правонарушениях : Кодекс Республики Молдова № 218 от 24.10.2008 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lex.justice.md/ru/330333>.

6. Code pénal : version consolidée au 27 mars 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEX000006070719>.

7. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 07.12.1984 р. № 8073-X [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/80731-10/page2>.

8. Code de procédure pénale : version consolidée au 6 août 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEX000006071154>.

9. Pour un droit de la prescription moderne et cohérent : rapport d'information n. 338 (2006–2007) de MM. Jean-Jacques Huest (et autres) déposé le 20 juin 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.senat.fr/rap/r06-338/r06-338.html>.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ НАРУШЕНИЙ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ УСЛУГ

Наталья ФЕДОРЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и правового обеспечения туризма Киевского университета туризма, экономики и права

Summary

This article analyzes the concept and characters of violations of contractual obligations to provide services. Focuses on the unlawfulness of contractual obligations to provide services as a constitutive feature of breach of such obligations. Analyzes the characteristics of involvement of a third party to fulfill the terms of service contract. It is noted that the stability of a binding relationship to provide services associated with the contractual discipline, which in turn is determined by the efficiency of legal norms violation of contractual obligations, their effects and application by parties to the relevant remedies. The notion of a breach of contractual obligations to provide services.

Key words: service obligations, offenses, failure, inadequate performance, legal consequences, illegality, abuse of the law.

Аннотация

В статье анализируются понятие и признаки нарушений договорных обязательств по оказанию услуг. Акцентируется внимание на противоправности в договорных обязательствах по оказанию услуг как конститутивном признаке нарушения таких обязательств. Анализируются особенности привлечения третьего лица к выполнению условий договора о предоставлении услуг. Отмечается, что стабильность обязательственных правоотношений по предоставлению услуг связана с договорной дисциплиной, которая в свою очередь определяется эффективностью правовых норм о нарушении договорных обязательств, их последствий и применения сторонами соответствующих средств правовой защиты. Сформулировано понятие нарушения договорных обязательств по оказанию услуг.

Ключевые слова: обязательства по предоставлению услуг, правонарушения, неисполнение, ненадлежащее исполнение, правовые последствия, противоправность, злоупотребления правом.

Постановка проблемы. Одной из основных задач механизма гражданско-правового регулирования является обеспечение устойчивого функционирования экономической системы общества. Именно обязательственное право, будучи самой большой по объему составляющей частного права, регламентирует порядок возникновения, изменения и прекращения отношений по оказанию услуг. В то же время стабильность обязательственных правоотношений по предоставлению услуг связана с договорной дисциплиной, которая в свою очередь определяется эффективностью правовых норм о нарушении договорных обязательств, их последствий и применения сторонами соответствующих средств правовой защиты. В целом следует отметить, что правовое регулирование отношений, связанных с нарушением договорных обязательств с принятием Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины), по

сравнению с ГК УССР 1963, приобрело качественно новых признаков.

Целью статьи является раскрытие понятия и признаков нарушений договорных обязательств по предоставлению услуг.

Изложение основного материала. Так, тогдашний законодатель, оперируя понятием «нарушение обязательств», не давал его дефиниции и, что не менее важно, не занимался определением последствий такого нарушения. По нашему мнению, во времена плановой политики регулирования любыми экономическими процессами необходимости в таком закреплении действительно не было, поскольку в других равноуровневых нормативно-правовых актах были закреплены другие (дисциплинарные, административные, уголовно-правовые) средства воздействия на правонарушителя. Зато в нынешние времена превалирования диспозитивного метода регулирования гражданских правоотношений возникла потребность в

законодательном закреплении такого понятия. Так, законодатель в ст. 610 ГК Украины под нарушением обязательства предлагает понимать его невыполнение или выполнение с нарушением условий, определенных содержанием обязательства (ненадлежащее исполнение). При этом такое общее определение, как представляется, распространяется как на договорные, так и на недоговорные обязательства. Поскольку рассмотрение особенностей понятия и последствий нарушения недоговорных (в частности, деликтных) обязательств выходит за пределы предмета нашего исследования, заметим, что дальше нарушение обязательства будет анализироваться только в рамках исследования договорных правоотношений по оказанию услуг.

Итак, основанием возникновения гражданско-правовой ответственности является нарушение субъективных гражданских прав и обязанностей, закрепленных нормами закона или условиями договора о предоставлении услуг. Специфическим признаком гражданского правонарушения является то, что оно может наступать как в результате нарушения норм закона, так и в результате невыполнения или ненадлежащего выполнения положений договора. Таким образом, гражданское правонарушение может заключаться в невыполнении договорных условий субъектами правоотношений по предоставлению услуг, однако этот договор должен соответствовать императивным требованиям, действующим в момент его заключения.

В то же время целесообразно отметить, что положения договора о предоставлении услуг, даже если они не противоречат требованиям закона, не являются нормами права. Поэтому при использовании термина «правонарушение» в понимании его наукой уголовного права нарушение положений договора остается за его пределами. Однако в цивилистике ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств наступает наравне с ответственностью за нарушение законодательных норм. Учитывая приведенное, приходим к выводу, что применительно к гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора об оказании услуг в

содержание понятия «правонарушения» следует включать наравне с нарушением прав, установленных законом, также и нарушения прав, следующих из условий исследуемого договора. Таким образом, характеристика нарушений норм закона и положений договора о предоставлении услуг в качестве оснований гражданско-правовой ответственности и объединение их под общим термином «правонарушение» позволяют выделить ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства как вид гражданско-правовой ответственности, которая наступает в результате нарушения положений договора.

Законодатель в ст. 610 ГК Украины определяет понятие нарушения обязательства как родовую категорию через указание на его виды. В то же время понимание нарушения договорного обязательства за его неисполнение или ненадлежащее исполнение не может дать необходимое представление о его сущности как правовой категории. Целесообразно отметить, что такой прием по законам логики, когда не раскрывается сущность понятия, называется индуктивным определением [5, с. 167–168]. Анализируя приведенное определение, приходим к выводу, что прежде всего нарушается именно обязательственное правоотношение. Соответственно, нарушение конкретного обязательства по предоставлению услуг происходит в случае совершения стороной должного действия (односторонней сделки), направленного на выполнение обязательства, в соответствии с условиями договора, требованиями актов законодательства, обычаев делового оборота, требованиями, которые обычно относятся к общим принципам гражданского законодательства.

Говоря о правонарушениях в сфере отношений по оказанию услуг, следует отметить, что они являются теми юридическими фактами, которые порождают правоотношения между деликвентом и потерпевшим (п. 4 ч. 2 ст. 11 ГК Украины) и формируют определенные требования потерпевшего к деликвенту о возмещении вреда, причиненного его противоправными действиями. Соответственно, нарушение договора о предоставлении услуг предполагает дефект выполнения при совершении обязанной стороной действий (или воз-

держании от их совершения). Поэтому при нарушении договора о предоставлении услуг наблюдается несовершенство стороны необходимого действия (действий), направленного на надлежащее исполнение условий договора, что предусмотрено актами гражданского законодательства и/или конкретизировано соответствующим договором.

По нашему мнению, нарушения договорного обязательства по предоставлению услуг целесообразно рассматривать как: 1) поведение стороны договора о предоставлении услуг, которая нарушает взятые договорные обязательства; 2) как специфическое состояние договорного правоотношения, возникшего в результате такого противоправного поведения; 3) как определенный во времени момент, с наступлением которого обязательства по предоставлению услуг является нарушенным; 4) как основание применения предусмотренных договором и/или законом способов защиты субъективных гражданских прав.

Учитывая приведенное, подходящим представляется вывод А.С. Гришко о том, что объектом нарушения договорного обязательства является его содержание, а именно обязанность (обязанности), что составляет содержание обязательства [4, с. 36]. То есть важным признаком нарушения договорного обязательства по предоставлению услуг является нарушение содержания такого обязательства в форме неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности (обязанностей), формирующее содержание этого договорного обязательства.

Не менее важным признаком нарушения договорного обязательства по предоставлению услуг является несовершенство или ненадлежащее совершение стороной деяния, требуемого от нее условиями договора о предоставлении услуг, актов гражданского законодательства и пр., которые обычно относятся к такого рода отношениям за любым из элементов выполнения. Отклонение от надлежащего выполнения условий договора о предоставлении услуг может проявляться как в бездействии лица, так и в совершении активных действий, которые оно по договору обязано не совершать.

Следующим признаком нарушения договорного обязательства по предо-

ставлению услуг является противоправность. Не вдаваясь в детальный анализ существующих дискуссий по поводу целесообразности [2, с. 716] или нецелесообразности [7, с. 36] отнесения противоправности к признакам договорного правонарушения, отметим целесообразность поддержания мнения тех исследователей, которые рассматривают противоправность как необходимый признак нарушения договорного обязательства. К такому выводу приходим путем анализа ст. 617 ГК Украины, в которой случаи отсутствия надлежащего исполнения вследствие казуса и непреодолимой силы законодатель конструирует именно в рамках понятия нарушения обязательства, устанавливая только другие правовые последствия такого нарушения (отсутствие мер ответственности). Поэтому считаем целесообразным поддержать высказанный в отечественной юридической литературе подход, согласно которому противоправность нарушения договорного обязательства следует признавать его конститутивным признаком, в том числе и в случаях, когда оно произошло не только в связи с противоправными действиями субъекта выполнения, а через внешние обстоятельства, которые должник не мог предвидеть (случай) или находившихся за пределами его волевого воздействия (непреодолимая сила) [4, с. 40]. Иначе говоря, противоправность поведения неисправного контрагента заключается в самом факте нарушения договорного обязательства (нарушение и его противоправность) [9, с. 7], а не в психическом отношении нарушителя к совершенному правонарушению [8].

По такому признаку противоправность отражает юридическую сущность любого гражданского правонарушения. Поэтому трудно согласиться с высказанным в российской юридической литературе тезисом, согласно которому в отношении договорной ответственности вряд ли целесообразно концентрировать внимание на противоправности поведения нарушителя как обязательном признаке нарушения, что влечет применение гражданско-правовой ответственности, поскольку при нарушении условий договора поиск конкретных правовых норм, которым противоречит поведение нарушителя договорного обязательства, является искусственным и лишним [1, с. 572].

По нашему мнению, приведенная точка зрения под углом нашего исследования противоречит законам логики хотя бы потому, что совершить правонарушение означает поступить против права, то есть противоправно. Другими словами, нарушение условий договора о предоставлении услуг является противоправным и не требует, как считают вышеприведенные исследователи, «поиска конкретных правовых норм».

На этой основе можем сделать вывод, что противоправность в договорных обязательствах по оказанию услуг является конститутивным признаком нарушения таких обязательств, имеет объективный характер и характеризует несоответствие поведения контрагента, установленного на нормативном или индивидуальном уровнях стандартов.

Не менее дискуссионным на сегодня остается вопрос самостоятельности или, соответственно, так называемой принадлежности гражданской противоправности такой категории, как «злоупотребление правом». Общеизвестно, что эта правовая категория в свое время была достаточно глубоко и всесторонне исследована В.П. Грибановым. Ученый относил злоупотребления правом к особому типу гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанного с использованием недозволенных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [3, с. 47–48]. Несмотря на ряд критических высказываний этой позиции, целесообразно отметить, что большинство исследователей все же приходят к выводу, что злоупотребление правом является разновидностью правонарушений, предусмотренных запретительными нормами гражданского права.

Представляется, что злоупотребление правом является ничем иным, как противоправным поведением, с тем лишь отличием, что оно связано с процессом реализации субъективных гражданских прав, точнее, с выходом за пределы разрешенной законодателем поведения. Более того, использование законодателем в ГК Украины понятия «злоупотребление правом» еще раз подтверждает обоснованность вывода о том, что оно не является самостоятельным специфическим нормативным критерием противоправности.

Таким образом, вышеприведенное позволяет выделить следующие признаки нарушения договорных обязательств по оказанию услуг: а) нарушение содержания обязательства, которое отражается в форме неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по договору о предоставлении услуг; б) отклонения стороны от условий выполнения по любым из его элементов; в) противоправность, которая имеет объективный характер.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что в современной цивилистической доктрине все большее распространение получает понимание нарушения договорного обязательства как объективной категории. Этот подход относительно правонарушений в сфере предоставления услуг является достаточно интересным, поскольку вряд ли целесообразно в понятие нарушения вводить такие факторы, как субъективная сторона, наличие вреда, причинного связью между противоправным поведением и вредом, а также вины лица, причинившего вред, ведь уже сам факт противоречия поведения должника условиям договора о предоставлении услуг и отсутствия надлежащего выполнения является достаточным, чтобы констатировать нарушение договорных условий. Это означает, что если наличие этих условий не будет установлено, то нарушения обязательства как юридический факт не исчезнет. Изменяется лишь его правовые последствия: возможность и порядок применения средств защиты, в частности гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков [1, с. 714]. Кроме того, это связано с наличием других средств защиты, возможность использования которых прямо не ставится в зависимость от виновности должника или нанесения кредитором убытков [10, с. 199].

Характеристика договорных правонарушений в сфере предоставления услуг невозможно вне связи с их субъектами. Как отмечается в юридической литературе, основным признаком для всех субъектов гражданских правонарушений выступает категория правосубъектности. С этих позиций субъекты гражданского правонарушения рассматриваются как «правосубъектное» основание возникновения охранных правоотношений [6, с. 19]. Частично

воспринимая такую точку зрения, следует отметить, что наличие у субъекта договорного обязательства по предоставлению услуг правосубъектности недостаточно, чтобы быть субъектом договорного правонарушения, поскольку она означает лишь потенциальную возможность быть субъектами таких правонарушений. По нашему мнению, чтобы быть признанным субъектом договорного правонарушения, необходимо наличие соответствующего юридического факта, которым в нашем случае является противоправным деянием, совершенным стороной договора о предоставлении услуг.

Поскольку субъекты обязательств по оказанию услуг всегда четко определены, его нарушителем в большинстве случаев является одна из них сторон (заказчик или исполнитель). Целесообразно отметить, что на практике при определении размера причиненного ущерба при предоставлении различного рода услуг учитывается и характеристика потерпевшего, поскольку всякое правонарушение направлено на вмешательство в сферу деятельности конкретного лица. И довольно часто бывает так, что правонарушениями наносится значительный ущерб здоровью (при предоставлении медицинских услуг), социальным правам человека (при предоставлении образовательных услуг), имущественной сфере (при предоставлении аудиторских услуг) и др.

Также нарушителем в договорных обязательствах по оказанию услуг может выступать и третье лицо, вступившее в правоотношения на стороне исполнителя или заказчика на основании односторонних сделок, обеспечивающих надлежащее исполнение обязательства. Однако следует отметить, что такое третье лицо может быть нарушителем только в случае, когда на него возложено исполнение в целом или в части условий договора о предоставлении услуг.

В то же время в договорах о предоставлении услуг существуют свои особенности по привлечению третьего лица к выполнению за должника его обязательств. Так, третье лицо привлекается к выполнению на возмездной основе исполнителя его обязательств или отдельных услуг, исходя из содержания ч. 2 ст. 902 ГК Украины, не заменяет исполнителя и не становится

дополнительным должником. Заказчик, согласно общему правилу, не вступает с таким лицом в какие правоотношения, следовательно, обязанным лицом перед ним остается исполнитель, который отвечает за нарушение взятых на себя договорных обязательств.

Выводы. Итак, суммируя вышесказанное, предлагаем под нарушением договорных обязательств по оказанию услуг понимать неисполнение или ненадлежащее исполнение контрагентом условий заключенного между ними договора, а также несоблюдение своими действиями и/или бездействием норм действующего законодательства Украины, обычаев делового оборота, что является отклонением от условий надлежащего исполнения по любым из его элементов и нарушает субъективное гражданское право кредитора и/или других лиц, следствием чего является применение к правонарушителю гражданско-правовой ответственности.

Список использованной литературы:

1. Брагинский М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М., 1997. – 814 с.
2. Гражданское право Украины : [учебник] : в 2 кн. / [О.В. Дзера, Д.В. Боброва, А.С. Довгерт и др.] ; под ред. А.В. Дзери, Н.С. Кузнецовой. – 2-е изд., перераб. и перераб. – К. : Одиссей, 2005– . – Кн. 1. – 2005. – 921 с.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М. : Статут, 2000. – 351 с.
4. Гришко А.С. Нарушение договорного обязательства: понятие, виды, правовые последствия : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / А.С. Гришко. – К., 2014. – 291 с.
5. Конверский А.Е. Логика : [учебник для студентов. юрид. ф-тов] / А.Е. Конверский. – М. : Центр учеб. лит., 2004. – С. 167–168.
6. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малейн. – М., 1985. – С. 19.
7. Параскевова С.А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения (теоретические проблемы) : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.03 / С.А. Параскевова. – М., 2007. – С. 36.

8. Сулейменов М.К. Защита гражданских прав по законодательству Республики Казахстан / М.К. Сулейменов // Юрист. – 2004. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://law.edu.ru/docdocument.asp?docID=1235340#_ftnref67.

9. Ткачук А.Л. Значение вины в отношениях ответственности за нарушение договорных обязательств : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / А.Л. Ткачук. – К., 2002. – С. 7.

10. Ткачук А.Л. Значение вины в отношениях ответственности за нарушение договорных обязательств : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / А.Л. Ткачук. – О., 2002. – С. 199.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И УКРАИНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Владимир ХАРЧЕНКО,

соискатель ученой степени кандидата философских наук
Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова

Summary

The comparative analysis of the European and Ukrainian values at the background of the prospects, arising after signing the Ukraine-EU association agreement is outlined in the article. Special attention in this regard was paid to the history of the building of values. Basic theoretical aspects related to the philosophical approaches in the framework of the determination of the concept «values» also were described. The role of values in shaping the political culture process in society was analysed. Some issues were presented, resolving of which at the state level in the author's opinion, would facilitate the eurointegration process.

Key words: values, society, political culture, Ukraine – EU association agreement.

Аннотация

В статье приводится сравнительный анализ европейских и украинских ценностей на фоне перспектив, которые открываются перед Украиной в связи с подписанием Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. При этом особое внимание уделяется истории формирования ценностей. Также изложены основные теоретические аспекты, связанные с подходами в философском определении самого понятия «ценность». Проанализирована роль ценностей в процессе формирования политической культуры общества. Изложены некоторые моменты, решение которых на государственном уровне, по нашему мнению, позволит ускорить процесс сближения с Европейским Союзом.

Ключевые слова: ценности, общество, политическая культура, Соглашение об ассоциации Украины и Европейского Союза.

Постановка проблемы. Интеграция Украины в ЕС связана с необходимостью решения многих вопросов, причем важным моментом в этой связи выступает усвоение системы ценностей, являющихся основой европейской идеи. Интерпретация этих ценностей представляет собой широкий спектр толкований, которые должны быть конкретизированы в политической культуре молодых государств.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы: в настоящее время практически отсутствуют работы, связанные с анализом формирования и сопоставлением украинских и европейских ценностей.

Состояние исследования. Анализ изложенных в работе проблем, а также подходов к их оценке и возможному решению осуществляется украинскими учеными М. Кулгаевой, В. Бехом и др.

Целью статьи является проведение сравнительного анализа доминирующих в украинской культуре ценностей с европейскими аналогами.

Изложение основного материала. Дальнейшее сближение Украины с Европейским Союзом (далее – ЕС) и развитие государства на демократических принципах связано с необходимостью модернизации существующей системы ценностей. При этом нужно принять

во внимание, что украинская культура и менталитет формировались по европейскому образцу, и эта традиция в советский период никогда не претерпела изменений. Проявления уважения к этому часто демонстрировалось в эпоху М. Горбачёва с одновременной банализацией общечеловеческих ценностей, которые служили ключевыми словами всех гуманитарных исследований. По-другому обстоят дела с политической культурой, содержащей многие стереотипы из тоталитарного прошлого, представители политических элит которого существенно отличались от европейцев [7, с. 178–183].

Политическое образование населения Украины, его «воспитание ценностями» не ограничивается автодидактическим методом. Для построения демократического государства нужно сформировать современного человека, заложивши ему демократические принципы, которые нельзя унаследовать [3, с. 145].

Приобретение Украиной независимости в 1991 г. открыло путь для построения демократии и вхождения в европейское сообщество. Вступление в ЕС определено как стратегическую цель. Евроинтеграция требует проведения дальнейшего реформирования политической системы с целью соответствия европейским и мировым

стандартам. Эффективность евроинтеграции и высокие темпы проведения демократических преобразований в Украине могут быть обеспечены при условии формирования новой ценностной системы общественного мировоззрения как составляющей части политической культуры.

Находясь в авангарде мирового развития, Европа в течение веков формировала ценности. Эти ценности частично были закреплены Декларацией европейской идентичности, принятой Европейским сообществом (название Европейского Союза, когда он состоял из девяти стран-участниц) в 1973 г. в Копенгагене. Идентичность Европы, в соответствии с положениями этого документа, базировалась на общем наследии, в основу которого положены следующие ценности: идентичное отношение к жизни, которое основывается на мнении о создании общества, отвечающего потребностям людей; принципы результативной демократии; равенство перед законом; социальная справедливость и уважение к правам человека.

Для среднестатистического украинца ЕС является новой политической и социальной реальностью. При этом большинство украинцев хотят жить в социальном государстве, которое, по их мнению, должно функциониро-

вать как патерналистическое. Путь от материальных до постматериальных ценностей дается среднестатистическому украинцу тяжело. Поэтому он мыслит о свободе не только в позитивном, но и в негативном контексте. Отсюда следует также интерпретация человеческого достоинства в различных контекстах, которые возникают благодаря репрезентативным возможностям свободы [1, с. 4].

Рассмотрим основные моменты, связанные с определением понятия «ценности» с философской точки зрения. Понятие «ценность» впервые определено у немецкого философа И. Канта, который считал её высшим принципом человеческого поведения. Значительный объем работы в контексте анализа европейских ценностей и изучения процесса формирования политической культуры общества был проведен украинским ученым Ю. Щербаковой. В философии «ценность» рассматривается с двух позиций: во-первых, как «понятие, которое характеризует безусловные основы человеческого существования; во-вторых, как «значение определенных предметов, явлений, процессов для человека». Два определения понятия «ценность» могут на практике отрицать друг друга. То, что в философии рассматривается как ценность (свобода, доброта, истина), для отдельного человека может не представлять интереса. Среди философов нет общего понимания ценностей. Например, лейтмотивом неокантианской концепции ценностей является утверждение, что из того, что есть в наличии, нельзя вывести то, что должно быть. Представителями натуралистического психологизма рассматривают ценности как «третичные качества» рядом с «первичными качествами» – объективными свойствами материальных тел (протяженность, величина, положение, движение, спокойствие и др.), а также «вторичными качествами» – субъективными чувствами (цвет, звук, вкус и т. д.). По мнению сторонников персоналистического онтологизма, структура ценностного мира дублируется в структуре личности. Соответственно, основным путем обустройства окружающего мира является пробуждение чувства ценности в сознании человека, кото-

рый может стать инструментом демократизации общества. Основатели школы социологизма рассматривают ценности как средство проявления существенных характеристик социальных связей и функционирования социальных институтов, поскольку любая социальная система предусматривает существование общих ценностей в обществе. В западной культуре древних времен и средних веков считалось, что ценности низших уровней должны служить ценностям высших уровней. В настоящее время ученые признают факт трансформации ценностных систем в соответствии с историческим развитием общества. В культуре каждого общества признаны иерархические системы ценностей. По мнению австрийского ученого К. Менгера, ценности являются коллективным продуктом, который формируется в социальных процессах и является основной частью культуры каждого индивидуума или общества.

Общественные ценности состоят из политических и общественных идеалов, а также из субъективных ценностей каждого отдельно взятого человека, который ощущает себя субъектом общественных преобразований [9, с. 294–296]. Проблематика ценностей имеет дискуссионный характер. Ее решение возможно на стыке многих наук: философии, социологии, права, психологии, истории, политологии. Когда речь идет о политических ценностях, то в научной литературе существует мнение, что следует вести дискуссию не о политических ценностях, а о месте и роли ценностей в практической политике. Каждый политический процесс имеет свои преимущества и, таким образом, находит свою ценностную нишу. Так и процесс демократизации предусматривает прививание обществу набора ценностей, который должен изменить большинство сфер жизнедеятельности. В этом смысле ценности политического пространства можно назвать идеями политических потребностей человека, политической партии или общества. Политические идеи представляют основу для действий политических субъектов. Ценности политического пространства возникают, распространяются, исчезают, возникают в иной форме. Таким образом,

происходит процесс их формирования и становления. В западной политической культуре сформировался ряд наборов ценностей: консервативные, либеральные, коммунистические, социалистические, национально-этнические, пацифистские. Они тесно связаны со структурой общества.

Политическая культура является частью политического пространства и представляет собой пространство коммуникации, пространство продуцирования и реализации ценностей как составляющей части политической культуры общества. Политическая культура в значительной степени обуславливает уровень цивилизованности и демократичности жизни общества, характеризуется единством гражданских прав и обязанностей. Для утверждения демократии необходима высокая политическая культура населения. Непосредственно в процессе демократизации общества формируется такая культура. Среди главных критериев демократичности общества – наличие фундаментальных прав и свобод человека. Нормой современной политической культуры становится понимание верховенства прав человека над любыми другими правами и интересами (классовыми, партийными, национальными).

История показывает, что попытки кардинально обновить общественную жизнь были обречены на неудачу, если они не подкреплялись активным привлечением разных категорий граждан к выработке решений и их воплощению в жизнь. Только создавая благоприятные условия для раскрытия потенциала граждан, общество может получить импульс для саморазвития. Как говорил Ф. Ницше, переоценка всех ранее признанных ценностей может вызвать ценностный нигилизм и дезориентировать общество, что нередко используется безответственными политиками. Выглядит актуальным сегодня и предупреждение К. Ясперса: «Опыт противоречия самому себе во время осуществления всех видов деятельности, опыт характерных особенностей самоанализа являются источниками нигилизма» [8, с. 288].

Актуальной проблематикой изучения политической культуры делает

ситуация, которая сложилась в Украине накануне и после событий в феврале 2014 г., а также существенное увеличение объемов мировых информационных потоков, которые направляются практически во все сферы жизнедеятельности, пренебрежения отдельными государствами общепризнанных и юридически закрепленных «правил игры» на международной арене. Потребности, интересы и ценности взаимно влияют друг на друга. Поскольку именно интересы оказываются наиболее важными силами, вокруг которых происходит формирование социальной структуры общества, то именно интересы пронизывают собой систему ценностей общества.

Политическими ценностями можно назвать убеждения относительно целей, которые должны реализовать субъекты политического процесса (мир, правопорядок, суверенитет, политические свободы, социальная справедливость). Очевидно, что цен-

ности по-разному воспринимаются. Политические ценности тесно связаны с общенациональной культурой, моральными ценностями, социокультурными, национально-историческими традициями. Они отличаются в разных обществах. Формирование политических ценностей гражданина происходит во взаимодополнении и противоречии потребностей, интересов человека, которые формируются в результате исторических, культурных, социальных и других факторов.

Для конкретизации приведем перечень личных ценностей европейцев. Представлена таблица ценностей, которые разделялись гражданами 27 государств-участников ЕС и фактически сформировали европейский демос и европейскую идентичность. Информация была подготовлена на основе ежегодных опросов общественности государств-участниц ЕС «Eurobarometer», проведение которых координируется Еврокомиссией.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов 27 государств-участников ЕС на такой вопрос: «Какие из перечисленных ценностей являются наиболее важными для Вас лично?»

Категория	2008	2009	2010	2012	2013
Мир	45%	42%	44%	40%	39%
Права человека	42%	40%	47%	43%	41%
Уважение к человеческой жизни	41%	44%	41%	43%	37%
Демократия	27%	24%	29%	28%	26%
Верховенство закона	21%	20%	22%	21%	18%
Свобода личности	21%	24%	23%	23%	24%
Равноправие	19%	18%	19%	20%	21%
Толерантность	16%	19%	15%	15%	16%
Солидарность	13%	17%	15%	15%	17%
Самореализация	11%	13%	10%	11%	9%
Уважение к другим	9%	8%	8%	9%	11%
Религия	7%	6%	6%	5%	5%

Наибольшие «потери» с 2008 по 2013 гг. понесли такие категории, как «Мир» (-6%), «Уважение к человеческой жизни» (-4%) и «Верховенство закона» (-3%). Другие позиции существенных изменений не претерпели.

Попробуем проанализировать ценности граждан, которые проживают в Украине и сопоставить их с европейскими аналогами (категориями). В 2004–2005 гг. в рамках между-

народного проекта «Европейского социального опроса» (European Social Survey) было проведено исследование ценностей стран Европы, в том числе Украины (23 страны ЕС + Украина). Список ценностей, положенный в основу исследования, был сформирован израильским исследователем Ш. Шварцем и включает 10 «латентных мотивационных типов ценностей»: 1) власть (power) – социаль-

ный статус и престиж, контроль или доминирование над людьми и ресурсами; 2) достижения (achievement) – личный успех и его демонстрация через достижение и способности; 3) гедонизм (hedonism) – собственное удовольствие; 4) стимуляция (stimulation) – жизнь, насыщенная острыми ощущениями, новизной и сложными заданиями; 5) самостоятельность (selfdirection) – независимость в мышлении и принятии решений, творчество, познание; 6) универсализм (universalism) – понимание, высокая оценка и защита благополучия всех людей, а также природы; толерантность; 7) доброжелательность (benevolence) – сохранение и повышение благополучия людей, с которыми человек часто общается; 8) традиция (tradition) – уважение и принятие обычаев и идей, которые выходят из традиционной культуры и религии; 9) конформность (conformity) – избежание действий и побуждений, которые могли бы огорчить других людей или причинить им вред, а также нарушить социальные требования и нормы; 10) безопасность (security) – гармония и стабильность общества, безопасность отношений с людьми и самого человека.

В обобщенном виде сравнение Украины с 23 странами ЕС выглядит следующим образом.

Проведенное исследование представляет возможность воссоздать ценностный портрет населения Украины в сравнении с большей частью населения Европы. Стоимостные индексы на рисунке размещены в порядке уменьшения их значимости для жителей европейских стран. Как видно из рисунка, ценности украинцев имеют определенные отличия от средних значений в 23-х странах ЕС: ценности «Безопасность», «Традиция», «Конформность» и «Власть» выражены в Украине заметнее, а ценности «Самостоятельность», «Гедонизм», «Стимуляция» и «Доброжелательность», наоборот, более слабо. Таким образом, ценности украинского населения в определенной степени отличаются от ценностей населения большинства других стран, включенных в исследование. Более детальный анализ приведен ниже в таблице.

Таблица 2

**Сравнительный анализ восприятия ценностных детерминант
населением Украины и 23 государств-участников ЕС**

Название типологических ценностных индексов	Характеристика положения Украины в сравнении с другими европейскими странами
Безопасность	Опережает все страны, кроме Греции, Эстонии, Польши, Венгрии с которыми не имеет значительных отличий.
Конформность	Опережает все страны, кроме Норвегии, Польши, Словакии, Чехии, с которыми не имеет значительных отличий.
Традиция	Опережает 16 из 23 стран, отстает от Греции, не имеет значительных отличий от Словакии, Португалии, Польши, Ирландии, Испании, Словении.
Самостоятельность	Отстает от всех стран, кроме Греции.
Стимуляция	Отстает от всех стран, кроме Греции, Венгрии.
Гедонизм	Отстает от 21 страны, опережает Польшу, не имеет отличий от Словакии.
Достижения	Украина занимает среднюю позицию, отстает от 7 и опережает 8 стран, не имеет значительных отличий от 8 стран: Греции, Германии, Норвегии, Ирландии, Дании и стран Бенилюкса.
Власть	Имеет наивысшее значение и опережает все другие страны.
Доброжелательность	Отстает от 16 стран, опережает Словению. Не имеет значительных отличий от Словакии, Чехии, Португалии, Венгрии, Греции, Польши.
Универсализм	Украина занимает среднюю позицию, существенно не отличается от 10 стран. Отстает от 6 и опережает 7 стран. Не имеет существенных отличий от стран Бенилюкса, Испании, Германии, Ирландии, Норвегии, Дании, Венгрии и Великобритании.

Рис. Средние значения 10 стоимостных индексов в Украине и в других европейских странах, включенных в опрос

Следовательно, «рядовому украинцу» в 2005 г. была присуща выше, чем представителям большинства других, включенных в исследование стран, выразительность таких ценностей, как безопасность, конформность, традиция, и наоборот, более низкая выразительность таких ценностей, как самостоятельность, гедонизм, стимуляция. Кроме того, категория «власть» значительно сильнее «уважается» в Украине по сравнению с другими 23-я странами. По данным «European Social Survey», статистически значимые отличия в оценке

Украиной выбранных 10 категорий практически отсутствуют у таких стран, как Греция, Польша и Словакия (в 4 ценностных сравнениях), а также Чехия, Венгрия и Ирландия (в 3 ценностных сравнениях). Сравнение ценностного профиля Украины с другими странами свидетельствует о том, что особенно близки к Украине профили Польши и Словакии.

2013 и 2014 г. продемонстрировали активное внутриполитическое развитие в Украине и намерения разных социологических групп Украины активнее двигаться в направлении

европейских ценностей. Активизировался диалог на уровне «Украина – ЕС». 21 марта 2014 г. была подписана Политическая часть Соглашения об ассоциации Украины и ЕС, 27 июня 2014 г. была подписана Экономическая часть этого договора. С заключением Соглашения отношения между Украиной и ЕС будут переведены на уровень политической ассоциации и экономической интеграции. Сегодня ЕС готов активно участвовать в процессе политической модернизации Украины, которая «слишком долго воспринималась как запасной игрок Европы» [2, с. 427–428]. Несмотря на то, что формирование ценностей для украинского общества является предметом дискуссий и политических спекуляций, сегодня Украина фактически находится на этапе переосмысления политических ценностей и перехода от постсоциалистического прошлого к «системе координат с четко определенными и прозрачными правилами игры». Сегодня в Украине сформировано гражданское общество, существует система многопартийности, развивается деятельность общественных организаций, активизировалось волонтерское движение, реализуются социальные проекты и программы. По словам К. Бейме,

«гражданское общество считается актуальным до тех пор, пока оно не самоизолируется и сфокусировано на политическом процессе» [5, с. 262–263]. Учитывая относительно невысокий уровень законопослушности граждан, социальную безынициативность отдельных слоев населения, ностальгию отдельных индивидуумов по авторитарной властной вертикали и т. п., сегодня целесообразно рассматривать возможность организации проведения согласованного комплекса мероприятий, направленных на «запуск» процесса «корректировки общественного сознания». В настоящее время сохраняется относительно невысокий уровень доверия граждан к властным институтам, органам правопорядка. Пребывание в «перманентном избирательном процессе», нестабильность власти, постоянная реорганизация государственных учреждений Украины в основном негативно влияют на социальное доверие в украинском обществе. Российская агрессия и необходимость обеспечения мира на украинской земле на фоне растущего недовольства экономической ситуацией в Украине будут сдерживать процесс гармоничного развития государства на принципах демократии. В своей книге «Grenzen der Demokratie» Р. Дарендорф указывает на такую тенденцию: «Сами выборы не создают свободного конституционного строя, решающим является правовое государство и внешняя сила, которая его поддерживает» [6, с. 14]. При этом под внешней силой Р. Дарендорф имел в виду политические правила игры, которые никогда не могут быть нарушены в демократических обществах, даже из гуманных оснований.

Выводы. Сегодня украинское общество переживает тяжелую фазу духовного обновления и структурных трансформаций общественной и частной жизни. Оно возвращается к своим европейским первоисточникам назад, которые будут содействовать возрождению. Украину сегодня можно считать «опоздавшей нацией», которая хочет наверстать быстрыми темпами упущенное время. Рецепция идеи Европы в украинском политическом сознании должна осуществляется с более активным образовательным

и информационным сопровождением, преодолением нигилизма. Нужны время и политическая воля для того, чтобы внести изменения и коррективы. Известно, что ЕС иногда критикуется с различных позиций; список претензий, которые установил У. Бек, большой: «Европа – это слепая бюрократия», «Европа разлагает демократию», «Европа подрывает национальный суверенитет», «Европа уничтожает многообразие наций» [4, с. 60]. Однако как общество, разделяющее определенные ценности, ЕС остается примером для молодых демократий, стимулируя к модернизации общества, в которой нуждаются страны с социалистическим прошлым.

Список использованной литературы:

1. Култаева М. Передмова / М. Култаева // Суспільне покликання філософії освіти у сучасних соціокультурних контекстах / за ред. М. Култаєвої. – Х. : ТОВ «Щедра садиба плюс», 2014. – С. 3–9.
2. Михальченко М. Україна як нова історична реальність: запасний гравець Європи / М. Михальченко. – Дрогобич : ВФ «Відродження», 2004. – 488 с.
3. Харченко В. Соціально-філософські та освітні смисли ідеї Європи / В. Харченко // Суспільне покликання філософії освіти у сучасних соціокультурних контекстах / за ред. М. Култаєвої. – Х. : ТОВ «Щедра садиба плюс», 2014. – С. 141–147.
4. Beck U. Was zur Wahl steht / U. Beck. – Suhrkamp Verlag ; Frankfurt am Main, 2005. – 126 S.
5. Beyme K. Die politischen Theorien der Gegenwart. Eine Einführung / K. von Beyme. – Westdeutscher Verlag ; Wiesbaden, 2000. – 359 S.
6. Dahrendorf R. Grenzen der Demokratie / R. Dahrendorf // Die Welt. – 2006.
7. Hartmann M. Eliten und Macht in Europa. Ein internationaler Vergleich / M. Hartmann. – Campus Verlag ; Frankfurt ; New York, 2007. – 268 S.
8. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen / K. Jaspers. – R. Piper : München, 1994. – 515 S.
9. Sloterdijk P. Zorn und Zeit / P. Sloterdijk. – Suhrkamp Verlag ; Frankfurt am Main, 2006. – 356 S.
10. Щербакова Ю. Цінності об'єднаної Європи : [монографія] / Ю. Щербакова. – К. : ВЦ «Академія», 2014. – 208 с.

ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Руслан ЧЕРНЫЙ,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, докторант
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The socially dangerous act in the body of infringement on life of state or public officer is researched in the article. In particular, on the basis of the analyses of positions, provisions of law on criminal liability and judicial practice proposed by the scholars it is stated that the objective side of crime, provided by art. 112 of Criminal Code of Ukraine constitute socially dangerous act (act or omission) the point of which is the assault to murder (completed or incompleting) or attempted unlawful cause death of person affected. It is noted that socially dangerous acts constitute separate forms of manifestations of objective side of the mentioned corpus delicti and are ways of harming public relations to ensure the safety for performance of state power by higher officials and leaders of political parties, leading to a full, partial, or for a certain period of time to termination of their powers provided for by the laws of Ukraine and statutes or improper execution of the powers of specified persons in the interests of perpetrator. Apart of that, the position according to which the liability is provided for the committing other acts endangering injurious actions to social relations, wherefore, the art. 112 of Criminal Code of Ukraine is needed to be improved. On the basis of the conducted research amendments and alterations to the Criminal Code of Ukraine have been proposed.

Key words: socially dangerous acts, crimes against the basis of national security infringement on life of state or public officer, murder, assault to murder.

Аннотация

В статье исследуется общественно опасное деяние в составе посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля. В частности, на основании анализа предложенных учеными позиций, положений закона об уголовной ответственности и судебной практики утверждается, что объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 112 Уголовного кодекса Украины, образует общественно опасное деяние (действие или бездействие), заключающееся в покушении на убийство (оконченное или неоконченное) или умышленном противоправном причинении смерти потерпевшему. Отмечается, что указанные общественно опасные деяния образуют самостоятельные формы проявления объективной стороны указанного состава преступления и являются способами причинения вреда общественным отношениям по обеспечению безопасности осуществления государственной власти высшими должностными лицами и руководителями политических партий, приводят к полному или частичному в течение определенного времени прекращению выполнения ими предусмотренных законами Украины и уставными документами полномочий или ненадлежащему исполнению указанных полномочий указанными лицами в интересах виновного. Кроме этого, обосновывается позиция, согласно которой в Уголовном кодексе Украины предусмотрена ответственность за совершение других деяний, создающих угрозу причинения вреда указанным общественным отношениям, в связи с чем ст. 112 Уголовного кодекса Украины требует усовершенствования. На основании проведенного исследования предложены изменения в Уголовный кодекс Украины.

Ключевые слова: общественно опасное деяние, преступления против основ национальной безопасности, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, убийство, покушение на убийство.

Постановка проблемы. Уголовно-правовые проблемы ответственности за преступления против основ национальной безопасности Украины занимают одно из ключевых мест в современной юридической науке. От правильного определения признаков, образующих объективную сторону указанных деяний, зависит квалификация содеянного и законность назначения виновному наказания. В связи с этим анализ признаков, характеризующих посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля с внешней стороны, является актуальным и своевременным.

Состояние исследования. Весомый вклад в разработку указанных проблем сделали А.Ф. Бантышев, В.К. Гришук, И.В. Диордица, А.А. Дудоров,

С.В. Дьяков, О.Ю. Звонарев, В.С. Картавец, В.А. Липкан, П.С. Матюшевский, М.И. Мельник, В.А. Навроцкий, Г.В. Новицкий, А.С. Сотула, В.В. Сташис, В.Я. Тацкий, В.П. Тихий, М.И. Хавронюк, А.В. Шамара, С.С. Яценко и другие ученые.

В тоже время много вопросов, касающихся форм проявления общественно опасного деяния в составе преступления, предусмотренного ст. 112 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины), остаются дискуссионными.

В связи с этим целью статьи является исследование признаков объективной стороны указанного состава преступления, выявление проблемных аспектов и формулировка предложений по усовершенствованию закона Украины об уголовной ответственности.

Изложение основного материала.

В ст. 112 УК Украины не содержится определение понятия посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля. Учеными предложено четыре позиции в понимании рассматриваемого вопроса.

Так, по мнению О.Ю. Звонарева, общественно опасное деяние в составе преступления, предусмотренного ст. 112 УК Украины, сформулировано недостаточно четко, а потому мы предлагаем отказаться от применения в указанной норме термина «посягательство на жизнь» и сформулировать объективную сторону этого состава преступления как «умышленное убийство» [1, с. 86].

Представители второй позиции под посягательством на жизнь потерпевшего от этого преступления понимают по-

кушение на убийство лица [2, с. 464–465; 3, с. 396]. Последнюю позицию поддерживает В.В. Троицкий, который, в частности, отмечает, что, исходя из содержания термина «посягательство», непосредственное причинение смерти потерпевшему образует самостоятельный состав преступления, а потому не охватывается понятием «посягательство на жизнь» в полном смысле слова. Термин «посягательство на жизнь», по мнению этого ученого, предполагает совершение деяния, направленного на причинение вреда лицу, не связанного с наступлением общественно опасных последствий [4 с. 17].

Приведенные позиции являются дискуссионными, поскольку выделение форм проявления общественно опасного деяния в составе преступления, предусмотренного в ст. 112 УК Украины, должно носить комплексный характер с учетом семантического значения термина «посягательство на жизнь».

Так, в Особенной части УК Украины содержится четыре статьи, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь лица в связи с реализацией им определенных полномочий (ст. ст. 348, 379, 400 и 443 УК Украины). Обязательным признаком объективной стороны указанных составов преступлений являются деяния, состоящие в совершении убийства или покушения на убийство потерпевшего. В связи с этим вполне обоснованно возникает вопрос о том, почему в составах преступлений, предусмотренных ст. ст. 348, 379, 400 и 443 УК Украины, наступление смерти потерпевшего является обязательным признаком их объективной стороны, а убийство государственного или общественного деятеля требует дополнительной квалификации по ст. 115 УК Украины.

Кроме этого, учитывая, что одним из важнейших требований к качеству закона об уголовной ответственности является четкость и единство терминологии, которая обеспечивается путем применения одних и тех же терминов для определения одних и тех же понятий, содержащихся в различных нормах УК Украины, возникает необходимость в приведении к общему знаменателю содержания термина «посягательство на жизнь», употребляемого в ст. ст. 112, 348, 379, 400, 443 УК Украины.

Решение этого вопроса возможно двумя способами. Первый заключается в исключении из диспозиций ст. ст. 348, 379, 400, 443 противоправного причинения смерти лицу как формы проявления общественно опасного деяния предусмотренных ими составов преступлений. Второй – во внесении изменений в названия указанных статей, чтобы из их содержания непосредственно следовала бы такая форма проявления посягательства на жизнь лица, как убийство. Первый подход является исключительно «механическим», а потому не может считаться научно обоснованным, поскольку противоречит известному правилу: формулировка статьи УК Украины должна исходить из того, что положения статьи раскрывают и конкретизируют в завершеном виде соответствующие нормативные предписания, которые в свою очередь в обобщенном виде находят закрепление в ее названии. Второй подход также не является достаточно аргументированным. Так, сторонники рассматриваемой позиции не в полной мере учитывают имеющиеся толкования слова «посягательство». Последнее употребляется в двух значениях: 1) пытаться присвоить что-нибудь, пытаться нанести какой-то вред кому-либо [5, с. 708]; 2) лишить кого-либо покоя, счастья и т. д. (посягать на жизнь) [6, с. 1086]. Таким образом, есть все основания утверждать, что под посягательством на жизнь понимается не только действие, направленное на причинение смерти лицу, но и непосредственное причинение смерти потерпевшему. Указанное понимание общественно опасного деяния в составе посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля соответствует и содержанию общественных отношений, поставленных под охрану ст. 112 УК Украины. В частности, не вызывает сомнений то обстоятельство, что не только покушение на убийство Президента, но и убийство главы государства причиняют вред общественным отношениям по обеспечению безопасности осуществления государственной власти высшим должностным лицом Украины.

В связи с изложенным позиция третьей группы ученых, которые считают, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 112 УК Украины, заключается в обще-

ственно опасном деянии, направленном на умышленное лишение жизни государственного или общественного деятеля (убийстве или покушении на убийство), также требует некоторых уточнений [7, с. 215; 8, с. 234; 9, с. 10].

Так, с одной стороны, под посягательством на жизнь лиц, указанных в ст. 112 УК Украины, авторы понимают убийство и покушение на такое убийство. С другой стороны, приводя определение указанного посягательства, ученые отмечают, что его образуют действия или бездействие, направленные на лишение жизни государственного или общественного деятеля. В то же время с учетом положений ч. 1 ст. 15 УК Украины, по утверждению указанных авторов, посягательство на жизнь означает лишь покушение на убийство потерпевшего. Таким образом, в основу рассматриваемой позиции положено противоречие, а потому с точки зрения философии утверждение, содержащее противоречие, не является истинным.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что наиболее обоснованной является позиция четвертой группы ученых, которые считают, что посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля означает убийство или покушение (оконченное или неоконченное) на убийство лиц, указанных в ст. 112 УК Украины [10, с. 153; 11, с. 36; 12, с. 175; 13, с. 163].

В ее пользу можно привести несколько аргументов. Во-первых, она однозначно следует из этимологии слова «посягательство». Как справедливо по этому поводу отмечает В.Ф. Щепельков, нередко законодатель при определении общественно опасного деяния применяет отглагольные существительные, имеющие два значения: процесс (действие) и/или результат (следствие). В связи с этим посягательство на жизнь можно рассматривать и как процесс (покушение на причинение смерти лица – Р.Ч.), и как результат (причинение смерти потерпевшему – Р.Ч.), а также и как процесс, и как результат (покушение на убийство или убийство) [14, с. 233]. Стоит также согласиться с автором, что проблема той или иной трактовки законодательного термина должна решаться на основе одинакового его толкования во всех нормах уголовного

закона путем определения в соответствующих его статьях отлагательных существительных [14, с. 234]. Во-вторых, из изложенного следует, что в Особенной части УК Украины содержится еще четыре статьи (ст. ст. 348, 379, 400, 443), в которых под посягательством на жизнь лица в связи с выполнением им определенных полномочий понимается убийство или покушение на убийство потерпевшего. В-третьих, такая позиция поддержана и судебной практикой. В частности, в п. 12 постановления «О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека» от 07.02.2003 г. № 2 Пленум Верховного Суда Украины отметил, что умышленное убийство или покушение на убийство государственного или общественного деятеля следует квалифицировать только по ст. 112 УК Украины [15].

Рассмотрев имеющиеся научные позиции, можно прийти к однозначному выводу, что общественно опасное деяние в составе преступления, предусмотренного ст. 112 УК Украины, состоит в прекращении государственной или общественной деятельности потерпевшего, причиняя вред общественным отношениям по обеспечению безопасности осуществления высшими должностными лицами государственной власти и деятельности руководителей политических партий. Прекращение такой деятельности проявляется альтернативно как в совершении покушения на убийство (оконченного и неоконченного), так и в умышленном противоправном причинении смерти лицу и может заключаться в активных общественно опасных действиях субъекта (производство выстрела, нанесения удара ножом и т. п.), а также в общественно опасном бездействии виновного, когда последний не совершает действия, непосредственно следующего из закона или служебных полномочий при наличии у такого лица в конкретной ситуации реальной возможности совершить указанные активные действия (например, непредоставления врачом необходимой медицинской помощи больному и т. д.).

С учетом изложенного есть основания утверждать, что с целью повышения качества УК Украины, обеспечения единого подхода в Особенной части уголовного закона к формули-

ровке общественно опасных деяний, объективирующихся в посягательстве на жизнь лица в связи с выполнением возложенных на него законами Украины полномочий и однозначного их понимания сотрудниками правоохранительных органов и судом, ст. 112 УК Украины требует внесения изменений путем четкого закрепления в ее диспозиции всех деяний, альтернативно образующих обязательный признак объективной стороны этого преступления, которыми являются убийство или покушение на убийство государственного или общественного деятеля.

Впрочем, прежде чем предложить новую редакцию ст. 112 УК Украины, нельзя обойти вниманием следующий аспект. Объективной детерминантой общественно опасного деяния (действия или бездействия) является объект преступления. Именно общественные отношения, которым причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда, и определяют формы проявления общественно опасных деяний против безопасности осуществления государственной власти высшими должностными лицами и руководителями политических партий.

В связи с этим есть все основания утверждать, что способами причинения вреда указанным общественным отношениям, кроме убийства и покушения на убийство, могут быть и другие физические или информационные общественно опасные действия, ответственность за совершение которых предусмотрена в отдельных статьях УК Украины.

Итак, с точки зрения особенностей основного непосредственного объекта состава этого преступления, а также учения об общественно опасном деянии формулировка не только названия ст. 112 УК Украины, но и предусмотренного в ней общественно опасного деяния не в полной мере соответствует назначению указанной нормы.

Так, к общественно опасным деяниям, являющимися способом причинения вреда общественным отношениям по обеспечению безопасности осуществления государственной власти высшими должностными лицами и руководителями политических партий, которые приводят к полному, частичному или в течение определенного времени прекращению выполнения ими

предусмотренных законами Украины и уставными документами полномочий или ненадлежащему исполнению таких полномочий указанными лицами в интересах виновного, относятся следующие: а) незаконное влияние в любой форме на пострадавших от преступления, предусмотренного ст. 112 УК Украины, с целью помешать выполнению ими служебных обязанностей или добиться принятия незаконных решений (ч. 1 ст. 344 УК Украины); б) угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, а также похищением или лишением свободы таких лиц, их близких родственников, совершенные в связи с государственной или общественной деятельностью указанных лиц (ч. 1 ст. 346 УК Украины); в) умышленное причинение государственным или общественным деятелям средней тяжести телесных повреждений или легких телесных повреждений, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий в связи с их государственной или общественной деятельностью (ч. 2 ст. 346 УК Украины); умышленное причинение государственным или общественным деятелям тяжких телесных повреждений в связи с их государственной или общественной деятельностью (ч. 3 ст. 346 УК Украины).

Изложенное дает основания для криминализации указанных способов посягательства на общественные отношения по обеспечению безопасности осуществления государственной власти высшими должностными лицами и руководителями политических партий в одной статье Особенной части УК Украины с тем уточнением, что указанные общественно опасные деяния, совершенные в отношении руководителей политических партий, которые не относятся к государственным деятелям, причиняют вред общественным отношениям, входящим в группу общественных отношений, поставленных под охрану раздела XV «Преступления против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан» Особенной части УК Украины.

Таким образом, позиция законодателя, в соответствии с которой преступления, внешне проявляющиеся в посягательстве на один и тот же объект,

предусмотренные в нескольких статьях УК Украины, не соответствует принципиальным положениям по построению Особенной части УК Украины. Поэтому уголовная ответственность за общественно опасные деяния, совершение которых альтернативно создает угрозу причинения вреда общественным отношениям по обеспечению безопасности осуществления государственной власти высшими должностными лицами, должна быть предусмотрена в одной статье раздела I Особенной части УК Украины. В свою очередь аналогичные деяния, направленные на причинение вреда общественным отношениям по обеспечению безопасности осуществления деятельности руководителей политических партий (общественных объединений) должны быть предусмотрены в одной статье раздела XV Особенной части закона Украины об уголовной ответственности.

На основании проведенного в этой статье исследования можно прийти к таким выводам:

– общественно опасное деяние в составе посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля проявляется в совершении виновным убийства или покушения (оконченного или неоконченного) на убийство лиц, указанных в ст. 112 УК Украины, и может заключаться в активных действиях субъекта или общественно опасном бездействии;

– учитывая, что объективной детерминантой общественно опасного деяния (действия или бездействия) является объект преступления, есть все основания утверждать о необходимости установления в ст. 112 УК Украины ответственности за все предусмотренные в УК Украины общественно опасные деяния субъекта, совершение которых альтернативно ставит под угрозу осуществление государственной власти высшими должностными лицами государства.

На основании изложенного предлагается ст. 112 УК Украины изложить в такой редакции:

«Статья 112. Незаконные действия в отношении государственного деятеля

1. Незаконное влияние в любой форме на государственного деятеля, с целью помешать выполнению им служебных полномочий или добиться принятия указанным лицом незаконных ре-

шений, угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, похищением или незаконным лишением свободы лица или его близких родственников, а также умышленное причинение государственному деятелю телесных повреждений, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, покушение на убийство или убийство государственного деятеля в связи с его государственной деятельностью – наказываются...»;

Принимая во внимание, что те же самые общественно опасные деяния, совершенные в отношении руководителя политической партии или общественного объединения, не являющихся государственными деятелями, не создают угрозы причинения вреда общественным отношениям по обеспечению безопасности осуществления государственной власти, которые в свою очередь не входят в систему общественных отношений, поставленных под охрану раздела I Особенной части УК Украины, ответственность за их совершение целесообразно предусмотреть в новой статье 346-1 УК Украины, которую предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 346-1. Незаконные действия в отношении общественного деятеля

1. Незаконное влияние в любой форме на руководителя зарегистрированной политической партии или общественного объединения с целью помешать выполнению им полномочий по руководству политической партией или общественным объединением или добиться принятия указанным лицом незаконных решений или решений вопреки уставу либо программы политической партии или общественного объединения, угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, похищением или незаконным лишением свободы такого лица или его близких родственников, а также умышленное причинение руководителю политической партии или общественного объединения телесных повреждений, нанесение побоев или совершение других насильственных действий, покушение на убийство или убийство руководителя политической партии или общественного объединения в связи с вы-

полнением полномочий руководителя политической партии или общественного объединения наказываются ...»;

В связи с предложенными изменениями ст. ст. 344 и 346 УК Украины предлагается исключить.

Список использованной литературы:

1. Звонарьов О.Ю. Кримінальна відповідальність за посягання на життя державного чи громадського діяча / О.Ю. Звонарьов. – Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2005. – 120 с.
2. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 556 с.
3. Бородин С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.
4. Троицкий В.В. Посягательство как категория российского уголовного права : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец.12.00.08 / В.В. Троицкий ; Акад. права и упр. м-ва юстиции РФ. – Рязань, 2004. – 25 с.
5. Сучасний тлумачний словник української мови : [65 000 слів] / за заг. ред. В.В. Дубічинського. – Х. : ВД «Школа», 2006. – 1008 с.
6. Бусел В.Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови : [250 000 слів] / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
7. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / Ю.В. Александров та ін. ; ред. С.С. Яценко. – 4-е вид., перероб. та доп. – К. : А.С.К., 2006. – 848 с.
8. Кримінальний кодекс України: науково-практичний коментар / відп. ред. Є.Л. Стрельцов. – Х. : Одиссей, 2012. – 904 с.
9. Сотула О.С. Кримінальна відповідальність за посягання на життя державного чи громадського діяча : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / О.С. Сотула ; Нац. ун-т внутр. справ. – Х., 2003. – 20 с.
10. Ліпкан В.А. Національна безпека України: кримінально-правова охорона : [навчальний посібник] / В.А. Ліпкан, І.В. Діордіца. – К. : КНТ, 2007. – 292 с.
11. Картавцев В.С. Кримінальна відповідальність за злочини про-

ти основ національної безпеки України (наукові засади кваліфікації) : [навчальний посібник] / В.С. Картавцев. – К. : Вид-во Національної академії СБ України, 2004. – 57 с.

12. Коржанський М.Й. Науковий коментар Кримінального кодексу України / М.Й. Коржанський. – К. : Атіка ; Академія ; Ельга-Н, 2001. – 656 с.

13. Скулиш, Є.Д. Злочини проти основ національної безпеки України : [навчальний посібник] / Є.Д. Скулиш, О.Ю. Звонарьов. – К. : Наук.-вид. відділ НА СБ України, 2011. – 220 с.

14. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В.Ф. Щепельков. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2003. – 416 с.

15. Про судову практику в справах про злочини проти життя та здоров'я особи : Постанова Пленуму Верховного Суду України від 07.02.2003 р. № 2 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v0002700-03/print1387202176494471>.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОПЫТ ДЛЯ УКРАИНЫ

Максим ШИШЛЮК,

аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article presents a comparative legal analysis of certain types of military pensions under the legislation of Ukraine and the Republic of Belarus as an important component of socio-economic aspects of military service. The most important items of pension's for military personnel and their families in today's conditions are studied. Author makes proposals for improvement of the domestic legislation of Ukraine in this field.

Key words: social security, military personal, pension benefit, retirement pension, disability pension, pension for the loss of a breadwinner.

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ отдельных видов пенсионного обеспечения военнослужащих по законодательству Украины и Республики Беларусь как важной составляющей социально-экономического аспекта военной службы. Рассматриваются актуальные вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих и членов их семей в современных условиях. Разработаны предложения по совершенствованию отечественного законодательства Украины в данной сфере.

Ключевые слова: социальная защита, военнослужащие, пенсионное обеспечение, пенсия по возрасту, пенсия по инвалидности, пенсия по потере кормильца.

Постановка проблемы. Вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих в условиях становления и развития пенсионной системы приобретают особую значимость, поскольку пенсионное обеспечение является одним из основных и наиболее стабильных элементов социального обеспечения лиц, проходивших военную службу, а также членов их семей. Оно входит в систему государственного пенсионного обеспечения, которая сформировалась в современном виде после проведения пенсионной реформы 2004 г. Вместе с тем действующее законодательство Украины в указанной сфере требует разработки системного теоретико-методологического подхода к изучению социально-экономической сущности, особенностей и механизмов пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, а также членов их семей для дальнейшего совершенствования пенсионных отношений, складывающихся в данной области, что в свою очередь наиболее целесообразно

осуществлять с учетом положительного опыта зарубежных стран.

Целью статьи является сравнительно-правовой анализ норм, регулирующих вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих в национальном и зарубежном законодательстве (на примере Беларуси), а также внесение предложений по совершенствованию правового регулирования отношений, которые складываются в указанной сфере.

Состояние исследования. В юридической литературе вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих стали предметом научных исследований С.А. Алешиной, Н.Е. Антипьевой, С.И. Барсукова, Е.А. Барановой, А.Н. Борисова, Е.А. Глухова, Д.Н. Ермакова, А.В. Ефремова, А.И. Землина, Н.С. Ильменейкиной, И.А. Кинашенко, В.М. Корякина, О.В. Скулакова, А.С. Сливкова, Е.Н. Трофимова, С.А. Хмелевской, О.В. Шикаловой и др.

Изложение основного материала. Пенсионное обеспечение имеет особое значение для военнослужащих,

чья служебная деятельность напрямую связана с повышенным риском для их жизни и здоровья, требует значительных моральных и физических сил, что в свою очередь обуславливает закрепление на законодательном уровне достаточно раннего возраста их выхода на пенсию. Кроме того, повышенное пенсионное обеспечение военнослужащих всегда входило в число условий привлекательности военной службы.

Действующее законодательство Украины, в частности Закон Украины «О пенсионном обеспечении лиц, уволенных с военной службы, и некоторых других лиц», определяет круг лиц, которые имеют право на пенсионное обеспечение на условиях данного закона. Отличительной чертой закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и органов финансовых расследований» является то, что в ст. 3 содержится более узкий перечень таких служащих по сравнению с Законом Украины «О пенсионном обеспечении лиц, уволенных с военной службы, и некоторых других лиц». Согласно закону Республики Беларусь к последним относятся офицеры, прапорщики, мичманы, военнослужащие, проходящие службу по контракту на должностях сержантов, старшин, и рядовые, курсанты и слушатели военно-учебных заведений, сержанты, старшины, солдаты и матросы срочной службы, проходящие ее в Вооруженных Силах, внутренних и пограничных войсках, Комитете государственной безопасности и гражданской обороне, иных воинских формированиях, создаваемых в соответствии с действующим законодательством; военнообязанные, призванные на сборы [1].

Закон Украины распространяет свое действие и на лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел Украины, лиц начальствующего состава налоговой милиции, лиц начальствующего и рядового состава Государственной уголовно-исполнительной службы Украины, лиц начальствующего и рядового состава органов и подразделений гражданской защиты и др. [2], то есть предусмотрен более широкий круг лиц, имеющих право на пенсионное обеспечение.

Что касается видов пенсионного обеспечения, то украинское и белорусское законодательство идентичны. Статья 1 Закона Республики Беларусь [1] и ст. 1 Закона Украины [2] относят к видам пенсионного обеспечения пенсию за выслугу лет, пенсию по инвалидности и пенсию по случаю утери кормильца.

Рассматривая особенности каждого вида пенсионного обеспечения в контексте сравнительно-правового анализа, можно выделить ряд особенностей.

Так, Закон Республики Беларусь по сравнению с Законом Украины устанавливает «упрощенный» перечень условий назначения пенсии за выслугу лет. Статья 14 настоящего Закона к ним относит: а) военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, лиц начальствующего и рядового состава, имеющих выслугу на военной службе и (или) на службе 20 и более лет; б) военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, лиц начальствующего и рядового состава, достигших на день увольнения с военной службы или со службы предельного возраста состояния на военной службе или на службе, имеющих выслугу лет с учетом стажа работы 25 и более календарных лет, из которых не менее 12 лет и 6 месяцев составляют военная служба и (или) служба [1].

В свою очередь Закон Украины (ст. 12) содержит норму, которая предусматривает каждый год повышение стажа, необходимого для выхода на пенсию по выслуге лет. В частности, для лиц, уволенных с военной службы в период с 30 сентября 2011 г., которые на день увольнения имеют выслугу 20 лет и более; с 1 октября 2011 г. по 30 сентября 2012 г. и на день увольнения имеют выслугу 20 календарных лет и 6 месяцев и больше; с 1 октября 2012 г. по 30 сентября 2013 г. и на день увольнения имеют выслугу 21 календарный год и более; с 1 октября 2013 г. по 30 сентября 2014 г. и на день увольнения имеют выслугу 21 календарный год и 6 месяцев и более; с 1 октября 2014 г. по 30 сентября 2015 г. и в день увольнения имеют выслугу 22 календарных года и более; с 1 октября 2015 г. по 30 сентября 2016 г. и в день увольнения имеют выслугу 22 календарных года и 6 месяцев и больше; с 1 октября 2016 г. по 30 сентября 2017 г. и по день увольнения имеют

выслугу 23 календарных года и более; с 1 октября 2017 г. по 30 сентября 2018 г. и на день увольнения имеют выслугу 23 календарных года и 6 месяцев и больше; с 1 октября 2018 г. по 30 сентября 2019 г. и в день увольнения имеют выслугу 24 календарных года и более; с 1 октября 2019 г. по 30 сентября 2020 г. и на день увольнения имеют выслугу 24 календарных года и 6 месяцев и больше; с 1 октября 2020 г. или после этой даты и на день увольнения имеют выслугу 25 календарных лет и более. Такая дифференциация календарной выслуги лет обусловлена принятием Закона Украины «О мерах законодательного обеспечения реформирования пенсионной системы» от 8 июля 2011 р. № 3668-VI [3].

По нашему мнению, такой подход является не совсем оправданным, поскольку повышение пенсионного возраста, предусмотренное Законом Украины № 3668-VI, своей главной целью имело снижение расходов, связанных с выплатами пенсий (экономия средств), из бюджета Пенсионного фонда Украины. Поскольку пенсионное обеспечение военнослужащих осуществляется за счет средств Государственного бюджета Украины, а также учитывая особый характер воинской службы, связанный с высоким риском для жизни и здоровья военнослужащих, нецелесообразно устанавливать такое повышение стажа, необходимого для выхода на пенсию по выслуге лет. В данном случае целесообразно заимствовать опыт Беларуси, установив в ч. 1 ст. 12 Закона Украины, что право на пенсию по выслуге лет имеют военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, лица начальствующего и рядового состава, имеющие выслугу на военной службе и (или) на службе 20 и более лет.

Статья 23 Закона Украины, также как и ст. 25 Закона Республики Беларусь, предусматривает право на назначение пенсий по инвалидности в размере пенсии по выслуге лет [2], а Закон Республики Беларусь еще дополнительно и в размере пенсии по возрасту [1]. Следует отметить категории лиц, которые имеют право на такое назначение пенсий в соответствии с законодательством обеих стран. Так, украинское законодательство в ч. 1 ст. 23 закона к таким лицам относит

инвалидов из числа лиц офицерского состава, прапорщиков и мичманов, военнослужащих сверхсрочной службы и военной службы по контракту, лиц, имеющих право на пенсию по настоящему Закону.

В то же время ч. 1 ст. 25 Закона Республики Беларусь определяют таких лиц следующим образом. Устанавливается, что инвалидам I и II групп из числа военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава, имеющим стаж работы, необходимый для назначения пенсии по возрасту, установленный Законом Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» [4], пенсия по инвалидности может назначаться в размере пенсии по возрасту. В ч. 2 обозначенной статьи указывается, что при наличии у инвалидов I и II группы из числа военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, лиц начальствующего и рядового состава выслуги, необходимой для назначения пенсии за выслугу лет, пенсия по инвалидности может назначаться им в размере пенсии за выслугу лет при соответствующей выслуге.

Таким образом, следует выделить следующие особенности. Во-первых, Закон Республики Беларусь содержит более узкий перечень лиц, которые имеют право на указанный вид пенсионного обеспечения, и относит к ним только инвалидов I и II группы, в то время как законодательство Украины определяет более широкий круг лиц, к которым относят инвалидов всех групп, в том числе и III. Также белорусский закон разграничивает категории военнослужащих по праву получения «альтернативной» пенсии при установлении инвалидности: правом на получение пенсии по инвалидности в размере пенсии за выслугу лет только могут воспользоваться инвалиды I и II группы из числа военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, но в то же время инвалиды I и II групп из числа военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава могут воспользоваться как назначением пенсии по инвалидности в размере пенсии по возрасту так и пенсии за выслугу лет.

Акцентируя внимание на сроках назначения и выплате пенсии по инвалидности, следует отметить, что положения украинского и белорусского

законодательства также отличаются. Так, в ст. 26 Закона Украины предусмотрено пожизненное назначение пенсии по инвалидности инвалидам, которые достигли пенсионного возраста, установленного ст. 26 Закона Украины «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании» [5]. Как говорилось ранее, данная статья содержит норму, предусматривающую каждый год повышение стажа, необходимого для выхода на пенсию по возрасту на 6 месяцев, в то время как в ст. 26 Закона Республики четко закреплен возраст, с которого лицо имеет право на пенсию по инвалидности пожизненно – мужчинам старше 60 лет и женщинам старше 55 лет [1]. Положения Закона Республики Беларусь являются более оправданными, поскольку, как указывалось выше, с учетом особого характера воинской службы, связанной с высоким риском для жизни и здоровья военнослужащих, нецелесообразно устанавливать такое повышение возраста, необходимого для получения права на пенсию по инвалидности пожизненно.

Таким образом, признается целесообразно ст. 23 Закона Украины изложить в следующей редакции:

«Инвалидам из числа военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава, прапорщикам и мичманам, военнослужащим сверхсрочной службы и военной службы по контракту, имеющим стаж работы, необходимый для назначения пенсии по возрасту, установленный Законом Украины «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании» (в том числе на льготных условиях), пенсия по инвалидности может назначаться в размере пенсии по возрасту, предусмотренной указанным Законом при соответствующем стаже работы.

Лицам, указанным в ч. 1 этой статьи, при наличии выслуги, необходимой для назначения пенсии за выслугу лет, пенсия по инвалидности может назначаться им в размере пенсии за выслугу лет при соответствующей выслуге».

Что касается срока назначения и выплаты пенсии по инвалидности, то ч. 1 ст. 26 Закона Украины следует изложить в следующей редакции:

«Пенсии по инвалидности военнослужащим, лицам, которые имеют право на пенсию по настоящему

Закону, назначаются на все время инвалидности, установленной медико-социальной экспертной комиссией, а инвалидам – мужчинам старше 60 лет и женщинам старше 55 лет – пожизненно. Повторное переосвидетельствование этих инвалидов производится только по их заявлению».

Еще одним видом пенсий, на которую следует обратить внимание в связи с ее особенностью назначения и предоставления по законодательству Украины и Республики Беларусь, являются пенсии по случаю потери кормильца.

В ст. 30 Закона Украины, как и в ст. 30 Закона Республики Беларусь, определяется широкий круг лиц, имеющих право на пенсию по утере кормильца. В частности, к ним относятся следующие: нетрудоспособные члены семей погибших, умерших или пропавших без вести военнослужащих, лиц, имеющих право на пенсию согласно данному закону, которые находились на их иждивении; независимо от нахождения на иждивении кормильца: нетрудоспособные дети; нетрудоспособные родители и жена (муж), если они после смерти кормильца утратили источник средств к существованию, а также нетрудоспособные родители и жена (мужа) военнослужащих, лиц, имеющих право на пенсию согласно данному закону, погибших (умерших) в период прохождения военной службы (выполнения служебных обязанностей) либо после увольнения со службы, но вследствие ранения, контузии, увечья, полученных при исполнении обязанности военной службы (служебных обязанностей), заболевания, связанного с пребыванием на фронте, ликвидацией последствий Чернобыльской катастрофы или выполнением интернационального долга. Также следует отметить, что воспитанники, ученики, студенты, курсанты, слушатели (кроме курсантов и слушателей военно-учебных заведений и учебных заведений органов внутренних дел и государственной пожарной охраны), стажеры имеют право на пенсию по случаю потери кормильца

ца до окончания учебных заведений, но не дольше, чем до достижения ими 23-летнего возраста.

Члены семьи умершего, согласно ст. 31 Закона Украины, считаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию.

Члены семьи умершего, для которых его помощь была постоянным и основным источником средств существования, но которые сами получали какую-либо пенсию, имеют право перейти на новую пенсию.

Однако в части назначения такой пенсии по утере кормильца Закон Украины и Закон Республики Беларусь расходятся в следующем.

Так, в ст. 39 Закона Республики Беларусь устанавливается, что пенсия по случаю потери кормильца назначается на каждого нетрудоспособного члена семьи, имеющего право на пенсию, а также закрепляет, что по желанию членов семьи им может быть назначена одна общая пенсия (ч. 2 ст. 39) [1].

Статьей 41 Закона Украины предусмотрено, что на всех членов семьи, имеющих право на пенсию, назначается одна общая пенсия, кроме случая, указанного в ч. 4 настоящей статьи, а именно родителям, жене (мужу) погибшего (умершего) или пропавшего без вести лица офицерского состава, прапорщикам и мичмана, военнослужащего сверхсрочной службы и военной службы по контракту или лица, имеющего право на пенсию по настоящему закону, когда пенсия по потере кормильца назначается на каждого из указанных выше лиц. Однако, что касается процедуры выплаты, то согласно украинскому законодательству по требованию члена семьи его доля пенсии может выделяться и выплачиваться ему отдельно [2].

Безусловно, белорусское законодательство в части назначения пенсии по потере кормильца на каждого нетрудоспособного члена семьи является таким, что обеспечивает более высокий уровень социальной защиты. Однако при ответе на вопрос о том, стоит ли заимствовать такое положение в украинское законодательство, следует исходить также из финансовой способности и целесообразности выплачивать

рассматриваемый вид пенсионного обеспечения на каждого члена семьи погибшего (умершего) военнослужащего, поскольку таким лицам также могут выплачиваться другие виды пособий в соответствии с другими законодательными актами.

Выводы. Таким образом, в нынешних условиях, когда Украина подвержена угрозе военного вторжения, одним из важнейших является вопрос обеспечения более высокого уровня социальной защиты военнослужащих. Особое внимание следует уделять вопросам пенсионного обеспечения военнослужащих, которое является одним из ключевых критериев, определяющих престижность воинской профессии.

На сегодняшний день реформирование системы пенсионного обеспечения военнослужащих необходимо осуществлять, учитывая положительный опыт зарубежных стран. В таком случае, по нашему мнению, целесообразным будет заимствование ряда положений относительно отдельных видов пенсионного обеспечения, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и органов финансовых расследований».

Однако в свою очередь такое заимствование необходимо адаптировать к тем общественным отношениям, которые складываются, учитывая общественно-политическую и экономическую ситуацию, сложившуюся на данный момент в Украине, а также с точки зрения правовой и экономической целесообразности проведения реформирования в условиях экономического кризиса.

Список использованной литературы:

1. О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и органов финансовых расследований : Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2050-XII // Ведомості Вярхоунага Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 36. – Ст. 571.

2. Про пенсійне забезпечення осіб, звільнених з військової служби, та деяких інших осіб : Закон України від 9 квітня 1992 р. № 2262-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 29. – Ст. 399.

3. Про заходи щодо законодавчого забезпечення реформування пенсійної системи : Закон України від 8 липня 2011 р. № 3668-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 12–13. – Ст. 82.

4. О пенсионном обеспечении : Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII // Ведомості Вярхоунага Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 17. – Ст. 275.

5. Про загальнообов'язкове державне пенсійне страхування : Закон України від 9 липня 2003 р. № 1058-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 49–51. – Ст. 376.

ПРАВОИНФОРМИРОВАННОСТЬ ЛИЧНОСТИ: КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ

Анатолий ШУЛЬГА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общеправовых дисциплин факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article lights up the basic aspects of description of structure of sense of justice of personality as the system phenomenon. It becomes firmly established that using as the most correct scientific terminology within the framework of this structure it is expedient to distinguish cognitive, evaluation, motivational elements. It is explained that the "ideological elements" of sense of justice can be positioned as part of his "cognitive elements" among that there are normative and unnormative elements. Among the types of "knowledge of right" not only knowledge about an operating or desired right but also knowledge differentiates about the supposed right. Specified, that quality and quantitative the aspects of "knowledge of right" reflect maintenance and volume of this concept accordingly.

Key words: sense of justice of personality, knowledge of right, quality aspect of knowledge of right, quantitative aspect of knowledge of right.

Аннотация

Статья освещает основные аспекты характеристики структуры правосознания личности как системного явления. Утверждается, что, используя наиболее корректную научную терминологию в рамках этой структуры, целесообразно различать познавательные, оценочные, мотивационные элементы. Объясняется, что «идеологические элементы» правосознания могут позиционироваться как часть его «познавательных элементов», среди которых есть нормативные и ненормативные элементы. Среди видов «знания права» различается не только знание о действующем или желаемом праве, но и знание о предполагаемом праве. Указывается, что качественный и количественный аспекты «знания права», соответственно, отражают содержание и объем этого понятия.

Ключевые слова: правосознание личности, знание права, качественный аспект знания права, количественный аспект знания права.

Постановка проблемы. Исследованию правосознания как предпосылки юридически значимого поведения личности и в бывшем СССР (Е.К. Нурписов, Н.И. Козюбра, П.М. Рабинович, В.В. Оксамытный и др.) и в «постсоветский» период развития юридической науки всегда уделялось пристальное внимание (А.А. Кваша, Н.И. Тюрина, Д.В. Меньяло, И.М. Максимова, Н.И. Уздимаева, И.В. Фабрика, Г.В. Паластрова и др.). Тем не менее, к примеру, в понятийном аппарате общетеоретической юриспруденции всё ещё нет устойчивого и последовательного использования терминов «идеологические» и «неидеологические», «нормативные» и «ненормативные» элементы правосознания, предметом углубленного изучения ещё не стали и различного рода возможные аномалии отражения норм права в правосознании личности и т. д. Соответственно, главной целью статьи является освещение с позиций методологии и категориально-понятийного аппарата общетеоретической юриспруденции основных аспектов качественного и количественного анализа когнитивной сферы правосознания личности.

Изложение основного материала. При обобщающем подходе к характе-

ристике в научной и учебной юридической литературе структурных особенностей правосознания личности как системного явления наиболее корректной в терминологическом и содержательном плане, по нашему мнению, должна быть позиция, согласно которой в правосознании личности необходимо различать по особенностям причинной связи с юридически значимым поведением личности: 1) **познавательные** элементы – соответствующие понятия, представления, взгляды, суждения, убеждения, идеи как выражение знания права («правоинформированности»); 2) **оценочные** элементы – система оценок правовой действительности, которые определяют отношение (положительное, негативное, амбивалентное, индифферентное) к ней; 3) **мотивационные** (регулятивные) элементы – соответствующие мотивы, установки, ценностные ориентации как непосредственная внутренняя причина юридически значимого поведения личности.

В свою очередь, учитывая содержание правовой информации («прескриптивная» (деонтическая, предполагающая наличие в формулировании нормативно-правового предписания нормативного термина: «может», «обя-

зан», «запрещается» и т. п.) и «дескриптивная» (описательная, ненормативная)), по нашему мнению, среди **познавательных** элементов правосознания необходимо различать по смыслу правовой информации, которая стала предметом отражения: 1) **нормативные** элементы, то есть знание о «поведенческих элементах» правового статуса, иначе говоря, представления о предусмотренных нормами права «правах», «свободах», «обязанностях» и т. п.; 2) **ненормативные** элементы. Например, Н.И. Тюрина (термин «нормативные элементы правосознания» не использует) пишет, что к «ненормативным элементам правосознания относятся правовые идеи, принципы и категории, которые не подвергнуты детальной законодательной регламентации (идеи законности и справедливости, ответственности за вину, категории юридических прав и обязанностей и др.)», самые важные ненормативные элементы правосознания – «ценностные ориентации личности» [1, с. 118], хотя, например, «правовые принципы», отраженные в правосознании, – нормативный элемент (достаточно вспомнить хотя бы те из них, которые имеют значение для преодоления пробелов в праве).

По нашему мнению, среди *нормативных* элементов можно за *характером взаимосвязи* различать: а) *основные* элементы; б) *субсидиарные* элементы. Первые представляют собой правила поведения, отраженные в правосознании как определенные «права», «свободы», «обязанности» и т. п., прямо предусмотренные нормами позитивного права, закрепленные в соответствующих формах (источниках) права. Субсидиарные элементы (по определению) являются нормативным дополнением основных элементов. Их существование, на наш взгляд, необходимо связывать с таким явлением, как *нормативность правосознания* [2, с. 333–334], прежде всего с нормативностью профессионального правосознания. Например, с *нормативностью правосознания судей*. В данном плане примером могут быть *судейские обычаи*, возникновение и упрочение которых в правосознании судей, применение в судебной практике объективно предопределяет наличие пробелов в праве. Так, в частности, в бывшем СССР процессуальное правило «сомнения необходимо толковать в пользу обвиняемого» сначала возникло как *неписаное* судебное правило [3, с. 168], в дальнейшем оно нашло формальное определение в одном из Постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1978 г.). В современной Украине соответствующее правило закрепляет ст. 62 Конституции Украины.

Среди *познавательных* элементов, по нашему мнению, целесообразно также различать: а) *неидеологические* элементы (выражают *элементарное знание* правовой действительности); б) *идеологические* элементы (выражают *углубленное знание* правовой действительности). Критерий различия неидеологических и идеологических элементов – уровень (глубина) познания личностью правовой действительности, отраженный, например, в *представлениях* о нормах и принципах права, в *идеях*, которые выражают сущность права как социального института, его назначение в социально-неоднородном обществе. При таком подходе «идеологические элементы» или «правовая идеология» позиционируются не как относительно отделенная часть правосознания, а как часть познавательных элементов согласно основным воз-

можным *уровням* познания правовой действительности – уровням ее познавательного отражения в правосознании личности.

Вообще возможность указанного подхода к классификации элементов правосознания («познавательные», «оценочные», «мотивационные») обусловлена тем, что в нём есть элементы, природа которых подчеркивает прежде всего *отражающий* аспект правосознания, то есть имеются определенные конкретные психологические формы-носители *отражения* правовой действительности в правосознании личности: правовые убеждения, правовые идеи, правовые эмоции и т. п. Отличие таких форм друг от друга является основанием для составления общего представления о *структуре* («психологической структуре») индивидуального правосознания как такового. Однако, учитывая *регулятивный* аспект правосознания, соответствующие структурные элементы правосознания закономерно всегда «принимают участие» в *процессе внутренней детерминации* юридически значимого поведения личности, в формировании его *мотивации* («правовое сознание является <...> регулятором юридически значимого поведения людей» [4, с. 23]). С другой стороны, *процесс внутренней детерминации* юридически значимого поведения указывает на то, что в контексте связи познавательных и мотивационных элементов правосознания необходимо различать в качестве *промежуточных элементов* соответствующие *юридические («правовые») оценки*. Объясняется это тем, что *системность правосознания личности* свидетельствует о том, что все элементы *правосознания личности* как элементы ее *психологической структуры* имеют связь с правовой действительностью через познавательную функцию сознания и *оценочное отношение* к ней, при этом одновременно через *оценочное отношение* они неизменно находят внешнее выражение и в юридически значимом поведении личности.

Объективная возможность указанной классификации («познавательные», «оценочные», «мотивационные» элементы) объясняется тем, что в юридической литературе по вопросам правосознания (несмотря на расхождение подходов) обычно называют три

основных *функции* правового сознания: *познавательную, оценочную, регулятивную*. Иначе говоря, правовому сознанию присущи интеллектуальный, эмоциональный и волевой (поведенческий) моменты [5, с. 82]. По мнению И. Сабо, как правило, в центре внимания авторов находится преимущественно один из этих моментов, когда особое значение предоставляется, например, волевой стороне правосознания или же познавательной и оценочной [6, с. 210]. Но «традиционно при рассмотрении структуры правосознания выделяется три взаимозависимых компонента: знание права, отношение к праву, побуждение к выполнению правовых предписаний» [7, с. 66].

В данном контексте, по нашему мнению, целесообразно обратить внимание на то, что в генетическом плане познавательная, оценочная и регулятивная функции в своей совокупности образуют пирамидальную структуру. Познавательная функция предшествует оценочной: «оценочная деятельность невозможна без познавательной» [8, с. 58]. Оценочная функция предшествует регулятивной, то есть интеллектуальный момент правосознания является фундаментальной основой эмоционального и волевого моментов. Таким образом, интеллектуальный момент правосознания, учитывая его роль в процессе формирования *мотивации* правомерного поведения личности, выступает относительно неё как предпосылка (информационная); оценочный имеет статус промежуточного, переходного явления.

Познание содержания и сущности интеллектуального аспекта правосознания, то есть его *познавательных* элементов, представляет несомненную важность, поскольку именно он имеет статус внутренней первичной ячейки, которая определяет формирование *мотивации* правомерного поведения личности.

Центральным понятием познавательного (интеллектуального) аспекта правосознания является понятие «знание права». В первом приближении *знание права* представляет собой определенную *презентацию* [9, с. 12] (представленность) норм права в сознании личности. Иногда говорят о *репрезентации* [10, с. 17–19] норм в сознании, что не меняет суть дела. Поэтому, гово-

ря о знании человеком *норм права*, как синоним можно использовать термин «*репрезентация (презентация) норм права в правосознании личности*». Но более простым и потому терминологически более удачным, по нашему мнению, как аналогичный по смыслу и объему термин является термин «*правоинформированность*» (информированность о праве как системе норм).

Целесообразно заметить, что хотя в «советский» период развития отечественной юриспруденции *право как информация* уже исследовалось на монографическом уровне [11, с. 41–45], в юридической литературе бывшего СССР, посвященной изучению правосознания, традиционно всегда использовался термин «знание права», а не «правоинформированность», хотя последний и в те времена уже мог найти признание в научном словоупотреблении.

Само по себе понятие «знание права» («правоинформированность») все еще остается определенной мерой неизученным [12, с. 44], но отдельные стороны данной категории уже представлены в общетеоретической юриспруденции в классифицированном виде. Так, например, В.А. Головченко называет следующие *уровни знания права*: «нулевой уровень; знание-узнавание; знание-воспроизведение; знание-понимание; знание-умение; знание-убеждение» [13, с. 82]. В.И. Гойман различает правовые знания: а) *по степени, глубине развития*: 1) несистематизированные; 2) систематизированные; б) *по предмету отражения*: 1) общие; 2) специально-правовые; 3) профессиональные; 4) теоретические; в) *по назначению для удовлетворения интереса*: 1) личного; 2) общественного; 3) профессионального; 4) научно-теоретического. Данные знания также могут быть: 1) алгоритмическими (одновариантными); 2) эвристическими (творческими) [14, с. 25–26].

Как известно, в юридической литературе также традиционно среди видов знания права различают *знание о действующем праве и знание о желаемом праве*. На наш взгляд, такого рода «знание» можно различать «по реальной и перспективной оценке содержания норм права», кроме того есть основания дополнить данную классификацию положением, которое касается и

знания о предполагаемом праве. Такое положение указывает на возможность и целесообразность различия понятий *знание права и представление о праве, а также* подчеркивает связь «знаний» со *сферой действительного* в отличие от связи «представлений» со *сферой воображаемого*.

В плане обоснования сформулированного выше тезиса прежде всего необходимо сказать, что понятие «представление» в связи с процессом человеческого «восприятия» (восприятия окружающего мира) также имеет прямое отношение к знанию действительного. Представления – это образ предмета, который воспринимался и сохранился в сознании. Но понятие «представление» может мыслиться и в другом плане. В связи с такой относительно самостоятельной сферой психики человека является *воображение*. «Воображение» (синоним – «фантазия») – это способность образно создавать или воссоздавать кого-, что-нибудь в мыслях, сознании. Исходя из этой посылки, если *представление о желаемом праве* формируется (логически, творчески, конструктивно) на *точном знании* тех или иных норм права, то *представление о предполагаемом праве* – результат преимущественно воображения, возникшего относительно содержания действующего права (той человеческой фантазии, которая всегда далека от правильных представлений о праве). Соответственно, нетрудно сделать и вывод, что *по степени объективности знания о содержании норм права* можно различать знание о действующем праве и знание о предполагаемом праве.

Используя в данном контексте термин «*представления о предполагаемом праве*», то есть представления о мнимом, надуманном, выдуманном, воображаемом, а не действительном праве, нельзя не вспомнить термин Л.И. Петражицкого «*фантазмы*» (фактически это аналогичный термин, учитывая его смысловую нагрузку). Л.И. Петражицкий в своей *психологической теории права* (начало XX ст.) различал интуитивное право (с ним человек сталкивается повседневно в своих отношениях с другими людьми) и позитивное право (установленное государством). Он подчеркивал, что позитивное право («официальное право») является мало-

известным для граждан; представления и иллюзии, которые есть у людей относительно этого права, он называл «фантазмами» [15, с. 130–176, с. 209–212].

В подтверждение факта существования *представлений о предполагаемом праве* как относительно обособленном явлении *индивидуального обыденного правосознания* говорят и социологические исследования, которые констатируют наличие у ряда людей суждений-*предположений* о характере правового регулирования общественного отношения, которое абсолютно не совпадало с подходом законодателя к регулированию соответствующих отношений [16, с. 237–239].

«Правоинформированность» («знание права») личности относится к числу тех явлений, характеристика которых может и должна осуществляться с привлечением философских категорий «качество» и «количество». Освещение *качественного и количественного* аспектов правоинформированности личности объективно оптимизирует логику анализа понятия «знание права». «Качественный» и «количественный» аспекты, соответственно, отображают *содержание понятия и объем понятия* «знание права». В пределах каждого из указанных аспектов их параметры мыслятся как биполярные, то есть всегда различаются максимальные и минимальные характеристики анализируемых показателей. Тем самым обуславливается диалектика их соотношения, взаимосвязи.

Объектом *качественного аспекта* правоинформированности является *действительное содержание* нормы (норм) права. «Именно в голове» субъекта действия «осуществляется интеллектуальная связь правила и действия» (имеет место *интерпретация формулирования правила*) [17, с. 489]. В результативном плане проблема качества отражения в правосознании содержания норм права является проблемой *истинности знания*, то есть проблемой наличия в ней «*правильного знания*» или «*неправильного знания*» («правильное» – это «истинное», то, что «соответствует действительности»). Соответственно, по нашему мнению, основные виды знания права *по качеству (правильности) отражения содержания норм права* делятся на: 1) *адекватное знание* [18, с. 7]; 2) *не-*

адекватное знание («искаженное знание» – любое «искажение» предполагает, что человек имеет «неправильный взгляд» на что-нибудь, который возник вследствие ошибочного восприятия, объяснения чего-то.

М.И. Бобнева, говоря о возможных аномалиях отражения, присущего «тезаурусу» социальных норм в сознании индивида, характер этих аномалий выражает словами «абerrации, деформации», относя их к содержанию норм [19, с. 117]. «Абerrации, деформации» как понятия М.И. Бобневой не анализируются, хотя, на наш взгляд, они могут быть лишь иным словесным обозначением того, о чем речь шла выше при характеристике качества знания права. По нашему мнению, *искаженность* содержания нормы права нужно отличать от его *фальсификации* – сознательного искажения содержания нормы права при *толковании-разъяснении*. Неосознаваемое «искаженное знание права» также может распространяться при неофициальном толковании-разъяснении (например, в бытовых разговорах людей), однако в исходном плане «искаженность» всегда появляется как неосознаваемый результат *толкования-разъяснения*. ИСКАЖЕННОСТЬ – неумышленный итог добросовестного заблуждения личности, неосознаваемое ошибочное представление человека относительно содержания определенной нормы права. ИСКАЖЕННОСТЬ содержания нормы права объективно предполагает «добавление» к этому содержанию *реально несуществующих признаков* или «отнимание» у этого содержания определенных его *реально существующих признаков*. Качественный аспект знания права (правоинформированности) как элемента правосознания является довольно показательным в том понимании, что «как правило, психологическое исследование не выявляет наличие четко сформулированных норм в сфере осознаваемого человеком» [19, с. 101].

Объектом *количественного аспекта* правоинформированности является *объем содержания* нормы (норм) права. В этом плане в литературе пишут о *полноте* правового знания [18, с. 7], указывают на существование *пробелов* в правовом знании [20, с. 179]. Соответственно, по нашему мнению, основные виды знания права *по объему (количественным показателям) отражения*

содержания норм права такие: 1) *полное знание*; 2) *неполное знание* (имеют место *пробелы* в знании (существенные или несущественные пробелы)).

Выводы. В правосознании личности «идеологические элементы» могут позиционироваться как часть его «познавательных элементов», среди которых необходимо различать «нормативные» (основные, субсидиарные) и «ненормативные» элементы. Среди видов знания права есть основания различать знание о действующем и желаемом праве, знание о действующем и предполагаемом праве, полное и неполное знание. Освещение качественного и количественного аспектов правоинформированности личности объективно оптимизирует логику анализа понятия «знание права». «Качественный» и «количественный» аспекты, соответственно, отражают содержание понятия и объем понятия «знание права».

Список использованной литературы:

1. Тюрина Н.И. Правомерное поведение как объект юридического исследования : дисс. ... канд. юрид. наук / Н.И. Тюрина. – Саратов, 2003. – 218 с.
2. Сурилов А.В. Теория государства и права : [учеб. пособие] / А.В. Сурилов. – К. ; Одесса, 1989. – 439 с.
3. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / Н.Я. Соколов. – М., 1988. – 224 с.
4. Ковальова І.І. Феномен правової свідомості в контексті суспільної та індивідуальної свідомості / І.І. Ковальова // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності : зб. наук. праць / Донецький юр. інст. – 2011. – № 3. – С. 21–26.
5. Оксамытний В.В. Правомерное поведение личности / В.В. Оксамытний. – К., 1985. – 175 с.
6. Сабо И. Основы теории права / И. Сабо. – М. : Прогресс, 1974. – 269 с.
7. Правовое воспитание молодежи / Н.А. Бура, Е.В. Бурлай и др. – К., 1985. – 319 с.
8. Каминская В.И. Правосознание как элемент правовой культуры / В.И. Каминская, А.Р. Рагинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М., 1974. – С. 55-59.
9. Бачиашвили И.М. Соотношение правовых и неправовых норм в процес-

се регулирования социалистических общественных отношений : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / И.М. Бачиашвили. – М., 1981. – 18 с.

10. Бобнева М.И. Репрезентация в сознании и регулятивные функции социальных норм как средств социального воздействия / М.И. Бобнева // Тезисы докладов советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. – М., 1975. – С. 17–19.

11. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация / Ю.В. Кудрявцев. – М., 1981. – 144 с.

12. Оксамытний В.В. Социологические методы исследования правовых явлений / В.В. Оксамытний // Методологические проблемы юридических наук : сб. научных трудов АН УССР / Ин-т гос-ва и права. – К., 1990. – С. 21–25.

13. Головченко В.В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии и методика измерения / В.В. Головченко. – К., 1985. – 127 с.

14. Гойман В.И. Формирование правовой активности личности как составная часть коммунистического воспитания / В.И. Гойман. – М., 1988. – 182 с.

15. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб., 1907. – 656 с.

16. Право и социология. – М., 1973. – 359 с.

17. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / В. Декомб. – М., 2011. – 576 с.

18. Русинов Р.К. Сознание и правомерное поведение личности / Р.К. Русинов. // Советское государство и право. – 1983. – № 5. – С. 3–10.

19. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения / М.И. Бобнева. – М., 1978. – 312 с.

20. Рагинов А.Р. Структура и функции правового сознания / А.Р. Рагинов // Проблемы социологии права. – Вильнюс, 1970. – Вып. 1. – С. 178–187.

ДЛЯ ЗАМЕТОК: